

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (9)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2012**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (9)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2012**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Рябов В.В.** ректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
председатель член-корреспондент РАО
- Геворкян Е.Н.** первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор
заместитель председателя экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО
- Атанасян С.Л.** проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор
- Радченко О.А.** проректор по инновационной деятельности и международным
связям ГБОУ ВПО МГПУ, доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В.В.** доктор исторических наук, профессор,
главный редактор член-корреспондент РАО
- Данилов А.А.** доктор исторических наук, профессор
- Кириллов В.В.** кандидат исторических наук, профессор
- Корнилов В.А.** кандидат исторических наук, профессор
- Карпачев С.П.** доктор исторических наук, профессор
- Леванов Б.В.** доктор исторических наук, профессор
- Митрофанов К.Г.** кандидат педагогических наук, доцент
- Михайловский Ф.А.** доктор исторических наук, профессор
ответственный редактор
- Пашенцев Е.Н.** доктор исторических наук, профессор
- Ртищева Г.А.** кандидат исторических наук, доцент
- Уколова В.И.** доктор исторических наук, профессор
- Хаванов Е.И.** доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Фирсова О.Г.</i> Стиль хозяйствования крупных землевладельцев XVIII – первой половины XIX века	8
<i>Серов О.В., Рябов В.В.</i> Ретроспективный взгляд на движение революционных народников.....	22
<i>Васёхина Н.В.</i> Московская организация партии эсеров (по мемуарной литературе).....	39
<i>Ватник Н.С.</i> «Школьный вопрос» и правительственное реформаторство в России начала XX века (1900–1907 годы)	46
<i>Селивёрстова Н.М.</i> Дворянство и Великие реформы в современной американской историографии	56

Новейшая история России

<i>Махнырёв А.Л.</i> 800-летие Москвы сквозь призму советского общественного мнения	67
---	----

Всеобщая история

<i>Войтенко А.А.</i> Агиографический текст как исторический источник	79
<i>Черепнёва А.А.</i> Экономическое положение Ирландии в первой половине XIX века.....	91
<i>Татаркина Н.В.</i> Национальная идентичность и межнациональные противоречия в немецких войсках	97

Методика преподавания истории

<i>Михайловский Ф.А.</i> Изучение истории Древнего Востока в 5 классе	107
---	-----

Критика. Рецензии. Публицистика

- Чужедов С.В.* Рецензия на монографию: Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 256 с. 114

Научная жизнь

- Чупрова Т.В.* В Диссертационном совете МГПУ 117

Юбилей

- Хаванов Е.И.* Последний из могикан (к 90-летию профессора К.К. Ширини) 121
- Основные работы профессора К.К. Ширини 127

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».

- 2012, № 1 (9) 129

- Требования к оформлению статей** 131

CONTENTS

History of Russia: from ancient times to 1917

<i>Firsova O.G.</i> The Style of Management of Landowners in the XVIII Century — and the First Half of the XIX Century	8
<i>Serov O.V., Ryabov V.V.</i> A Retrospective View on the Movement of the Revolutionary Narodniks	22
<i>Vasekhina N.V.</i> The Moscow Organization of the Socialist Revolutionary Party (According to the Memoirs).....	39
<i>Vatnik N.S.</i> «The “School Question” and the Government Reform in Russia at the Beginning of the XX Century (1900–1907 years)	46
<i>Seliverstova N.M.</i> The Nobility and the Great Reforms in Contemporary American Historiography	56

Modern History of Russia

<i>Mahnyryov A.L.</i> The 800 th Anniversary of Moscow Through the Prism of the Soviet Public Opinion	67
---	----

General History

<i>Voytenko A.A.</i> Hagiographical Text as a Historical Source	79
<i>Cherepneva A.A.</i> The Economic State of Ireland in the First Half of the XIX Century	91
<i>Tatarkina N.V.</i> National Identity and Ethic Conflict in the German Army ...	97

Methodology of Teaching History

<i>Mikhailovsky F.A.</i> The Study of History of the Ancient East in the 5th Grade	107
---	-----

Criticism. Reviews. Publicism

- Chukedov S.V.* Review of the Book by Ju.V. Lunyova «The Bosphorus and the Dardanelles. Secret Provocations Before the First World War (1907–1914)» (M.: Quadriga; United Edition of MVD of Russia, 2010. 256 p.)..... 114

Scientific Events

- Chuprova T.V.* For the Dissertation Council of MGPU 117

Jubilee

- Khavanov Ye.I.* The Last of the Mohicans (on the 90th Anniversary of Professor K.K. Shirinya) 121
- The List of the Scientific Works Written by Professor K.K. Shirinya..... 127

Authors of «Vestnik of MCTTU», Series «Historical Studies», 2012, № 1 (9).....

- Style Sheet.....** 131

**История России:
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
до 1917 года**

О.Г. Фирсова

**Стиль хозяйствования
крупных землевладельцев
XVIII – первой половины XIX века**

В статье автор рассматривает стиль хозяйствования землевладельцев XVIII – первой половины XIX века как основу всей хозяйственной деятельности помещиков. Исследуется процесс эволюции стиля хозяйственной деятельности на протяжении указанного времени.

Ключевые слова: стиль хозяйствования; землевладельцы; рационализм; приказчик.

Стиль хозяйствования — та основа, на которой строится вся система хозяйственной деятельности. Именно стиль оказывает самое большое влияние на определение методов хозяйствования. Господствующий на протяжении первой половины XVIII столетия и основанный на принципах практичности, энергичности и деловитости стиль хозяйственной деятельности зарождается приблизительно с середины XVII века. В это переходное время старые средневековые представления о медлительности, неторопливости, чинном благородстве как идеальном темпе ведения дел уходят в прошлое. Главными критериями нового стиля становятся быстрота и четкость в ведении дел.

При царе Алексее Михайловиче «на первый план выдвигается новый тип государственного деятеля — легкого на подъем, работающего не покладая рук» [2: с. 99]. «Тишайший» царь делает ставку на динамизм, а его младший сын Петр I с удвоенной энергией продолжает воплощать в жизнь и быт русского общества, эту линию в политике своего отца.

Государева служба требовала от дворянина второй половины XVII – начала XVIII века быть активным и энергичным, скорым в исполнении дел. Такой же исполнительный, быстрой и четкой службы требовали дворяне-землевладельцы от своих подчиненных, прежде всего управляющих и приказчиков.

Практически во всех письмах приказчикам, касающихся хозяйственных вопросов, помещики XVII века настаивали на скором исполнении их поручений, энергичном, аккуратном и четком ведении хозяйственных дел. Б.И. Морозов, например, пишет одному из своих приказчиков: «И ты ко мне о том не пишешь, о том ты к Поздею писал ли, или сам к нему, Поздею ездил ли или нет, и что тебе Поздей сказал. И тебе было страдник, чем ко мне к Москве писать и ходака посылать, а до Москвы 500 верст, и к Москве будет взад и вперед недели 4 или 5, а к Поздею б тебе самому ездить ино 2 дни» [1: с. 153]. Из этого письма видно насколько для Б.И. Морозова важна быстрота исполнения любого дела. Он точно подсчитывает, сколько верст до Москвы и сколько дней потерял нерадивый приказчик.

Во второй половине XVII – первой четверти XVIII века энергичный стиль ведения дел только начинает утверждаться в хозяйственной деятельности крупных землевладельцев, поэтому помещикам этого времени приходится неустанно повторять и напоминать своим приказчикам в письмах о незамедлительном исполнении всех поручений и скором ведении хозяйственных дел. Начиная со второй четверти XVIII столетия, в помещичьих инструкциях и эпистолярных источниках уже гораздо реже встречаются указания насчет быстрого ведения дел. Это связано с тем, что скорость и энергичность в исполнении хозяйственных дел в этот период стала обычной нормой.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века на смену практичному и энергичному стилю хозяйствования приходит рационализм. Авторы инструкций этого периода обращают гораздо большее внимание не на быстроту ведения дел, а на четкую и детальную их организацию. У. Карпович в своей инструкции пишет, что «содержание в исправности и простота в изложении шнуровых книг по имениям, составляет важнейший предмет попечения владельца» [4: с. 13].

Других вотчинников тоже волнует состояние и ведение шнуровых книг. В инструкции Строгоновых, датированной 1805 годом, сказано: «Для записи в приход и расход денег и хлебных припасов иметь пять книг, коим должно быть за шнуром и господскою печатью, и за заверкою моею» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3890. Л. 1 об.). При этом приказчику рекомендовалось записывать различные виды доходов и расходов в разные книги для удобства проверки. Например, в первую книгу надо было записывать: «В приход взыскиваемые с крестьян оброчные и получаемые с мельниц помольные деньги, и из них в расход выдаваемые служителям в жалование и в пенсию и употребляемые по господскому штату расходы» (РГАДА. Ф. 1278. (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3890. Л. 1 об.), а в следующие четыре книги другие виды доходов и расходов. Такой подход Строгоновых к ведению вотчинной документации говорит о возрастающем контроле помещиков за своими приказчиками.

В связи с таким подходом к ведению дел во второй половине XVIII века резко увеличивается количество сельскохозяйственной документации и расширяется аппарат вотчинного правления. В свою очередь резкое увеличение

хозяйственной документации приводит в первой половине XIX века к необходимости составлять описи хозяйственных документов. Например, опись А.А. Чубарова, датированная 1844 годом, содержит следующие виды хозяйственных документов:

I. Крепостные акты. К ним относятся купчие на землю и крепостных крестьян, духовные завещания, отпусковые на крепостных крестьян.

II. Межевые планы.

III. Планы с фасадами архитектурные. Здесь планы Московского дома Чубаровых, планы приходских церквей, винокуренного завода.

IV. Дела судебные нерешенные. Это в основном дела о кражах из вотчин Чубаровых и о взыскании денег.

V. Дела судебные решенные. Это опять же дела о взыскании денег, а также об уничтожении крепостных актов.

VI. Документы домашние. То есть документы, непосредственно касающиеся повседневной жизни вотчин, которые в свою очередь делятся на несколько видов:

1. Книги денежные. Приходные и расходные с выписками.

2. Тетради. Содержат записи о столовых покупках, о раздаче дворовым людям жалованья, о раздаче крестьянам господского хлеба, об урожае хлеба и т.п.

3. Ведомости. Имеются в виду ведомости господского имущества, составленные отдельно по каждой вотчине, принадлежащей Чубаровым.

4. Описи. С перечислением всего господского скота. Составлены также отдельно по каждой вотчине.

5. Выписки. Сделанные из приходно-расходных книг разных имений Чубаровых.

6. Реестры. Содержат информацию об отсылках из вотчин в Москву крестьян, о присылках из вотчин запасов в Московский дом.

7. Отчеты годовые. Имеются в виду ежегодные отчеты приказчиков по отдельным вотчинам.

8. Рапорты месячные. Рапорты приказчиков по отдельным вотчинам.

9. Замечания. Это замечания, сделанные при ревизии хозяйственных книг и тетрадей вотчинных приказчиков.

10. Приказ. В единственном экземпляре. Представляет собой указания дворнику, служащему при Московском доме Чубаровых.

11. Инструкция с приложением сельскому начальству. Тоже в одном экземпляре.

12. Донесения. Это донесения о различных преступлениях и проступках крестьян, составленные приказчиком и другими сельскими начальниками, а также доносы крестьян друг на друга.

13. Письма.

14. Копии с рекрутских квитанций (ЦИАМ. Ф. 1880 (Чубаровы). Оп. 1. Д. 18).

Опись хозяйственных дел А.А. Чубарова позволяет наглядно представить всю систему делопроизводства в крепостных дворянских вотчинах второй половины XVIII – первой половины XIX века. Кроме того, данная опись показывает, что приказчики находились практически под полным личным контролем со стороны своих помещиков, которые требовали от них постоянных отчетов о хозяйственной деятельности. Вотчинники также тщательно проверяли хозяйственную документацию, которую вели их приказчики, о чем свидетельствуют «замечания» А.А. Чубарова, составленные после ревизии хозяйственных книг и тетрадей его приказчиков.

Землевладельцы кроме ежемесячных и ежегодных отчетов постоянно требовали от своих приказчиков, чтобы те как можно чаще докладывали им о делах, происходящих в вотчинах, в письмах и рапортах. В этих письмах приказчики сообщали помещику мельчайшие подробности жизни вотчины. Например, приказчик богатого ярославского помещика С.П. Шишкина пишет своему хозяину даже о таком, казалось бы, незначительном событии, как смерть овцы. «Вчерашнего дня умерла овца, три дня она хромала» (ОПИ ГИМ. Ф.182 (Шишкины). Оп. 1. Д. 8. Л. 134). Причем приказчик точно указывает день смерти овцы, что говорит о том, что четкое и аккуратное ведение дел у него уже вошло в привычку.

Рапорты о проделанной работе приказчики посылали своему помещику достаточно часто. Это можно проследить по датам, поставленным на этих рапортах, и по ответам самих помещиков. Например, А.Р. Воронцов свои ответы приказчику начинает так: «Рапорты твои от пятнадцатого и семнадцатого чисел марта я получил» (ОПИ ГИМ. Ф. 60 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 196. Л. 4).

В ведении обширной переписки помещиков со своими приказчиками просматриваются рациональные черты, так как главная цель этой переписки заключалась в стремлении помещиков максимально регламентировать свою хозяйственную деятельность, иметь над ней полный личный контроль.

Начиная со второй половины XVIII столетия усложняется и сама система контроля и организации хозяйственной деятельности в многочисленных вотчинах и поместьях крупных землевладельцев. Большинство помещиков второй половины XVIII – первой половины XIX века имели главную контору в Москве или Петербурге, которая контролировала и координировала хозяйственную деятельность их вотчин, расположенных в разных уездах. В главную контору приказчики отдельных вотчин посылали рапорты о своей работе. В личных хозяйственных архивах многих помещиков сохранилась переписка их главных вотчинных контор с приказчиками отдельных вотчин.

Например, в переписке Московской домово́й конторы М.М. Голицына с приказчиками Пермских вотчин нашли отражение текущие хозяйственные дела: строительство новых и ремонт старых построек, сбор урожая, цены на зерно, сено, холсты, устройство оранжерей, продажа фруктовых деревьев (ОПИ ГИМ. Ф. 14 (Голицыны). Оп. 1. Д. 312). Доклады Московской главной

конторы Глебовых-Стрешневых содержат сведения о рекрутских наборах, выдаче замуж крестьян, увольнении от должности бурмистра, выдаче отпускных грамот крепостным крестьянам и т.п. (ЦИАМ. Ф. 1614 (Глебовы-Стрешневы). Оп. 1. Д. 7). Подобные вопросы обсуждались и в переписке главных вотчинных контор других помещиков.

Появление центрального органа, координирующего хозяйственную деятельность многочисленных мелких вотчин, говорит об усилении регламентации всей хозяйственной деятельности помещиков второй половины XVIII – первой половины XIX века.

Система управления и контроля в их имениях была построена на подчинении приказчиков отдельных вотчин главному управляющему центральной конторы. Причем между приказчиками тоже существовала определенная иерархия. Выбирался главный приказчик над несколькими вотчинами, находящимися в одном уезде, который и вел переписку с центральной конторой. Такая же иерархия существовала и внутри управленческого аппарата каждой отдельной крупной вотчины.

В рассматриваемый период складывается целая философия хозяйствования, которая включала в себя кроме рациональных способов ведения хозяйства морально-нравственные нормы, заключавшиеся в заботе помещиков о своих крестьянах, ограничении физических наказаний и замене их денежными штрафами, недопущении разорения крестьянских дворов.

Рационализм просматривается во всех хозяйственных делах землевладельцев, начиная от уборки урожая и заканчивая ведением сельскохозяйственной документации приказчиком. Но главный принцип хозяйствования помещиков все-таки заключался в соблюдении рациональной экономии, сущность которой наилучшим образом сформулировал в своем наказе Г.И. Шипов. Он писал, что приказчик должен управлять вотчиной так, чтобы «сохранен был господский интерес, и крестьяне не обременены были от разорения» [3: с. 244].

Принципами рациональной экономии руководствуются и другие помещики. Этому вопросу Строгоновы в своей инструкции, датированной 1750–1751 годами, посвящают отдельный пункт, который озаглавлен так: «О неимении излишних расходов» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3347. Л. 18 об.). Главная идея этого пункта заключается в том, что если приказчик в своей хозяйственной деятельности будет строго руководствоваться данной помещицкой инструкцией, то у него не будет лишних расходов. Кроме того, по мнению Строгоновых, сокращению вотчинных расходов хорошо способствует четкое и строгое ведение приходно-расходных книг.

В другом своем наказе, датированном уже 1805 годом, Строгоновы продолжают следовать принципам рациональной экономии и не забывают постоянно напоминать об этом приказчикам. В десятом пункте этого наказа его авторы рассуждают о конском заводе. Они пишут: «... племенных кобыл и жеребят продавать

или в промыслах держать совсем безвыгодно; и для того содержать при Купроском конном заводе племенных кобыл 15, жеребцов стоялых и табунных трех, и сверх того жеребят...» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3890. Л. 2 об.). В данном случае практичность и рационализм Строгоновых достигает максимального предела. Авторы наказа скрупулезно и тщательно подсчитывают, сколько лошадей требуется держать на конном заводе, чтобы получать с него наибольшую прибыль. Но даже такого тщательного расчета Строгоновым кажется недостаточно, и они на всякий случай в своей инструкции еще раз напоминают приказчику о том, что нужно «неукоснительно наблюдать, чтобы от одного завода была надлежащая прибыль» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3890. Л. 2 об.).

К другим хозяйственным делам Строгоновы тоже подходили с точки зрения рациональной экономии. В одиннадцатом пункте своего наказа они пишут приказчику: «Смотреть и наблюдать, чтобы крестьяне как положенные на их господские, так и свои собственные земледельческие работы исправляли в надлежащее и удобное время; и старались привести их в лучшее состояние» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3890. Л. 2 об. – 3).

В самом конце этого наказа его авторы в последний раз напоминают приказчику о том, что нужно соблюдать рациональную экономию в хозяйственной деятельности: «...все то, что к пользе господской и крестьянской относится, старался неукоснительное чинить исполнение, за что по мере исправности усердия и трудов, не останется без должного награждения... в противном случае всякое упущение и навлеченный господину убыток, а паче неверность и беспечность будет взыскана со всею строгостью» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 3890. Л. 3 об.).

Примечательно то, что Строгоновы четко понимают, что без личного желания самого приказчика нельзя говорить ни о каком рациональном хозяйствовании, и поэтому они стараются не просто запугать приказчика различными наказаниями, а пытаются заинтересовать его наградой за труды. Причем наградой, пропорциональной усердию приказчика, что эффективно способствует его заинтересованности в соблюдении господского интереса и добросовестному ведению хозяйственных дел.

В следующем по хронологии наказе 1813–1814 годов помещики Строгоновы все так же верны принципам рациональной экономии во всех хозяйственных делах. В этой инструкции они дают приказчиками такие указания: «На пашнях господских работы происходили бы с наилучшим успехом и в свое время. Уборка хлеба и молотьба должны производиться со всякою верностью... На ткацкой фабрике работы должны происходить с наилучшим успехом, с пользою и с соблюдением в издержках всякой экономии» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгоновы). Оп. 2. Д. 4080. Л. 1 об.).

Сохранившиеся инструкции Строгоновых, расположенные в хронологическом порядке и охватывающие практически весь исследуемый период, позволи-

ли проследить эволюцию рациональной экономики в хозяйственной деятельности землевладельцев от ее зарождения во второй половине XVIII столетия до апогея к середине XIX века.

Другие вотчинники, точно так же как и Строгоновы, в своей хозяйственной деятельности руководствовались, главным образом, принципами рациональной экономики и в своих наказах отдавали приказчиками похожие распоряжения.

П.А. Межаков применяет рациональный подход даже в такой области как физические наказания крепостных крестьян. В своем наказе начала XIX века он пишет: «Ленивцев не только приказчик... имеет позволение и должен ударить тонкою палкою по плечам или по спине раз до десяти, чтобы не изувечить и не изуродовать» [5: с. 69]. В данном случае автор инструкции четко регламентирует, кто из вотчинного начальства имеет право телесно наказывать крестьян, сколько раз и чем можно ударить крепостного. При этом главная забота П.А. Межакова заключалась в том, чтобы физические наказания не привели к увечью крестьян, так как принципы рационализма в хозяйственной деятельности не согласуются с наличием больных и нетрудоспособных работников в вотчине.

В других областях хозяйствования П.А. Межаков тоже достаточно рационален. В девятом пункте своего наказа он пишет: «При распоряжении же работ замечать должно, что, где могут сделать пять, туда десяти не посылать» [5: с. 69]. Рациональная экономия чувствуется и в другом пункте инструкции: «И всякая скотина требует присмотра, порядка и чистоты... чтоб скотина без корма и поила не стояла; в порядке чтоб корм был даван, умеренно и так без пользы под ногами не валялся» [5: с. 70].

Помещики первой половины XIX века не только сами ведут хозяйство рационально, но и требуют этого от своих крестьян. Приведем пример из того же наказа П.А. Межакова, в котором он пишет: «...чтоб и самую зиму крестьяне не проводили в праздности, а упражнялись бы в каком-нибудь промысле или рукоделии, ибо ему должно доставать деньги на подушные и прочие подати, да и на соль еще надо и на другие домашние нужды» [5: с. 72].

Нарышкины в наказе, датированном 1803 годом, тоже дают указания приказчику насчет крестьянской экономики и выгоды. Они пишут: «...чтоб ни один крестьянин праздно времени не проводил, не только, что от одного землепашества иметь себе выгоду, а можно по окончании оною, по рассмотрению вашему крестьян из вотчин отпущать, где кто какой промысел найдет себе выгодным, и дабы вы могли через оное собирать бездоимочно как государственные, так и прочие наложенные на них поборы» (РГАДА. Ф. 1272 (Нарышкины). Оп. 2. Д. 28. Л. 29 об.).

Барятинские тоже пишут в своей инструкции 1805 года приказчику о том, чтобы тот следил за тем, как ведут свое хозяйство крестьяне. «Крестьян и черкес содержать в порядке, чтоб они как по господской, так ровно и по своей

экономии не теряли бы время в праздности» (РГАДА. Ф. 1255 (Барятинские). Оп. 3. Д. 710. Л. 1).

Забота землевладельцев первой половины XIX века о рациональном ведении крестьянского хозяйства связана с их собственной выгодой. Вотчинники сами в инструкциях пишут о том, что экономичное ведение крестьянами собственного хозяйства необходимо для того, чтобы крепостные вовремя и полностью платили подати, которые и составляют значительную часть доходов дворянской вотчины.

Стремление помещиков к максимальному рационализму в методах сельскохозяйственной деятельности нашло также отражение в мемуарах и воспоминаниях.

Авторы мемуаров первой половины XIX века часто упоминают о сельском хозяйстве, повседневной жизни в деревне, взаимоотношениях господ и прислуги, в связи с воспоминаниями о детстве. Как правило, такие воспоминания несколько идеализированы. Родительский дом с его размеренным бытом представляется мемуаристам прекрасной сказкой из счастливого детства.

А.В. Мещерский так описывает дом своих родителей: «...он (дом) соединял все условия относительно дешевизны, удобства, и во всем согласовался с климатическими нашими условиями» [6: № 6, с. 243]. В этом описании традиционной дворянской усадьбы первой половины XIX века с двумя флигелями и крытыми галереями, с одной стороны, просматривается некоторая идеализация автором дорогого его сердцу родительского дома, в котором он провел детство, а с другой — рациональный подход взрослого самостоятельного рачительного хозяина-помещика. Ведь не случайно в своих воспоминаниях А.В. Мещерский подчеркивает прежде всего практичность родительской усадьбы.

Толстой-Знаменский пишет о своем доме, в котором провел детство, так: «...постоянно прибывали шуты и дураки, неизбежная принадлежность барского дома того времени, наравне с псовой охотой, хором музыкантов и певчих» [8: с. 7].

Часто авторы мемуаров приводят воспоминания о своих родителях, ближайших родственниках, знакомых, соседях. Описания родителей, как правило, носят идеалистическую окраску, но, несмотря на это, в мемуарах четко проглядывается отношение как самого автора, так и описываемых им людей к ведению сельского хозяйства.

Воспоминания мемуаристов о родителях и своем детстве, проведенном в деревне, являются для исследования важным источником, так как они позволяют определить ценностные установки, отношение к сельскому хозяйству, нравственные нормы и представления о стиле, методах и способах ведения хозяйства, заложенные с самого раннего детства в голову будущего помещика.

Помещик В.В. Селиванов в мемуарах пересказывает воспоминания современников о своей покойной матери: «...общий отзыв всех знавших покойницу был таков, что кротче и добрее женщины они не встречали. Современников поражало

в ней уже то, что, не подчиняясь духу времени и примеру тогдашних барынь, она не только никогда никого не прибила, но даже никто из прислуги не слышал от нее сурового, не говоря уже, бранного слова» [7: с. 7]. Кроме трогательно-нежного отношения автора к матери в этой цитате просматриваются его взгляды по поводу физических наказаний крепостных. Несомненно то, что В.В. Селиванов осуждает побои дворовых людей и крестьян без серьезных на то оснований, а также то, что помещики и помещицы занимаются рукоприкладством и лично наказывают крепостных.

Толстой-Знаменский так же, как и В.В. Селиванов, с теплотой пишет о своих родителях: «...они были люди строго благочестивые, добрые и, несомненно, честные... Гостеприимство составляло главную черту отца, любовь к человечеству и невозмутимая кротость и доброта сердца — матери» [8: с. 6]. Описывая достоинства своих родителей, мемуаристы невольно формулируют особенно значимые для себя моральные ценности, которыми они руководствуются в повседневной жизни и хозяйственной деятельности. Образы родителей для авторов мемуаров становятся своеобразными нравственными идеалами, которым следует подражать и на которые нужно равняться.

Несколько идеализированными представлялись мемуаристам и взаимоотношения их родителей с крепостными крестьянами, а также сама система крепостного права. Например, А.В. Мещерский, вспоминая о своих соседях по имению в Московской губернии, пишет: «...следует сказать утвердительно, что отношения между всеми названными выше помещиками и их крестьянами были самые гуманные, самые отеческие и самые справедливые» [6: № 6, с. 246]. В доказательство своих слов он приводит пример безграничной любви к его деду крепостных крестьян, которые во время Отечественной войны 1812 года, услышав пушечные выстрелы французского отряда, вышли к помещичьей усадьбе с вилами, косами и топорами, чтобы защитить жизнь своего помещика и его семейства.

А.В. Мещерский пишет, что его дед всегда помогал обедневшим крестьянам, старался сделать из них «исправных», и крепостные были благодарны ему за заботу. Они говорили: «...приставил ты нам батюшка голову к плечам» [6: № 6, с. 248].

В.В. Селиванов также пишет в своих мемуарах о хорошем отношении его родителей к крепостным крестьянам: «...крестьянам и дворовым всем было хорошо, все жили, что называется, у Христа за пазухой» [7: с. 134].

По представлениям мемуаристов первой половины XIX века, крепостное право носило патриархальный характер и не было в тягость крестьянам, которые почитали своего барина за отца, а он в свою очередь заботился о них, как о малых, неразумных детях.

По мнению многих авторов мемуаров и воспоминаний, крепостное право не унижало крестьян, и они практически не ощущали своего зависимого положения. Все тот же В.В. Селиванов по этому поводу пишет: «Дух времени над дворовыми людьми обоих полов витал еще старинный, празднично-беспечный, наивно-веселый и не оскорбляющий своим рабством» [7: с. 102].

В.В. Селиванов считал, что до Отечественной войны 1812 года русское общество продолжало жить по нормам XVIII века, а в 1812 году произошел перелом в общественной жизни и сознании, и соответственно изменилось отношение к крепостному праву. С 1812 года умы просвещенной части общества занимает крестьянский вопрос. В целом мемуарист правильно почувствовал веяния эпохи, и он абсолютно прав, что до 1812 года русское общество жило в XVIII столетии. Это, кстати, подтверждается и помещичьими инструкциями первого десятилетия XIX века, которые по своему содержанию и внутреннему оформлению ничем не отличались от инструкций XVIII века.

Своеобразными являются представления В.В. Селиванова о крестьянском вопросе. По его мнению, до 1812 года крепостное право носило патриархальный характер и не ущемляло личности крестьян, которые жили в полном довольстве. После 1812 года, опять же, по мнению мемуариста, помещики вдруг стали жестче относиться к своим крестьянам, и крепостное право в одночасье приобрело форму рабства. Такое представление Селиванова о крепостничестве связано, скорее, с психологической особенностью всех без исключения людей несколько идеализировать прошлое. Психологи давно подметили и научно доказали особенность человеческой памяти забывать все плохое и хранить только светлые воспоминания. Точно так же мемуаристы идеализируют прошлое и вместе с ним крепостное право, не находя в XVIII веке предпосылок к отмене крепостничества.

В.В. Селиванов пишет: «Многие помещики-соседи, разумеется, не очень богатые, но и не мелкопоместные, в строгом смысле слова, до 12 года жили еще обычаями почти не разнящимися от обычаев их крестьян» [7: с. 96]. В данном случае автор мемуаров не учитывает то обстоятельство, что раскол русской культуры на дворянскую и крестьянскую произошел не в 1812 году, а намного раньше, после реформ Петра I. В.В. Селиванову кажется, что кардинальные изменения в обществе и сознании людей происходят именно в его эпоху, а предшествующее столетие представляется ему «золотым веком» для помещиков и их крестьян.

Даже самое отвратительное проявление крепостного права — телесные наказания людей просвещенный помещик, автор трудов по сельскому хозяйству В.В. Селиванов не считает чем-то ужасным, а, наоборот, пишет, что крестьяне относились к побоям как к норме и справедливому наказанию за те или иные проступки. Вспоминая о том времени, когда в поместье, где он родился, всеми хозяйственными делами заведовала его двоюродная бабушка, В.В. Селиванов пишет: «Правда, при тогдашних понятиях о хозяйстве и крепостном праве, в полнейшем его развитии, не обходилось без строгости, то есть без побоев, и бабушка нередко железным аршином или безменом тузила нерадивых, но это нисколько не возбуждало против нее ожесточения, а, напротив, ее любили и даже в позднейшее время говорили о ней как о доброй барыне» [7: с. 75].

Иногда физические наказания Селиванов считает даже полезными и необходимыми для крестьян. Он приводит в пример случаи, когда крестьяне сами просили помещика наказать их родственников: «Часто родители, а то так и

жена иного гуляки просила барина, чтоб он хорошенько попорол бы пьяницу сына или мужа. И правда, что пьянство было если не единственным, то главным поводом к телесным наказаниям» [7: с. 104].

Родители и родственники мемуаристов на страницах их воспоминаний практически всегда предстают как деловые и рачительные хозяева. В данном случае следует поверить авторам мемуаров, потому что о сельском хозяйстве в своих мемуарах писали в подавляющем большинстве люди, искренне увлеченные и серьезно относящиеся к сельскохозяйственной деятельности, воспитанные в образцовых дворянских вотчинах.

А.В. Мещерский пишет о своих соседях-помещиках так: «...улучшение нашего сельского хозяйства составляло их общую заботу, служило темой их постоянных прений и разговоров и было предметом их серьезных и любимых занятий» [6: № 6 с. 247]. Дворянин, выросший в таком окружении, просто не мог не полюбить сельское хозяйство. Тем более что дед и отец А.В. Мещерского были передовыми помещиками своего времени и одними из лучших хозяев в своей губернии. «Мой дед уже в то время занимался улучшением скотоводства. Выписывая чистокровных животных из заграницы, он создал два многочисленных и прекрасных стада. В имении было четыре винокуренных завода, доставлявших обильное пойло скоту, и, кроме того, для улучшения корма, довольно значительный свеклосахарный завод» [6: № 6, с. 248].

Хозяйству деда А.В. Мещерского известный помещик, писавший труды по сельскому хозяйству Д.П. Шелихов посвятил свою статью, опубликованную в журнале «Народное руководство в сельском хозяйстве» за 1838 год.

Основное внимание в имении отца А.В. Мещерского было сосредоточено «на выделку самых лучших швейцарских сыров» [6: № 6, с. 248]. Хозяин имения считался одним из лучших практических хозяев в своей местности и «особенно отличался своею деловою деятельностью» [6: № 6, с. 248].

В.В. Селиванов в мемуарах вспоминает о хозяйствовании своей бабушки. Он пишет: «Бабушка вставала рано и, как настоящая хозяйка, помолившись Богу, шла осматривать своё хозяйство. ...Энергия её в хозяйственных занятиях неутомима. Ежедневно с ранней зари и до ночи она везде действовала лично. Заказывала повару стол, выдавала провизию, делала запасы варенья и соленья в зиму, считала тальки, мерила полотна — и работа кипела, и со дня на день возрастало в доме довольство и даже избыток» [7: с. 18, 75].

Родители В.В. Селиванова тоже были рачительными хозяевами. «Батюшка занимался садоводством, и этой отраслью хозяйства занялся с жаром и любовью. Вместе с красавицей женою, моею матушкою, они трудились в саду и в цветнике и в огороде; их собственными руками был насажен новый сад» [7: с. 76]. Этот сад был не простой барской затеей, развлечением в свободное от других дел время, он приносил реальную практическую пользу. В.В. Селиванов пишет: «Впоследствии сад разросся и приносил в иной хороший год дохода до 1000 рублей ассигнациями» [7: с. 76].

В.В. Селиванов описывает и повседневную хозяйственную деятельность своего отца. Он пишет, что отец вел приходно-расходные книги, требовал от приказчиков ежедневно подавать ему суточные рапортчики, следил за ключниками, ездил в сопровождении старосты по полям: следил за пахотой, уборкой сена и хлебов. Из этого описания видно, что отец В.В. Селиванова был домовитым и рачительным хозяином.

Являясь отличными хозяйственниками, родители старались прививать любовь к сельскому хозяйству и навыки сельскохозяйственных работ своим детям. Мемуаристы А.В. Мещерский и В.В. Селиванов вспоминают, как они, будучи детьми, наравне с родителями работали в саду. А.В. Мещерский пишет: «У каждого из нас (детей) неподалеку от дома в саду были свои маленькие садики, которые мы украшали и устраивали сами; посредине был выстроен для нас домик круглый, в котором была мебель, и хранились наши садовые инструменты» [6: № 7, с. 358]. Родители старались, чтобы дети в раннем возрасте уже поняли значимость сельского труда, полюбили это занятие и научились извлекать из него прибыль.

А.В. Мещерский вспоминает, что когда был ребенком, не очень любил трудиться в своем маленьком садике, в отличие от брата и сестры, и поэтому его сад был в запустении. За все лето он вырастил только два куста неприхотливого картофеля. Но родители поощрили и это достижение сына. Они приказали отнести картофель на кухню, приготовить его и подать на ужин. За ужином вся семья хвалила выращенный маленьким садоводом вкусный картофель. А.В. Мещерский был очень горд плодами своего труда, он почувствовал, что его деятельность приносит ощутимую пользу. Случай с картофелем оказал на него большое влияние. Этот эпизод из детства Мещерский запомнил на всю жизнь и даже отразил в своих мемуарах. Может быть, во многом благодаря трудовому воспитанию, грамотному подходу родителей и их личному примеру из маленького А.В. Мещерского в дальнейшем получился хороший хозяйственник и образцовый помещик.

В.В. Селиванов, когда был ребенком, тоже имел свой маленький садик, где постигал азы сельского хозяйства. Вот как он вспоминает о своем детстве: «Страстный охотник до сада, с наступлением весны батюшка из него почти не выходил. Все работы в саду производились при нем; многое делал своими руками и радовался каждой травке, каждому цветку и деревцу, выращенному им. Увлекаясь его примером, мы с братом Ильей и сестрою устроили на отведенном нам в саду местечке свой сад. Копали грядки, сажали огурцы, горох, бобы, сами пропалывали траву и поливали» [7: с. 150].

Схожесть воспоминаний о детстве у А.В. Мещерского и В.В. Селиванова не случайна. В конце XVIII – начале XIX века подобным образом своих детей приучали к сельскохозяйственному труду многие помещики, и это давало свои результаты.

В заключение можно сделать вывод о том, что в рамках крепостнической системы рационализм в целом и рациональная экономия в хозяйственной деятельности землевладельцев второй половины XVIII – первой половины XIX века

достигают своего апогея и становятся основополагающими принципами всей системы хозяйствования. В этот период складывается целая философия рационального хозяйствования, которая включала в себя как рациональные способы ведения хозяйства, так и морально-нравственные нормы.

Стиль хозяйствования на протяжении исследуемого периода прошел эволюцию от энергичности и быстроты в исполнении дел и ведении хозяйственной документации в первой четверти XVIII века до утверждения рационализма, появление которого в середине столетия связано с правлением Екатерины II и ее политикой «просвещенного абсолютизма», которая во многом строилась на принципах рационализма. Таким образом, методы хозяйственной деятельности вотчинников второй половины XVIII – первой половины XIX века были тесно взаимосвязаны с идеалами, стереотипами, нравственными ценностями, моделями поведения, присущими их исторической эпохе.

Литература

1. Акты хозяйства Б.И. Морозова. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1940. 212 с.
2. *Демин А.С.* Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1974. 296 с.
3. *Довнар-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Инструкция Г.И. Шипова приказчику села Любашевки // Университетские известия. 1910. № 11. С. 245–252.
4. *Карпович У.* Хозяйственные опыты 30-летней практики или наставление для управления имениями. Спб.: Типография И. Воробьева, 1837. 442 с.
5. *Межаков П.А.* Наставление управляющему в местечке приказчику // Андреевский Л. Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере XIX в. По данным архива с. Никольского Вологодской губернии. Вологда: Вологодский Областной Отдел Государственного Издательства, 1922. С. 68–73.
6. *Мещерский А.В.* Из моей старины. Воспоминания // Русский архив. 1900. Кн. 2. № 6. С. 239–263; № 7. С. 355–382.
7. *Селиванов В.В.* Сочинения. Изданные под редакцией А.В. Селиванова Т. 1. Владимир: Типо-литография Губернского правления, 1902. 255 с.
8. *Толстой-Знаменский Д.Н.* Записки графа Д.Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70.

References

1. Akty' hozyajstva B.I. Morozova. Ch. 1. M.; L.: AN SSSR, 1940. 212 s.
2. *Demin A.S.* Russkaya literatura vtoroj poloviny' XVII – nachala XVIII veka. M.: Nauka, 1974. 296 s.
3. *Dovnar'-Zapol'skij M.V.* Materialy' dlya istorii votchinnogo upravleniya v Rossii. Instrukciya G.I. Shipova prikazchiku sela Lyubashevki // Universitetskie izvestiya. 1910. № 11. S. 245–252.

4. *Karpovich U.* Hozyajstvenny'e opy'ty' 30-letnej praktiki ili nastavlenie dlya upravleniya imeniyami. Spb.: Tipografiya I. Vorob'eva, 1837. 442 s.

5. *Mezhakov P.A.* Nastavlenie upravlyayushhemu v mestechke prikazchiku // *Andreevskij L.* Oчерk крупного крепостного hozyajstva na Severe XIX v. Po danny'm arhiva s. Nikol'skogo Vologodskoj gubernii. Vologda: Vologodskij Oblastnoj Otdel Gosudarstvennogo Izdatel'stva, 1922. S. 68–73.

6. *Meshherskij A.V.* Iz moej stariny'. Vospominaniya // *Russkij arxiv.* 1900. Kn. 2. № 6. S. 239–263; № 7. S. 355–382.

7. *Selivanov V.V.* Sochineniya. Izdanny'e pod redakciej A.V. Selivanova T. 1. Vladimir: Tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya, 1902. 255 s.

8. *Tolstoj-Znamenskij D.N.* Zapiski grafa D.N. Tolstogo // *Russkij arxiv.* 1885. Kn. 2. № 5. S. 5–70.

O.G. Firsova

The Style of Management by Landowners in the XVIII Century – and the First Half of the XIX Century

The author of the article examines the style of management of landowners in XVIII – and the first half of the XIX century as the basis of all economic activity of landlords. The process of evolution of the style of economic activity over specified period of time are considered.

Key words: style of management, landowners, rationalism, clerk.

**О.В. Серов,
В.В. Рябов**

Ретроспективный взгляд на движение революционных народников

В статье предпринята попытка проблемного освещения истории революционного народничества. Показаны фазы развития народничества, проанализированы основные понятия и сущностные характеристики. Особое внимание обращено на взаимодействие либерального и революционного движений.

Ключевые слова: революция; партия; народничество; терроризм.

Движение народников, или социально-революционное движение, как оно именовалось в официальных документах, является важнейшей вехой в истории России. Если движение декабристов было дворянским, то народничество опиралось на широкую социальную базу. И те, и другие хотели коренным образом изменить существующее государство, ни тем, ни другим этого не удалось. Народники высоко оценивали деятельность декабристов, но занимали совсем другие социально-политические позиции. Преемственности между народничеством и движением декабристов обнаружить историкам не удалось, за исключением преемственности революционных идеалов, разумеется. Историография до советского периода оценивала декабристов как заговорщицкое движение как раз на том основании, что декабристские организации безвозвратно исчезли, не оставив каких-либо продолжателей.

Однако царское правительство вынуждено было, выражаясь современным языком, организовать специальную службу для политического контроля в империи. Это прежде всего III Отделение императорской канцелярии (в литературе чаще называют просто III Отделение) и корпус жандармов. Кстати, многое в организации политической полиции Российская империя заимствовала на Западе, в частности во Франции.

Агенты III Отделения не находили революционной крамолы среди имперской аристократии, зато они с удивлением обнаружили противников самодержавия среди студенческой молодежи: кружки братьев Критских, Сунгурова и других, взятые на заметку III Отделением, которое должно было показать царю, что «не зря свой хлеб ест». Тем более что в манифесте о восшествии на престол устами Сперанского император сетовал на «предерзостные мечтания» и другие умствования. Справедливо, что умствования коренятся в университетах, поэтому царские слуги особенно придирчиво следили за очагами

науки. Граф Строганов, в порыве служебного рвения, даже запретил философию в Московском университете. Впрочем, от тлетворного влияния Россию спасти не удалось. Советские историки, с неменьшим рвением, чем царские слуги, стремились изобразить «непримиримую борьбу» российского общества с самодержавием, называя это освободительным движением. Революционная деятельность немногочисленных студенческих кружков выглядит довольно надуманной. Либеральная историография досоветского периода выдвигала тезис о том, что чрезмерные репрессии царского правительства, особенно в отношении учащейся молодежи, как раз и спровоцировали усиление и расширение революционного движения.

Как бы то ни было, но именно со студенческой скамьи началась борьба А.И. Герцена с русским самодержавием. Вместе со своим другом детства Н.П. Огаревым он стал лидером группы студентов, изучавших новейшие тогда, социалистические учения. Никаких антиправительственных акций кружок не осуществлял, но все равно социалисты внушали сильное беспокойство начальству, и «за распевание пасквильных песен» юные приверженцы социализма были подвергнуты административным мерам наказания. Герцен, обладавший великолепным литературным талантом, становится подающим надежды писателем, и за него хлопочет сам Жуковский о смягчении наказания.

Александр Иванович возвращается в Москву и принимает самое активное участие в общественно-политической жизни второй столицы. Речь идет о формировании либеральной идеологии, которая в литературе получила название как противостояние западников и славянофилов.

Так называемый кружок Герцена и Огарева не был чем-то удивительным или уникальным для того времени. Советская историография называет, например, общество любителей немецкой философии, собиравшееся у выпускника Московского университета Н.В. Станкевича. Там обсуждали философские трактаты и общественные вопросы будущие революционные идеологи — М.А. Бакунин, В.Г. Белинский и, конечно, будущие «западники» и «славянофилы». Названия «западники» и «славянофилы» являются в большей мере условными и не отображают всей полноты идейных воззрений. Приверженность западников к теории прогресса и европейскому общественно-политическому устройству вовсе не означает отсутствие патриотизма или наличие какой-либо русофобии. Славянофилы же, предпочитавшие обсуждать национальные проблемы, отнюдь не были ретроgrадами. Идеи панславянизма будут популярны в 70-х годах XIX века.

Но все это в большей степени было умозрительными схемами и условными делениями, поэтому мировоззрение Герцена «не вписывается» в них. Вроде бы Герцен является безусловным западником, однако историки, называющие его «отцом русского социализма» или «общинного социализма» отмечают, что идея общины заимствована Герценом у славянофилов [11: с. 130]. Советские историки попробовали «отнять» Герцена у либералов и причислить его к революционным идеологам. В частности, ему отдается пальма пер-

венства в призыве к интеллигентной молодежи идти в народ. Правда, те же историки вынуждены констатировать очень сложное отношение Герцена к революции и к революционерам. Так, известно, Герцен не принял революцию 1848 года во Франции, непростые отношения у него были и с польскими революционерами. Предполагают, что Бакунин и Нечаев нечестным образом выманили деньги у Герцена «на революцию» из бахметьевского фонда.

Пожалуй, наиболее важным общественно-политическим делом Герцена было создание Вольной русской типографии в Лондоне. Такие герценовские издания, как альманах «Полярная звезда», газета «Колокол», были очень популярны в России, их читала вся интеллигентная публика, включая императора Александра II. В частности, статья Огарева в «Колоколе» «Что нужно народу?» предположительно послужила идейной основой для революционного общества «Земля и воля», само название которого является ответом на вопрос, вынесенный в заголовок статьи. Правда, полемика «Колокола» с журналом «Современник», бросает некоторую тень на революционность лондонских издателей. Редакторы «Современника» Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов не включаются историками в стан либералов, а нарекаются отдельным термином — «революционные демократы». В самом деле, более низкое социальное происхождение, конечно не пролетарское, но все-таки «поповские дети». Призывы, более радикальные, чем у либералов. По поводу прокламации «Барским крестьянам от доброжелателей поклон!» в советской историографии разгорелась полемика. Эта прокламация послужила поводом для царского правительства отправить Чернышевского в Сибирь. Те историки, которые признают авторство Чернышевского, фактически признают законность действий царского правительства. Те, кто не признает авторство Чернышевского, умаляют его революционные заслуги. Кроме того, Чернышевский и Добролюбов издавали сатирический листок, которому дали не очень удачное название «Свисток». Этот «Свисток» высмеивал не только царских сановников, но и «прекраснодушных либералов». Герцен вступился за либералов — он заметил, что издатели «Свистка» могут «досвистаться до Станислава». Орденом Станислава в Российской империи отмечали выдающиеся государственные заслуги. Дело дошло до того, что Чернышевский ездил выяснять отношения к Герцену, впрочем, как видно, оба остались при своем мнении [3: с. 40]. По крайней мере, Чернышевский характеризовал Герцена как «Кавелина в квадрате». К.Д. Кавелин, один из представителей государственной школы российской историографии, превозносил роль государства и соответственно доказывал необходимость существования Российской империи.

Что касается непосредственно революционных организаций в период царствования Николая I, то к ним обычно относят петрашевцев. Хотя, как и студенческие кружки, дело петрашевцев выглядит скорее «делом рук» III Отделения. В наиболее обстоятельных исследованиях о петрашевцах В.Р. Леикиной-Свирской и других, несмотря на акцентирование революционных черт

деятельности петрашевцев, провокацию III Отделения отрицать невозможно. Дикое зрелище, которое устроило самодержавие, имитируя расстрел главных деятелей общества, было организовано с явной целью «устрашить крамольников», показать бескомпромиссный характер борьбы с врагами империи. Известный пример с классиком русской литературы Ф.М. Достоевским, которому можно было инкриминировать только чтение запрещенного Письма Белинского к Гоголю. Вероятно, расправа над петрашевцами должна была показать интеллигенции, что она плохо усвоила урок с Чаадаевым и последствия за вольнодумство будут самые серьезные. Политическая полиция была осведомлена о «вольных» разговорах в московских салонах. В салоне Елагиной, например, происходили жаркие споры между западниками и славянофилами. Казалось бы, здесь, можно было найти тайный масонский заговор. Николай I, вслед за Александром I, издал указ о запрещении масонских лож в Российской империи, но не очень верится в то, что масоны прекратили свою деятельность в России. Конечно, Михаил Бакунин открыто заявлял о своем масонстве, но ведь он действовал за границей, а братья Киреевские, сыновья упоминавшейся выше Елагиной, не демонстрировали свою принадлежность к масонам. Отечественное масоноведение, вслед за царской бюрократией, отрапортовало, что если масонство запретили, значит, его не существовало. В то же время оказывается, что известный историк, профессор Московского университета М.М. Ковалевский, являлся масоном. Приходится повторить, что, вероятно, масонство мало интересовало политическую полицию, тем более что масонством увлекались высокопоставленные особы.

Опасными для престола представлялись простолюдины типа Сергея Нечаева. Это имя в литературе достаточно одиозно. «Нечаевщина» представляется средоточием всего зла революции. Достоевский, как считается, отобразил именно нечаевщину в романе «Бесы». Когда зарубежные историки ругают большевиков, они их обвиняют в нечаевщине. Дореволюционная историография как-то «милоходом» говорит о нечаевщине, отмечая это явление скорее как «казус», или даже извращение в революционном движении. Советские историки, безусловно, клеймят нечаевщину, тем самым признавая, что не все революционеры «рыцари из чистой стали». Нечаеву ставят в вину прежде всего аморализм, называя его приверженцем принципа «цель оправдывает средства». Из этого революционера попытались сделать уголовного преступника, однако посадили его в политическую тюрьму, Петропавловскую крепость. Вряд ли Сергей Нечаев являлся воплощением всего революционного зла. Борец с самодержавием, человек, обреченный на муки и смерть, кому-то мог показаться романтическим героем. Так называемые нигилисты, к которым царские судьи относили Нечаева, были характерным явлением того времени. Это были прежде всего молодые люди, интеллектуалы и в главных своих целях достаточно альтруистичны. Иногда нигилизм, по аналогии с социальными движениями молодежи в XX веке, называют формой

молодежного протеста. Правда, этот протест был каким-то свирепым, по крайней мере в политическом аспекте. В революционных прокламациях того времени звучали призывы к пролитию рек крови, к истреблению всех врагов, оправдывая это зверствами самодержавия.

Понятия нигилизм и народничество отчасти переплетаются, но не являются тождественными. Народничество трактуется в литературе довольно широко. Есть либеральные народники, есть революционные народники, народниками также называют деятелей, занимавшихся изучением народа, его культуры. В зарубежной историографии присутствует трактовка народничества, совершенно отличная от понимания отечественными исследователями. Движение народников характеризуется как политическая партия популистов, которые, в ущерб государственным задачам, отстаивают интересы одного лишь сословия — крестьянства [12.]. Такой упрощенный подход конечно же искажает существо народнического движения. Те представители интеллигенции, которые боролись за народное благо, во многих случаях встречались с непониманием этого самого народа, а то и с откровенно враждебным отношением со стороны крестьянства. Это очень хорошо понимало царское правительство. Когда Д.В. Каракозов стрелял в Александра II, спасителем царя был объявлен именно крестьянин, который якобы помешал террористу. Отменив крепостное право, царизм выбил из рук революционеров самый главный козырь. Бунтарская проповедь Бакунина оказалась мифом, в чем революционеры убедились во время знаменитого «хождения в народ». Требовать от крестьян борьбы за политические права, за конституцию, было глупо. Но и представлять народников только как политических деятелей, отстаивающих права интеллигенции, также было бы упрощением. Представители, особенно американской историографии, Ричард Пайпс и другие усиленно доказывают тезис о том, что революционное движение в России действовало в интересах интеллигенции [8]. Писатель и публицист XIX века В.В. Берви-Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» повествовал не только о положении рабочих на фабриках, но и о крестьянах и даже об интеллигенции, имея в виду все социальные слои, подвергавшиеся гнету самодержавия. Если обратиться к учебной литературе, вузовской, школьной, то народники скорее предстанут в виде революционеров-интеллигентов, которые стремились поднять крестьянство на бунт, на революцию, но, убедившись в невозможности крестьянской революции, обратились к политическому террору. Насколько Герцен или Каракозов или другие социалисты постдекабристского периода были народниками, каждый исследователь будет рассматривать со своей точки зрения. По крайней мере, до 60-х годов XX столетия те революционеры, которые попали в поле зрения исторической науки, были прежде всего социалистами.

В начале 60-х годов возникает революционная организация «Земля и воля». Точнее, была предпринята попытка создать организацию, сама же организация существовала скорее на страницах монографий и учебников. Деятельность Чер-

нышевского или так называемый «казанский заговор» очень трудно связать с деятельностью «Земли и воли». И само III Отделение «не заметило» этой организации. Каким-то странным образом землевольцы 60-х то ли самораспускаются, то ли уезжают из России. Появление «Земли и воли» в 70-х годах связывают с «Землей и волей» 60-х годов, но преемственность этих революционных обществ достаточно искусственна. И люди другие, и характер деятельности совершенно разный. Наверное, было бы неправильно конструировать жесткую преемственность от «Земли и воли» 60-х годов к 70-м, затем к «Народной воле» и «Партии социалистов-революционеров», которую ряд исследователей называют неонароднической. Аморфная «Земля и воля» 60-х и грозная ПСР отражали на определенном этапе развития разные фазы развития революционного движения. Высказываются мнения, что именно шестидесятники повлияли на знаменитое «хождение в народ», но следы самой «Земли и воли» к 1874 году окончательно исчезают.

Обычно революционное движение рассматривают отдельно от либерального. Либералы противопоставляются революционерам на том основании, что либеральная идеология предусматривала «сильную власть», то есть сохранение самодержавия. Революционерам же было мало конституции, они хотели социализма. Взаимоотношения революционеров и либералов вскользь упоминаются в основном историками досоветского периода [6: с. 242]; и то в таком ракурсе, что либералы уговаривают революционеров прекратить борьбу с самодержавием. Тезис тактического использования революционеров либералами описывается так: если правительство не пойдет на уступки либералам, то революционеры будут стрелять. Высказываются предположения, что либералы периодически субсидировали революционные организации. Однако этот вопрос не исследован, и четких фактов, кто и кому давал деньги, сколько, где и когда, остается загадкой. Между тем либеральное движение не было таким уж жалким и ничтожным, как его представляет советская историография. Самодержавие усматривало в либеральном движении реальную угрозу и подвергало либералов репрессиям так же, как и революционеров.

Польское восстание 1863–1864 годов также рассматривается изолированно от общественного движения в России. Упоминаются только единичные случаи, когда русский офицер А.А. Потебня воевал на стороне поляков, или Бакунин пытался организовать поставку оружия партизанским отрядам. А либералы, в целом, обвинялись в антипольских настроениях и в одобрении карательной политики царизма в Польше. Царское правительство как раз усматривало взаимосвязь польских событий и рост антиправительственных настроений внутри империи. В частности, пожары в Петербурге приписывались то полякам, то социалистам. Накануне обнародования Манифеста об отмене крепостного права в Варшаве состоялась демонстрация, которая была разогнана вооруженным путем. Если дать конституцию либералам в России, то как минимум конституцию нужно было дать Польше, тем более что русское самодержавие уже давало Польше конститу-

цию в 1815 году. Непререкаемый авторитет для советских историков, В.И. Ленин усматривал на рубеже 50-х и 60-х годов революционную ситуацию в Российской империи, то есть, при определенных условиях могла возникнуть революция и в случае успеха мог измениться весь политический строй России.

Либеральное движение, как отмечается в литературе, было крайне неоднородным. Очень влиятельным являлось консервативно-конституционное направление, которое требовало узкосословной, олигархической, дворянской конституции. Дворянские собрания буквально атаковали царя всевозможными «адресами», пытаясь повлиять на ход реформ в своих интересах. Либерально-оппозиционное движение, включавшее славянофилов, в том числе А.И. Кошелева и И.С. Аксакова, и, конечно, наиболее активное земское либеральное движение, оформившееся после земской реформы, действовали в том же направлении. Так называемая либеральная бюрократия была гораздо более зависима от политической ситуации, чем это кажется на первый взгляд. После выстрела Каракозова курс правительства изменился. На смену прогрессивным «константиновцам» пришли борцы с крамолы «шуваловцы». Правительство вынуждено было реагировать на революционные эксцессы. После взрыва в Зимнем дворце наступила «эра Лорис-Меликова» и вопрос о конституции был почти решен.

В истории российского революционного движения хождение в народ 1874 года навсегда останется исключительным явлением. Тысячи юношей и девушек, в основном университетская молодежь, направились в русскую деревню, надеясь то ли взбунтовать ее, то ли облегчить страдания народа. Наблюдатели этого феномена, да и сами участники хождения в народ, отмечали некий мессианский характер деятельности народников. Проповедь социализма разбивалась о глухое неприятие крестьянами революционных идей. Александр II, когда ему доложили о трудностях социалистической пропаганды, с явным облегчением начертал резолюцию: «Слава Богу!» Объяснения этого движения сводятся к воздействию на учащуюся молодежь теоретиков народничества, особенно М.А. Бакунина. Те участники хождения в народ, которые не оставили революционную деятельность, выработывали свои программные установки, зачастую полностью отвергавшие теоретические наставления авторитетов. Указывают на стихийность, неорганизованность движения. Однако пропагандисты поддерживали взаимосвязь, была проведена определенная подготовка и, наконец, были сделаны выводы из этого необычного социального эксперимента [5: с. 278]. Так возникла грозная террористическая организация.

Мирная социалистическая пропаганда вряд ли могла получить достаточное материальное обеспечение, а вот политический террор выглядел более привлекательным для спонсоров, имея в виду воздействие террора на правительственные сферы. Появление террористической организации «Народная воля», как правило, связывают с разделением организации «Земля и воля», которая, как бы вторично, возникает в 1876 году. Указывается на политическую демонстрацию 6 декабря

1876 года на площади у Казанского собора в Петербурге, где было поднято красное знамя с надписью «Земля и воля». Непосредственные организаторы демонстрации все-таки входили в «Северно-революционную народническую группу», а землевольцами их стали называть с 1878 года, когда уже издавалась газета «Земля и воля». Еще в 1875 году группа московских революционеров имела более претензионное название «Всероссийская социально-революционная организация». В сущности, те, кто был приверженцем террористических методов борьбы, никогда не скрывали своих взглядов и не видели особых противоречий в сочетании пропаганды и террора. Один из лидеров революционного подполья Н.А. Морозов в брошюре «Террористическая борьба» обосновывал тезис о том, что террор является революцией в действии. Прочие формы и методы борьбы также могут применяться наряду с террором. И хотя в программе «Земли и воли» четко о терроре не говорилось, это не мешало землевольцам применять его. С этической точки зрения, некоторые действия, предпринятые революционерами, выглядят, мягко говоря, неоднозначно. Например, ограбление Херсонского казначейства. В дальнейшем различные революционные партии не будут брезговать таким способом пополнять свою партийную кассу. И, конечно, так называемое «Чигиринское дело».

В Чигиринском уезде Киевской губернии группа «Южных бунтарей» создала тайную крестьянскую организацию с целью поднять крестьян на восстание. Правда, некоторые исследователи, указывают на автономность группы «Южных бунтарей», то есть, партия «Земля и воля» не давала санкции на это дело. Однако и ограбление Херсонского казначейства также было предпринято без чей-либо санкции, как и многие другие мероприятия. В «Чигиринском деле» революционеры использовали наивный монархизм крестьян и от имени царя создали «Тайную дружину». Заговор раскрыли, революционеры сумели сбежать, десятки крестьян понесли наказание.

Переход землевольцев к террору объясняется по-разному. Некоторые видят в терроре способ защиты от преследования властей. При арестах революционеры стали оказывать вооруженное сопротивление. Но попытку освободить П.И. Войнаральского вооруженным путем, не назовешь актом самообороны. Также теракты в отношении высокопоставленных чиновников, генерал-губернатора Кропоткина, начальника III Отделения Мезенцева, скорее указывали на переход революционного подполья к вооруженной борьбе. И знаменитый выстрел Веры Засулич в градоначальника Трепова, когда, в сущности, общественное мнение и царский суд, конечно в его либеральной части, встали на защиту террористки. Террор получал обаяние жертвенной борьбы, убежденность в том, что с таким правительством не только возможно, но даже необходимо бороться террористическими методами. Неудачное покушение террориста А.К. Соловьева на императора Александра II послужило катализатором кризиса землевольческой организации, что в конечном счете привело к расколу «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» [2: с. 74]. Отделение чернопредельцев от народовольцев весьма условно

можно назвать расколом. Фактически организация «Черный передел» ничем себя не проявила, и почти все ее члены иммигрировали за границу. Очень символично выглядел уход Г.В. Плеханова с Воронежского съезда, показывая, что те, кто не согласен с террором, не могут оставаться в партийных рядах.

Новая партия «Народная воля» сконцентрировала все свои усилия на царубийстве. В литературе приводятся различные объяснения того, почему народническое движение пришло, по существу, только к террористической борьбе. Советская историография была наиболее последовательным выразителем классового подхода, по которому народовольцы объективно были носителями мелкобуржуазной идеологии, соответственно выражали интересы крестьянства, но, разочаровавшись в нем, обратились к террору. Наиболее экзотичная версия царубийства заключается в том, что наследник, будущий император Александр III, боялся потерять престол и придворная камарилья руками народовольцев обеспечила великому князю Александру Александровичу престолонаследие. Еще одна историографическая тенденция обращает внимание на деятельность либералов. В самом деле, довольно симптоматично выглядит тот факт, что накануне покушения Соловьева на Александра II состоялся тайный съезд земских деятелей в Москве, на квартире профессора М.М. Ковалевского. Кроме того, профессор Ковалевский был известным масоном, что позволяло ему иметь обширные связи в разных социальных слоях общества. Для III Отделения не было секретом то, что представители революционного подполья принимают участие в разного рода заседаниях, устраиваемых либералами. И царское правительство предпринимало попытки сближения с либералами, выразившимися, в частности, в проекте Государственного секретаря Перетца, который предусматривал собрание представителей, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами [7: с. 321]. Либералов иногда представляют жалкими и трусливыми политиками, для которых ничтожные уступки самодержавия были верхом политических мечтаний. Осмелимся предположить, что это не так. Именно либералы всегда были скрепляющим элементом в антиправительственном движении в России, которое в XX веке привело к свержению самодержавия.

Вопрос о взаимном влиянии революционного и либерального движений остается слабо изученным, но то, что это взаимовлияние было, сомневаться не приходится.

Довольно редко рассматривается и проблема финансирования революционного движения, в частности «Народной воли». В воспоминаниях народовольцев говорится о разовых пожертвованиях отдельных лиц, о личных средствах революционеров, в частности Д.А. Лизогуб был богатым помещиком, о средствах, собираемых среди студентов или сочувствующей публики по подписке. Но стоит только посмотреть на размах революционной деятельности, хотя бы только на одну ее составляющую — организацию покушений на царя, как становится понятным, что финансирование было отнюдь не разо-

вое и достаточно объемное. Организация всего лишь одного подкопа под железнодорожное полотно требовало от народовольцев от 30 до 40 тысяч рублей [4: с. 242]. Производство динамита, мин, разрывных снарядов нуждалось в серьезной материальной базе. Специалисты в военном деле отмечали превосходное качество боевых зарядов «Народной воли». А также у народовольцев была обширная издательская деятельность. К этому нужно прибавить подделку паспортов и других документов. Многие революционеры жили на нелегальном положении, осуществляли разъезды по всей стране и в том числе за границу. Все это требовало немалых денежных средств. Примечательно, что этими видами деятельности занималась и политическая полиция, а у этой организации источником финансирования был бюджет государства.

Определив царя как главную цель теракта, народовольцы взялись за дело с размахом. Кинжал и пистолет как орудия убийства были признаны не эффективными. Только появившийся тогда динамит был взят на вооружение террористами. Решено при помощи динамита взорвать царский поезд. Были подготовлены сразу три подкопа, под Одессой, Александровым и Москвой. Организаторам покушения было известно, в каком вагоне должен ехать царь. Взрыв был осуществлен только под Москвой. Но именно перед Москвой вагон, в котором ехал царь, был перецеплен. Порядок следования свитского поезда и царского был изменен и был взорван всего лишь вагон царской кухни. Никто не погиб. Далее случилась довольно странная вещь. С динамитом, оставшимся после Одесского подкопа, был арестован Г.Д. Гольденберг. Это был тот самый Гольденберг, который смертельно ранил генерала Кропоткина. Гольденбергу грозила смертная казнь, и логично предположить, что именно поэтому он стал выдавать своих товарищей. Однако есть другая версия, почему Гольденберг пошел на сотрудничество с властями. То ли его обманули, то ли действительно с ним вели переговоры высокопоставленные лица, которые якобы уверили Гольденберга, что требования «Народной воли» будут выполнены. По официальной версии Гольденберг покончил жизнь самоубийством.

Предательство Гольденберга почему-то не позволило полиции быстро арестовать террористов. И народовольцы подготовили еще более изощренный теракт, намереваясь взорвать царя в его доме, в Зимнем дворце. Еще с сентября 1879 года, до взрыва железной дороги под Москвой, Степан Халтурин устроился в столярную мастерскую Зимнего дворца. План был гениально прост. Пронести, конечно незаметно, необходимое количество динамита в Зимний дворец и, когда император будет находиться в нужном месте, взорвать боеприпас. Казалось бы, чего проще. Тем более что мы знаем, что план удался. Поражает, как народовольцы профессионально использовали новую технологию по использованию динамита в террористических актах. После этих взрывов говорили, что императора плохо охраняли. Но по прошествии времени все больше создается впечатление, что те, кто охранял императора, те и объясняли террористам, как надо действовать. Пример провокатора Азефа, уже с Боевой организацией ПСР, только подтверждает

такие впечатления. Интересно, что член Исполнительного комитета А.А. Квятковский, через которого Халтурин снабжался динамитом, был арестован в ноябре 1879 года. В результате этого ареста сотрудники III Отделения получили планы Зимнего дворца с особыми пометками, но раскрыть агента террористов в Зимнем дворце эти сотрудники якобы не сумели. Они раскрыли «паспортное бюро» Народной воли, типографию народовольцев в Саперном переулке, у них имелись показания Гольденберга, но арестовать Халтурина они не сумели. Как бы издевательски в помещении мастерской, где Халтурин прятал динамит, проводились поверхностные обыски, и конечно, сундук с динамитом не открывали. 5 февраля 1880 года страшной силы взрыв потряс Зимний дворец, много людей были убиты и ранены, разумеется, кроме царя. Как неуклюжий фарс выглядит рытье окопов вокруг Зимнего дворца, истеричные меры по проверке воздуха в покоях императора, воды в резервуарах Зимнего дворца, очередное увеличение штата околоточных в Петербурге и другие бесполезные меры. Как будто кто-то показывал императору, что он будет сразу же убит, если «будет вести себя плохо». Политическая полиция вовсе не была сборищем тугодумов, которые всегда опаздывали. Знаменитый Судейкин, Рачковский и другие держали революционное подполье, что называется «под колпаком». Какие бы изменения ни происходили в правящих сферах, политическая полиция, как инструмент манипулирования, всегда нужна. После взрыва в Зимнем дворце была назначена «Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым. Наступила «диктатура сердца», по меткому замечанию современников, и правительство стало двигаться в сторону конституционного правления. Однако «Народная воля» не прекратила организовывать покушения на царя.

Многие исследователи, да и современники, связывают это с возникновением новой ситуации в придворных сферах. В мае 1880 года умерла супруга Александра II — императрица Мария Александровна. В июле 1880 года император сочетается морганатическим браком с княжной Е.М. Долгоруковой, которая приняла титул светлейшей княгини Юрьевской. Далее предполагалось несколько вариантов развития событий. Император мог отказаться от престола и жить частной жизнью. Однако он мог короновать княгиню Юрьевскую, и тогда наследник, великий князь Александр Александрович оставался без престола. При дворе были сторонники разных вариантов, но в целом монархистов устроил бы вариант воцарения Александра III, либералов — введение конституции. Конечно же террористическая угроза — мощный рычаг в борьбе различных группировок при дворе и в правительстве.

В июне 1880 года был заминирован Каменный мост на Екатерининском канале, один из возможных маршрутов проезда императора. Но террористов опять постигла неудача, когда императорская карета проезжала по мосту, не смогли вовремя доставить капсулы для взрывателей. Между тем в декабре 1880 года со-

стоялся первый официальный выход в свет второй супруги Александра II. Ничто не мешало императору короновать ее. Политическая полиция продолжала по одному вылавливать членов исполнительного комитета. Кстати, был раскрыт агент народовольцев в III Отделении Н.В. Клеточников. Арестован один из лидеров партии А.Д. Михайлов, но саму организацию III Отделение по-прежнему разгромить не могло. В январе 1881 года народовольцы приступили к рытью еще одного подкопа, по Малой Садовой улице император мог ездить на развод в Михайловский манеж. Среди тех, кто участвовал в рытье подкопа, был и С.П. Дегаев, агент III Отделения. Другое дело, сотрудничал ли Дегаев с полицией уже в 1881 году, или еще нет. По крайней мере, «чудеса», связанные с этим подкопом, также имели место. Подкоп велся из полуподвального помещения, где, для прикрытия, была организована сырная лавка. Проверял эту лавку генерал Мравинский, между прочим, специалист по строительству сооружений. Подкопа он не заметил. Лорис-Меликов настоятельно рекомендовал царю по Малой садовой не ездить, и царь не ездил. Царь вообще никуда не ездил и даже совершал прогулки внутри Зимнего дворца с детьми от второго брака. И тут полиция сообщает, что арестован «самый главный злодей» А.И. Желябов (вместе с М.Н. Тригоном) и царю «разрешают» съездить на развод войск в Михайловский манеж. Когда был организован процесс цареубийц, Желябов потребовал, чтобы его присоединили к первомартавцам. Следствие, вероятно, этого делать не собиралось, несмотря на то, что называли его «самым главным злодеем».

Развод войск выпал на 1 марта 1881 года. Этот день навсегда вошел в российскую историю и также изобилует непонятными моментами, поэтому требует отдельного рассмотрения. Со стороны террористов этот день нам виден в основном «глазами» Н.И. Рысакова, давшего откровенные показания следствию. Позднейшие мемуаристы и официальная версия уже имели в виду показания Николая Рысакова. Утром 1 марта Рысаков пришел на конспиративную квартиру на Тележной улице, куда С.Л. Перовская принесла два метательных снаряда. Рысаков был новым человеком в партии и знал Перовскую под кличкой «блондинка». Впрочем, и всех других террористов он знал по кличкам. Кроме него, на Тележной было еще три метальщика: И.И. Гриневицкий, Н.П. Емельянов и Т.М. Михайлов. Затем пришел «техник» (кличка Н.И. Кибальчича) и принес еще два снаряда. Софья Перовская объяснила метальщикам диспозицию. В качестве иллюстрации она нарисовала схему, причем место будущего покушения было отмечено знаком. Это было место на набережной Екатерининского канала. Далее террористы переместились на Невский проспект в кофейню, откуда в условленное время разошлись по своим постам. Посты эти были достаточно далеко от места, которое пометила на схеме Перовская. По плану, метальщики должны будут выдвинуться на Екатерининский канал, когда станет известно, что император поехал туда [9: с. 287].

Для Александра II это тоже был знаменательный день. В первой половине дня император принял графа Лорис-Меликова и подписал официальное сообщение

о созыве Подготовительной комиссии с участием представителей от земств. Либеральная историография, и в частности член партии кадетов, историк А.А. Корнилов, называют цареубийство 1 марта 1881 года катастрофой, подразумевая то, что Александр II ввел бы конституцию. Итак, пренебрегая опасностью, к полудню император направился в Михайловский манеж. Подъезд Зимнего дворца, откуда выезжал император, был скрыт от посторонних глаз. В данном случае это не имело значения, так как террористы знали, что император поедет в Михайловский манеж. Перехватить царя собирались на обратном пути. При желании, можно найти ошибки в охране первого лица в государстве, но план террористов был настолько прост и легок в исполнении, что становится понятным, что этот план был разработан людьми, профессионально занимающимися государственной охраной. Нам говорят, что у народовольцев была группа наблюдения, что были связи при дворце, что среди самих народовольцев были профессиональные военные, но всего этого мало для разработки плана такой эффективности. И уж конечно, не хрупкая нигилистка Софья Перовская, якобы удачно сымпровизировавшая с метальщиками, была автором плана покушения. Террористу, каким бы он ни был, подготовленным или неподготовленным, оставалось только оказаться в нужном месте в нужное время, а бомбу мог бросить даже подросток.

В этот день непосредственно за императором следовал полковник А.И. Дворжицкий, жандармы которого стояли на всех узловых пунктах любого из предполагавшихся маршрутов следования императорского кортежа. Андрей Желябов на суде заявлял, что напасть на императора готовы были 47 рабочих [10: с. 138]. Но действия любого вооруженного отряда были бы пресечены превосходящими силами жандармерии и полиции. Это понимали даже народовольцы, склонные к авантюрам. Казаки Собственного императорского конвоя под командованием ротмистра П.Т. Кулебякина буквально своими телами закрывали карету с императором. Карета была бронирована, также была снабжена устройствами против одиночных выстрелов. Кроме того, за императором следовал личный охранник царя, капитан К.И. Кох, секретные агенты которого были рассеяны среди толпы в центре Петербурга. Таким образом, четыре метальщика противостояли нескольким десяткам профессиональных охранников. И террористы победили.

После развода войск император заехал в Михайловский дворец к сестре. Но пить чай, как это он делал обыкновенно, не стал и сразу поехал домой в Зимний дворец. Оказывается, этого короткого промежутка времени хватило Софье Перовской для того, чтобы найти всех метальщиков и отправить их на Екатерининский канал. Рысаков указывал, что при встрече с ним Перовская поднесла белый платок к лицу, что являлось условным знаком. Пытаясь объяснить невероятную быстроту Перовской, была придумана фантастическая ситуация, когда Перовская зашла на Итальянский мостик и с возвышения, неконспиративно, взмахнула белым платком. И якобы все метальщики ее сразу заметили и перешли на набережную Екатерининского канала, где встали строго «по номерам». Первым должен

был бросать бомбу Тимофей Михайлов, но он не сделал этого. Во время следствия, он, как и Рысаков, подавал прошение о помиловании, но был повешен, наверное чтобы лишнего не говорил. Первую бомбу бросил Рысаков. Императорский кортеж двигался так быстро, что бомба взорвалась только позади кареты императора. Был убит один казак из конвоя, другие получили ранения, и был убит ни в чем не повинный мальчик, который проходил мимо. Император остался цел и невредим. Вот тут-то и возник эпизод, из-за которого впоследствии будущие аналитики будут обвинять личную охрану царя. Охраняемое лицо должны были сразу увести с места теракта, и тогда другие метальщики по крайней мере не смогли бы прицельно бросить снаряд в императора. Более того, даже та карета, которая была повреждена, смогла бы транспортировать царя во дворец. Конечно, у Александра II был шанс остаться в живых. Но император вышел из кареты и пожелал осмотреть место происшествия. Когда он уже возвращался к карете, другой террорист, Игнатий Гриневицкий, бросил бомбу в ноги царю. Хотя императору раздробило обе ноги, шанс остаться в живых все-таки оставался, если бы императора отвезли сразу в военный госпиталь на другом берегу Екатерининского канала. С такого рода ранениями военные медики довольно успешно справлялись на поле боя. Но императора отвезли во дворец, и он умер от потери крови.

Период существования партии после 1 марта 1881 года принято называть упадком «Народной воли». Политическая полиция, которая с 1876 года безуспешно боролась с партией, вдруг, практически сразу же после 1 марта, ловит царевубийц и в течение двух лет уничтожает «Народную волю». В этом контексте наиболее загадочным выглядит эпизод с так называемой «Священной дружиной». Исполнительный комитет «Народной воли» пишет письмо новому царю Александру III, где в завуалированной форме ему предлагается все-таки ввести конституционное правление. Автор письма, член Исполнительного комитета, теоретик партии и будущий ренегат Л.А. Тихомиров сбегает за границу, где уже обосновались такие руководители революционного подполья, как Петр Лавров, Герман Лопатин и другие, достаточно осведомленные и авторитетные революционеры. К этим заграничным революционерам, в частности к П.Л. Лаврову, обращаются различные представители от неких земских кругов с предложением о переговорах [1: с. 268]. Интересно, что революционные руководители не видят в этих переговорах ничего необычного. «Неуловимую» для полиции Веру Фигнер тотчас находит для переговоров писатель Н.К. Михайловский. Вышеупомянутое письмо ИК «Народной воли» Александру III, по большому счету, также не было ультиматумом, а своеобразной формой переговоров. Та же полемика в прессе, между консерваторами и либералами, в результате которой определяются позиции сторон, в сущности, является завуалированной формой переговоров. Под некими «земскими кругами» подразумевалась «Священная дружина». Инициаторами создания «Священной дружины» называют графа И.И. Воронцова-Дашкова и графа П.П. Шувалова, видных масонских деятелей. Правда, в своих воспоминаниях будущий граф,

и не менее авторитетный масон С.Ю. Вите, называет себя инициатором создания этой тайной организации для борьбы с революционным движением. Эта «Священная дружина» также загадочно исчезла, как и появилась. Хотя, переговоры, если угодно торговля, между правительством и революционерами возникали всегда, когда это было необходимо.

Одним из факторов уничтожения «Народной воли» в литературе обычно называют предательство С.П. Дегаева. Считается, что жандармский подполковник Г.П. Судейкин завербовал Сергея Дегаева и тот выдал «остатки» Исполнительного комитета, оставшуюся динамитную мастерскую, типографию и почти всю партию. Неожиданно Дегаев совершает невероятный кульбит. Он начинает сильно бояться мести разгромленной партии, едет за границу к представителям народовольцев, якобы «вымаливает» у них прощение в обмен на убийство Судейкина. Гораздо логичнее, на наш взгляд, предположить, что Дегаев был так называемым «двойным агентом». Наиболее известные «двойные агенты» в истории революционного движения — это Е.Ф. Азеф и Д.Г. Багров. В основном известны сотрудники полиции, которых внедряли в среду революционеров. Их называют провокаторами. Например, попытка внедрить в киевский кружок народников П.И. Рачковского, будущего начальника всей заграничной агентуры Российской империи. Гораздо реже отмечаются попытки внедрить представителей революционного подполья в ряды политической полиции. Например, знаменитый случай с Н.В. Клеточниковым, который работал в III Отделении. Если революционер соглашается сотрудничать с полицией ради каких-то высших целей, то при его разоблачении возврата в революционную среду не может быть. Сергей Дегаев выдавал уже обреченную организацию, но зато он попадал в мир высших государственных чинов. Используя информацию Дегаева, Лев Тихомиров написал статью-памфлет «В мире мерзости и запустения», где описал интриги высших сановников. Убив Григория Судейкина, фактически руководителя политической полиции, Дегаев нанес чувствительный удар самодержавию, но сам был вынужден скрыться и от революционеров, и от правительства.

Попытки возродить «Народную волю» предпринимались неоднократно, но правительство, в лице уже нового органа политической полиции — Департамента полиции, жестко пресекало любые террористические предприятия. Наиболее известная из них — это попытка повторить 1 марта, только уже в 1887 году. Когда же революционерам стало понятно, что народовольчество изжило себя, революционное движение вступило в новую фазу. В 1893 году возникла партия «Народного права» как попытка объединить народников и либералов. Новое социал-демократическое движение принципиально отвергало народничество. И только партия социалистов-революционеров объявила себя преемницей «Народной воли».

Литература

1. *Богучарский Н.Я.* Из истории политической борьбы (70-х и 80-х гг. XIX века). М., 1912. 483 с.
2. *Волк С.С.* Народная Воля. М.; Л.: Наука, 1966. 491 с.
3. *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. 408 с.
4. История государственной охраны России. Собственная его Императорского Величества охрана 1881–1917 / Под общ. ред. Е.А. Мурова. М.: Медиа-Пресс, 2005. 464 с.
5. *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. М.: Наука, 1965. 443 с.
6. *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1909. 263 с.
7. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995. 450 с.
8. *Пайнс Р.* Русская революция: В 3-х кн. М.: Захаров, 2005. Кн. 1. 480 с.; Кн. 2. 720 с.; Кн. 3. 704 с.
9. *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.
10. *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов: СГУ, 1983. 423 с.
11. *Цимбаев Н.И.* История России XIX – начала XX века. М.: Аст-слово, 2010. 448 с.
12. *Ventury F.* Populismo russo. Torino: Einaudi, 1952. V. 1. 634 p.; V. 2. 635 p.

References

1. *Bogucharskij N.Ya.* Iz istorii politicheskoy bor'by' (70-x i 80-x gg. XIX veka). M., 1912. 483 s.
2. *Volk S.S.* Narodnaya Volya. M.; L.: Nauka, 1966. 491 s.
3. *Grosul V.Ya.* Mezhdunarodny'e svyazi rossijskoj politicheskoy emigracii vo 2-j polovine XIX veka. M.: ROSSPE'N, 2001. – 408 s.
4. Istoriya gosudarstvennoj oxrany' Rossii. Sobstvennaya ego Imperatorskogo Velichestva oxrana 1881–1917 / Pod obshh. red. E.A. Murova. M.: Media-Press, 2005. 464 s.
5. *Itenberg B.S.* Dvizhenie revolyucionnogo narodnichestva. M.: Nauka, 1965. 443 s.
6. *Kornilov A.A.* Obshhestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II. M.: Tovarishhestvo tipografii A.I. Mamontova, 1909. 263 s.
7. *Leontovich V.V.* Istoriya liberalizma v Rossii. M.: Russkij put' – Poligrafresursy', 1995. 450 s.
8. *Pajps R.* Russkaya revolyuciya: V 3-x kn.. M.: Zaxarov, 2005. Kn. 1. 480 s.; Kn. 2. 720 s.; Kn. 3. 704 s.
9. *Sedov M.G.* Geroicheskij period revolyucionnogo narodnichestva. M.: My'sl', 1966. 364 s.
10. *Troiczkiy N.A.* «Narodnaya volya» pered czarskim sudom (1880–1894). Saratov: SGU, 1983. 423 s.
11. *Cimbaev N.I.* Istoriya Rossii XIX – nachala XX veka. M.: Ast-slovo, 2010. 448 s.
12. *Ventury F.* Populismo russo. Torino: Einaudi, 1952. V. 1. 634 p.; V. 2. 635 p.

*O.V. Serov,
V.V. Ryabov*

**A Retrospective View
on the Movement of the Revolutionary Narodniks**

The paper attempts to coverage the problematic history of revolutionary Narodnichestvo. The basic phases of development of Narodnichestvo and the basic concepts and essential characteristics are revealed and analyzed. Particular attention is paid to the interaction between liberal and revolutionary movements.

Key words: revolution; party; Narodnichestvo; terrorism.

Н.В. Васёхина

Московская организация партии эсеров (по мемуарной литературе)

В работе рассматривается, на основе воспоминаний В.М. Зензинова и М.В. Вишняка, политическая деятельность лидеров московской организации партии эсеров накануне и в период Первой российской революции.

Ключевые слова: московские социалисты-революционеры; воспоминания В.М. Зензинова и М.В. Вишняка.

Воспоминания — источник, относящийся к источникам личного происхождения. Они, как известно, при всей ценности сообщаемых в них фактов и наблюдений, являются субъективными, пристрастными, а иногда и прямыми искажениями фактов. Поэтому, анализируя их, необходимо рассматривать и другие источники, существующую литературу по теме, для того чтобы выявить максимально точные характеристики рассматриваемой проблемы. В воспоминаниях все описываемые события рассматриваются через призму собственной жизни, поэтому практически всегда главным действующим лицом в них является сам автор.

Данная работа посвящена анализу воспоминаний двух лидеров Московской организации партии социалистов-революционеров — В.М. Зензинова и М.В. Вишняка. Главное направление работы — освещение проблем становления и деятельности Московской организации от момента ее создания до конца Первой российской революции 1905–1907 годов.

Процесс создания Московской организации и ее деятельность в годы Первой российской революции отражены в воспоминаниях В.М. Зензинова «Из жизни революционера» и «Пережитое».

Деятельность московских эсеров в годы революции 1905–1907 годов наиболее последовательно описана в воспоминаниях М.В. Вишняка «Дань прошлому» и «“Современные записки”: Воспоминания редактора».

Владимир Михайлович Зензинов родился 29 ноября 1880 года в Москве в семье купца первой гильдии, известного чаеоторговца, коммерции советника. В.М. Зензинов учился в третьей московской гимназии, был одним из организаторов кружка самообразования, который получал революционную литературу из-за границы. Образование продолжил в Берлинском университете, где в 1901 году учился с одним из будущих лидеров московских эсеров В.В. Рудневым. В.М. Зензинов входил в кружок студентов вместе с Н.Д. Авксентьевым, А.Р. Гоцем и И.И. Фондаминским [7: с. 162, 216, 523].

Марк Виньяминович Вишняк родился в Москве в 1883 году в семье купца первой гильдии, с детства был знаком с А.Р. Гоцем, И.И. Фондаминским, братьями М. и Б. Ратнерами и рядом других ровесников из московских еврейских купеческих семей, занимавших впоследствии видное положение в партии социалистов-революционеров. М. Вишняк учился в первой московской мужской гимназии, потом в Германии на юридическом факультете. Уехал из Германии, когда учился на третьем курсе, осенью 1904 года вернулся в Москву [7: с. 115].

Московская эсеровская группа была создана в 1902 году Новым людям в законспирированные организации было трудно попасть, но В.М. Зензинов получил хорошие рекомендации от известных заграничных революционеров и в феврале 1904 года был принят в Московскую организацию партии эсеров, на основе которой вскоре был создан Московский комитет партии. С этого времени В.М. Зензинов становится одним из его руководителей [4: с. 9; 5: с. 111]. В момент создания Комитет состоял из семи человек: три студента, один фельдшер, одна учительница, все в возрасте от 20 до 24 лет. «Я был один из старших, — вспоминает В.М. Зензинов, — удивительно было не то, что такая зеленая молодежь занималась революционными делами, а то, что она умела завоевать себе авторитет среди широких слоев населения» [5: с. 111].

Основу деятельности Московского комитета составляла агитационно-пропагандистская деятельность. В.М. Зензинов принимал непосредственное участие в написании прокламаций, их изготовлении на гектографах и мимеографах и дальнейшем распространении среди рабочих. «Группа пропагандистов», созданная при Комитете, занималась устной пропагандой среди рабочих, читая им лекции по русской истории, политике, политической экономике.

Весной 1904 года организацию постиг «провал», был арестован весь Комитет и почти все пропагандисты. В.М. Зензинов в это время был в г. Сочи [5: с. 115, 118, 126]. После весеннего ареста организацию пришлось создавать заново и к осени 1904 года она уже плодотворно работала. «Никогда не было у нас столько сил, — пишет В.М. Зензинов. — Число пропагандистов, организаторов, агитаторов росло с каждым днем. Рабочие кружки были теперь во всех районах города, охватывали все крупные заводы и фабрики. Во множестве мы отправляли в подмосковные деревни революционную литературу, которую получали из-за границы и изготовляли сами. Я занят был устройством комитетской типографии с настоящим печатным станком, на котором мы должны были печатать «Рабочую газету» [5: с. 137].

28 ноября 1904 года в Санкт-Петербурге прошла демонстрация, закончившаяся жестокой расправой властей города над ее участниками. В знак протеста против избиения питерских демонстрантов было решено провести выступление и в Москве. Одновременно с призывами принять в нем участие Московский комитет партии эсеров распространил своеобразное заявление о том, что если демонстрация будет сопровождаться такой же жестокой расправой, как это было

в Петербурге, то личная ответственность за это будет возложена на Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и московского полицмейстера генерала Трепова. В заявлении отмечалось, что в таком случае «Комитет не остановится перед тем, чтобы казнить их» [5: с. 138]. В.М. Зензинов предупредил представителей московской власти, каждого лично, отправив им письма.

5 и 6 декабря 1904 года демонстрации прошли в Москве и сопровождались жестоким избиением демонстрантов полицией, но без жертв. Таким образом, Комитет должен был привести в исполнение свой приговор. Привести его в исполнение поручалось В.М. Зензинову и Никитскому. Организация покушения на великого князя целиком легла на В.М. Зензинова. Установили слежку за передвижением великого князя, все развивалось по плану, когда произошла встреча В.М. Зензинова с Б. Савинковым. На этой встрече Б. Савинков объявил, что покушение на Сергея Александровича будет осуществлять Боевая Организация [5: с. 140]. Московские эсеры вынуждены были отказаться от реализации своего плана. Как известно, 4 февраля 1905 года Боевая организация совершила успешное покушение на великого князя Сергея Александровича.

В ночь на 9 января 1905 года В.М. Зензинов и еще несколько членов Московской организации были арестованы после возвращения с общего собрания рабочих, на котором было решено поддержать забастовку питерских рабочих. Таким образом, начало Первой российской революции лидеры Московского комитета встретили в тюрьме. Типография, созданная В.М. Зензиновым накануне ареста, уцелела и первый номер «Рабочей газеты» вышел в свет. Уже в тюрьме В.М. Зензиновым было составлено воззвание, которое было тайно переправлено на волю и напечатано в созданной им типографии. Это событие не могло не вызвать у революционера чувства радости и гордости, «когда, будучи пленником, торжествуешь победу и знаешь, что, несмотря на тюремные стены, можешь помогать тому делу, за которое каждое мгновение готов отдать свою жизнь» [4: с. 12]. Вскоре В.М. Зензинов был освобожден.

После 9 января 1905 года М. Вишняк решил примкнуть к революции. Он обратился к московским эсерам — И.И. Фондаминскому и А.Р. Гоцу, и заключив с ними специальное «джентльменское соглашение», примкнул к партии эсеров [2: с. 31]. По поручению эсеровского комитета М. Вишняк организовал 4 февраля 1905 года в университете сбор для пополнения кассы партии эсеров.

В Московской организации партии социалистов-революционеров Марк Вишняк стал пропагандистом. Под именем Марка Вениаминова он два раза в неделю читал лекции в кружках на окраинах Москвы об основах политической экономики, о том, кого и как выбирать в Учредительное собрание, а также о текущих политических событиях. М. Вишняк принимал участие и в общих собраниях пропагандистов, вел и письменную пропаганду, составляя прокламации, а также стал писать статьи для эсеровской газеты «Революционная Россия».

В качестве оппонента от партии эсеров М.В. Вишняк часто выступал на нелегальных и полулегальных собраниях, которые устраивали другие партии и группы. Основным предметом дискуссий с его участием были проблемы решения аграрного вопроса в России. Споры по данному вопросу возникали, как правило, с представителями социал-демократической партии. Как представитель Московского комитета партии эсеров М. Вишняк выступал на совместных с социал-демократами нелегальных митингах, которые, в большинстве случаев, проходили за городом. В своих воспоминаниях, М. Вишняк отмечает, что среди представителей партии большевиков были и его друзья [1: с. 105]. Таким образом, традиционные дружеские отношения не мешали приятелям придерживаться различных политических программ.

Нарастающие революционные события вовлекали в практическую деятельность все большие массы населения России. 23 июня 1905 года был убит московской градоначальник граф Шувалов. Покушение организовал А. Гоц от имени Боевой дружины Московского комитета. В.М. Зензинов написал по этому случаю прокламацию от имени Московского комитета.

В августе 1905 года В.М. Зензинов нелегально уезжает в Швейцарию и возвращается в Петербург после октябрьских событий. Именно в это время, в октябре 1905 года, он был кооптирован в состав ЦК партии эсеров [6: с. 194].

В начале ноября 1905 года В.М. Зензинов переезжает в Москву. Московские эсеры работали, не жалея сил, организовывали рабочих, рассылали революционную литературу в провинцию, готовились к предстоящим революционным выступлениям, запасались оружием, создавали динамитные мастерские, мобилизовав все средства и возможности.

До конца ноября московские комитеты эсеров и меньшевиков предостерегали против призывов к немедленному восстанию. Постепенно, под влиянием московской «оппозиции», которая обвиняла Московский комитет в недостаточной революционности, москвичи активизировали свою деятельность. На конференции Железнодорожного союза И.И. Фондаминский и М.В. Вишняк от имени Московского комитета убеждали рабочих в необходимости забастовки [6: с. 207]. А 7 декабря 1905 года В.М. Зензинов говорил от имени Комитета на заседании Московского совета рабочих депутатов: «Революция и правительство — как два человека, нацелившихся уже один в другого из пистолета. Весь вопрос в том, кто первым нажмет на собачку» [5: с. 256].

Революционные события в Москве нарастали с каждым днем. В.М. Зензинов вошел в стачечный комитет и руководил деятельностью московских эсеров. В городе участились вооруженные столкновения между восставшими и полицией. 9 декабря произошла перестрелка в реальном училище Фидлера, внутри которого находились эсеровские и эсдековские дружинники. По дому стреляла артиллерия, с обеих сторон были убитые и раненные, 118 человек арестовали [8: с. 212]. Московский комитет партии эсеров решил ответить

«ударом на удар», постановили взорвать в ту же ночь здание Московского охранного отделения. Это поручение было дано В.М. Зензинову. Вместе с двумя товарищами он разработал план нападения и снабдил их разрывными снарядами. Операция завершилась благополучно, товарищам удалось скрыться, В.М. Зензинов находился неподалеку от места покушения. Начавшийся пожар уничтожил бумаги Охранного отделения.

В последующие дни произошли события, вошедшие в историю как московское декабрьское вооруженное восстание. В эти дни В.М. Зензинов, будучи членом Исполнительного комитета, руководил всем движением, принимал непосредственное участие в восстании. После подавления восстания, как и многим революционерам, ему удалось выбраться из Москвы. Позднее, анализируя декабрьские события, В.М. Зензинов пришел к заключению о том, что принятое решение о начале восстания в Москве не было достаточно продуманным и никаких шансов на успех у восставших не было изначально. Но другого выхода, считает он, не было. «... Бывают положения, — напишет он впоследствии, — когда люди идут в бой без надежды на победу — это был не вопрос стратегического или политического расчета, а вопрос чести: ведь так в свое время действовали и декабристы, пошедшие на верную гибель» [5: с. 228].

Таким образом, уже в начале революционной деятельности В.М. Зензинову удалось проявить свои возможности и подтвердить желание служить делу партии эсеров. Товарищи в шутку (в Таганской тюрьме) называли его «полковником». Теперь, после декабрьского восстания, по его собственному высказыванию, он стал «генералом», хотя ему и было тогда всего 25 лет. «Но меня интересовало не положение, которое я занимал в партийной иерархии, — пишет В.М. Зензинов, — а то дело, которое я делал» [5: с. 269]. Поэтому неслучайным стало и его вступление в Боевую организацию весной 1906 года. Достаточно быстро наступило разочарование В.М. Зензинова не столько террором, сколько той негативной атмосферой, которая царила в организации. Поэтому о своем террористическом прошлом В.М. Зензинов вспоминал с тяжелым чувством [5: с. 271–275, 319–320].

После октябрьских событий 1905 года М. Вишняк был включен в состав Московского комитета партии эсеров и принимал непосредственное участие в декабрьском восстании. Строительство баррикад входило в обязанности «среднего» партийца, также приходилось самому выполнять разные мелкие поручения: ходить за патронами, доставлять динамит. В эти дни он явственно ощутил и другое качество революции: дух разрушения не есть в то же время и созидающий дух [1: с. 115].

В дни революции М. Вишняк писал статьи для «Известий» Московского совета.

После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве многие эсеры покинули город. В это же время намечался съезд партии эсеров, и от Московского комитета на него должны были отправиться три представителя. А.Р. Гоц предложил в качестве делегатов В.В. Руднева, И.И. Фондаминского и

М.В. Вишняка. Авторитет А. Гоца был велик в среде московских эсеров, и всех троих избрали. Как писал впоследствии М. Вишняк в своих воспоминаниях, он был польщен, «но чувствовал себя неуверенно — никак не считал себя призванным и достойным определять судьбы партии, с которой был связан меньше года» [1: с. 119]. Тем не менее именно он был отправлен в Финляндию на первый съезд партии, где получил возможность познакомиться с эсеровскими лидерами.

Москвичи, представленные на съезде, чувствовали себя героями после декабрьского восстания и уцелевшие после расправы Дубасова, Мина и Римана. Как отмечает М. Вишняк в своих воспоминаниях, московские эсеры не играли особой роли на съезде и не оказывали влияния на принятие решений. Фондаминский не выступал, Руднев выступал много по тактическим вопросам.

После возвращения в Москву необходимо было представить отчет о работе съезда товарищам по Московской организации. Найти помещение для собрания было очень сложно, но квартира была найдена при помощи Зинаиды Жученко, которая дружила с сестрой И. Фондаминского. Зинаида Гернгросс-Жученко являлась секретным сотрудником Департамента полиции еще с 1893 года. Первой заметной акцией стала выдача полиции кружка Ивана Распутина, который готовил в 1895 году покушение на императора Николая II. Впоследствии Жученко возобновила свою работу уже в годы Первой российской революции. Осенью 1905 года она вошла в состав Московского комитета партии эсеров, а в 1907–1909 годах даже была его секретарем, что значительно расширило ее знания о членах Московской организации [3: с. 143–144]. Именно в связи с ее предательством на конспиративную квартиру московских эсеров была организована облава, в результате которой М. Вишняк был арестован. Но вскоре ему удалось бежать из-под ареста и перейти на нелегальное положение.

Одним из решений первого съезда партии эсеров было решение собрать Боевую организацию и организовать в первую очередь покушения на министра внутренних дел Дурново и московского генерал-губернатора Дубасова за усмирение Москвы в дни декабрьского восстания. Покушение на Дубасова оказалось сложным, потребовавшим много времени на подготовку. Только после четвертой попытки удалось совершить покушение. Но Дубасов был всего лишь легко ранен, а Б.У. Вноровский, бросивший бомбу, убит [6: с. 274]. В «Московском листке» была помещена информация о том, что в Дубасова бомбу бросал М. Вишняк и был убит на месте. В связи с тем, что он состоял на учете в Охранном отделении и находился в бегах, полиция решила таким образом «установить» виновного. После вышеуказанных событий М. Вишняк уезжает в деревню.

Воспоминания очевидцев и участников событий первой российской революции позволяют глубже понять сложность ситуации, дают возможность почувствовать атмосферу того времени, узнать о событиях, не отраженных в архивных документах.

Литература

1. Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 409 с.
2. Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Блумингтон: Индиана, 1957. 333 с.
3. Головков Г.З., Бурин Г.З. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. М.: Манускрипт, 1994. 213 с.
4. Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж: Б.и., 1919. 119 с.
5. Зензинов В.М. Пережитое Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 118 с.
6. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
7. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 686 с.
8. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Петроград: Военная типография, 1918. 623 с.

References

1. Vishnyak M.V. Dan' proshlomu. N'yu-York: Izd-vo im. Chexova, 1954. 409 s.
2. Vishnyak M.V. «Sovremenny'e zapiski»: Vospominaniya redaktora. Blumington: Indiana, 1957. 333 s.
3. Golovkov G.Z., Burin S.N. Kancelyariya neproniczaemoj t'my': Politicheskij sy'sk i revolyucionery'. M.: Manuscript, 1994. 213 s.
4. Zenzinov V.M. Iz zhizni revolyucionera. Parizh: B.i., 1919. 119 s.
5. Zenzinov V.M. Perezhitoe. N'yu-York: Izd-vo im. Chexova, 1953. 118 s.
6. Leonov M.I. Partiya socialistov-revolucionerov v 1905–1907 gg. M.: ROSSPE'N, 1997. 512 s.
7. Politicheskie partii Rossii. Konecz XIX – pervaya tret' XX veka: e'nciklopediya. M.: ROSSPE'N, 1996. 686 s.
8. Spiridovich A.I. Partiya socialistov-revolucionerov i ee predshestvenniki. 1886–1916. Petrograd: Voennaya tipografiya, 1918. 623 s.

N.V. Vasekhina

**The Moscow organization
of the Socialist Revolutionary Party
(according to the memoirs)**

The article is devoted to the political activity of the leaders of the Moscow organization of the Socialist Revolutionary Party before and during the First Russian Revolution. The article is based on the memories of V.M. Zenzinov and M.V. Vishnyak.

Key words: Moscow Socialist-Revolutionaries; memories of V.M. Zenzinov and M.V. Vishnyak.

Н.С. Ватник

«Школьный вопрос» и правительственное реформаторство в России начала XX века (1900–1907 годы)

В статье рассмотрены мероприятия Министерства народного просвещения по преодолению кризисного состояния средней школы России в начале XX века. На основе опубликованных документов и архивных материалов проанализировано содержание подготовленных аппаратом министерства реформаторских предложений и их осуществление. Доказывается, что паллиативные меры не смогли предотвратить массовые волнения учащихся в годы Первой российской революции.

Ключевые слова: позднеимперская Россия; средняя школа; Министерство просвещения; реформы.

Среди «вопросов жизни», будораживших Российскую империю на рубеже XIX–XX веков, важное место (наряду с «рабочим», «крестьянским» или «университетским») занимал «школьный вопрос». Недовольство родителей, широких педагогических кругов и университетской профессуры вызывали неразвитость школьной сети, сохранявшиеся сословные и национальные ограничения для потенциальных учеников, неравноправие школ разного типа (гимназий и реальных училищ, частных и женских учебных заведений), неоправданно высокая доля классических языков в учебных планах казенных мужских гимназий, схоластические методы преподавания и формализм в оценке знаний, запрет на участие родительской общественности в школьных делах, авторитарность педагогов по отношению к учащимся и невнимание к личности воспитанников. Со своей стороны, Министерство просвещения было встревожено антиправительственными настроениями в студенческой среде, справедливо считая, что дух «нигилизма» сформировался у абитуриентов еще на гимназической скамье. Все это вынудило правительство, в обстановке нарастания рабочего и студенческого движения, начать подготовку реформы средней школы.

В научной литературе данная тема, в силу ее выраженного педагогического аспекта, получила освещение преимущественно в историко-педагогических трудах, где акценты были смещены в пользу мероприятий Министерства просвещения [1; 5; 6; 7]. В свою очередь немногочисленные работы специалистов по социальной истории характерны многоплановостью сюжетов,

но хронологически не выходят за пределы 1900–1904 гг. [10; 11; 12]. Ситуация в российских школах начала XX века и действия ведомств, управлявших средними учебными заведениями, нашли достаточное отражение в использованных в статье источниках. Это: всеподданнейшие отчеты министра народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода, соответствующие ведомственные циркуляры, протоколы совещаний по вопросам состояния и изменения школьного обустройства, мемуары. Привлечены также материалы фондов РГИА, ГАРФ и ЦИАМ, где отразилась текущая документация Совета Министров, Министерства просвещения и Св. Синода, Департамента полиции, донесения администрации учебных заведений и другие.

Первым признаком грядущих перемен в образовании можно считать циркуляр от 8 июля 1899 г. министра народного просвещения Н.П. Боголепова, назначенного в 1898 г. после ухода приверженца классицизма И.Д. Делянова. Новый министр рекомендовал в качестве предварительных шагов провести в учебных округах совещания педагогов, что уже было необычным и для чиновников, и для приглашенных деятелей образования. Фактически речь шла о выработке нового правительственного курса, тем более что в циркуляре открыто прозвучали негативные оценки казенной школы, обтекаемо названные «недостатками в гимназиях и реальных училищах». Приведем самые существенные из них: «...отчужденность от семьи и бюрократический характер средней школы, вносящей сухой формализм и мертвенность в живое педагогическое дело и ставящий в ложные взаимоотношения преподавателей и учителей»; «...невнимание к личным особенностям учащихся и пренебрежение воспитанием нравственным и физическим»; чрезмерность ежедневной умственной работы»; «излишнее преобладание древних языков» [9: с. 1].

П.А. Некрасов — попечитель Московского учебного округа (самого большого в России по количеству школ и числу учащихся) — указанную рекомендацию выполнил без промедления, и осенью того же года было созвано весьма представительное окружное совещание с участием директоров учебных заведений, учителей, университетских преподавателей, чиновников аппарата окружного управления. Его результаты оказались внушительными. Во-первых, были опубликованы шесть томов материалов совещания, содержащих пояснительные записки, тексты выступлений участников, новые программы учебных дисциплин. А во-вторых, сформулирован ряд предложений по реформированию образования. Назовем некоторые: «отменить переводные экзамены», «увеличить уроки русского языка и словесности», «усилить преподавание отечественной истории», «желательно сближение школы и семьи», «...изъять греческий язык, уменьшить латинский язык, ввести обучение двух новых языков» [9: с. XXII, XXIII, XXIX, XXX]. Однако принципиальные правовые изменения по итогам этого совещания, как и других, фактически не последовали. Действительно, нельзя таковыми считать положения циркуляра

от 2 августа 1900 г. «Об отмене летних каникулярных работ учеников средних учебных заведений», где речь шла не только об освобождении от обременительных письменных заданий, но и об организации школами образовательных прогулок, путешествий и т.п. [8: с. 64–65].

Эру «сердечного попечения» учащейся молодежи (студенческой и школьной) провозгласил генерал П.С. Ванновский, сменивший убитого в 1901 г. Н.П. Боголепова. Важной частью «нового курса» стала работа комиссии по составлению реформы школы. Подготовленный проект предполагал создание единой семилетней средней школы (т.е. упразднение разделения образования на классическое и реальное), где первые три года обучения соответствовали курсу начальной школы. В последующих классах вводились элементы бифуркации в виде курсов естествознания, черчения или латинского языка; греческий язык изучался факультативно. Отменялись аттестаты зрелости и несколько упрощалось поступление в высшие учебные заведения. В перспективе ожидалось реформирование специальной школы, повышение жалованья учителям и принятие мер по улучшению их общепедагогической и методической подготовки. Для демонстрации реформаторских намерений и успокоения общественного мнения ряд новшеств были введены властями экспериментально с 1901 г., т.е. до принятия основного документа. А именно: сроком на один год допускалось сокращение учебных часов на латинский и греческий языки, одновременно расширялось преподавание географии, истории, естествознания, русского и иностранного языков.

Перемены в школьной жизни — намечаемые и уже зримые — вызвали противодействие консервативных кругов. Под их давлением комиссия изъяла из проекта положение о единой школе, отказалась от сокращения в учебных планах доли древних языков и пр. Но и существенные уступки не спасли П.С. Ванновского: он был отставлен в апреле 1902 г. с замечанием Николая II о нежелательности реформ в условиях продолжающегося брожения молодежи [6: с. 64–67].

Новый министр просвещения Г.Э. Зенгер попытался продолжить курс предшественника. Однако, встретив недовольство царя, предпочел в дальнейшем руководствоваться конкретными указаниями Николая II, которые сводились к сохранению с минимальными подновлениями классического и реального образования, усилению контроля за политическими настроениями учащихся и их наставников. Поэтому деятельность министерства происходила не в активно-реформаторском, а в традиционно-аппаратном ключе: подготовке циркуляров об усилении «религиозно-нравственного воздействия школы», поддержании дисциплины среди учащихся, полезности связей с семьями и пр.

Однако, с точки зрения властей, реальный результат такой «деятельности» отсутствовал, и в школах сохранялась тревожная ситуация. Повсеместно дирекция и полиция выявляли запрещенные уставом ученические организации, в том числе, «политического оттенка»; познавательные и читательские интересы школьной молодежи явно сместились в пользу общественно-политических тем, а в кру-

ге чтения оказались внепрограммные книги по философии, социологии, истории общественных движений, а также издания революционных партий; продолжались волнения учащихся: если в 1895–1900 гг. их отмечено 34, то в 1901 г. — 44, в 1902 г. — 53, в 1903 г. — 36 [12: с. 51–54, 62, 88]. В совокупности, это привело к отставке Г.Э. Зенгера в начале 1904 г., назначению министром генерала В.Г. Глазова и фактическому прекращению каких-либо преобразований в области просвещения. Все происходившее в 1899–1904 гг. справедливо рассматривать в контексте общей внутренней политики правительства, отказавшегося от последовательного реформаторства во многих сферах (политической, аграрной, межнациональной, образовательной, рабочем законодательстве) и тем самым подтолкнувшего страну к революционным потрясениям начала XX века.

События 9 января 1905 г. и последовавшие затем забастовки рабочих, университетские волнения и протесты интеллигенции вызвали «брожение» в средних учебных заведениях. Существовавшее недовольство дисциплинарным и учебным режимами приобрело теперь массовые открытые формы. В 1905–1907 гг. это выразилось в разного рода протестных акциях — школьных волнениях, забастовках и демонстрациях, в создании органов ученического самоуправления и деятельности нелегальных молодежных объединений.

О степени распространения волнений можно судить по ситуации в учебных заведениях Центрального района. Здесь в январе – марте 1905 г. беспорядками было охвачено 21 % гимназий, 40 % реальных училищ, 30 % учительских семинарий, 70 % технических и все земледельческие училища [2: с. 89–90]. Впервые столкнувшись со столь значительными проявлениями недовольства школьной молодежи, администрация действовала по старому правилу «не пущать!», запрещая собрания воспитанников и отказываясь принять выработанные ими петиции или резолюции. Впрочем, положение это не спасало — учащиеся игнорировали запреты и объявляли, по примеру студентов, забастовки «до выполнения своих требований». Типичными были события в московских технических училищах — Комисаровском и Промышленном. В Комисаровском училище 28 января директор С.Д. Исаенков сумел своим запретом сорвать сходку учащихся IV–VI классов. Но через две недели ученики старших классов не только провели сходку, но выработали требования и объявили забастовку до 1 марта. Воспитанников Промышленного училища не смутило категорическое нежелание директора А.П. Доктора принять петицию, одобренную на сходке 9 февраля: петиция была прислана почтой в канцелярию, а ученики прекратили занятия до 1 сентября (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5942. Л. 29–30, 35).

Общее возбуждение, охватившее средние светские школы, проникло и в духовные учебные заведения. Так, 21 февраля прекратились занятия в Ярославской семинарии». Собравшиеся на сходку семинаристы не только выработали петицию академического характера, но и приняли резолюцию протеста «против насильственных мер полиции в некоторых местах империи». Духовное начальство

закрыло семинарию до 7 марта и уволило всех воспитанников, поставив условием обратного приема подписание обязательств «о неуклонном исполнении всех дисциплинарных правил» (ГАРФ. Ф. 102 ОО, 1905. Д. 3. Ч. 122. Л. 8). Подписание большинством учащихся этих обязательств и возобновление 7 марта занятий не привели к восстановлению «порядка» в семинарии.

Обеспокоенное выступлениями в средних школах (общеобразовательных и специальных) правительство организовало «Совещание по вопросу о мерах для восстановления нормального течения жизни в средних учебных заведениях всех ведомств» (председатель — министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов). О постановлении этого совещания Министерство народного просвещения уведомило учебное начальство на местах циркуляром № 4009 от 23 февраля 1905 г. Документ был выдержан в карательном духе: ученикам следовало объявить, что не приступившие к занятиям с 1 по 7 марта «будут считаться уволенными» (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4474. Л. 3). Но такая категоричность показалась излишней даже чиновникам от просвещения: спустя 10 дней (4 марта) появилось дополнение к циркуляру 4009, где перечислялись меры, которыми министерство надеялось успокоить молодежь. Во-первых, рекомендовалось привлекать родителей к помощи в деле «школьного воспитания юношества» Во-вторых, предлагалось «преподавателям, в особенности нервным, отдавать предпочтение мягким педагогическим приемам, не вызывая озлобление детей». В-третьих, предписывалось не допускать «всякого рода несправедливость и бестактность в обращении с учащимися». Одновременно не уверенное в эффективности родительского и внешкольного педагогического контроля Министерство просвещения направило в Министерство внутренних дел специальное письмо с просьбой о содействии чинов полиции педагогам, «назначенным для надзора за воспитанниками вне стен учебного заведения» (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4474. Л. 34). Жестко действовал и Св. Синод: духовные семинарии в случае беспорядков должны были быть закрыты, все ученики — уволены, а обратный прием — происходить строго выборочно. И это были не пустые угрозы — синодальные власти без промедления и неоднократно применяли указанное распоряжение. Так произошло, например, в начале 1907 г. в Вифанской духовной семинарии (Сергиев Посад), где воспитанники поддержали призыв нелегального ученического Общесеминарского союза о бойкоте экзаменов и в знак протеста по поводу удаления активистов, «оказывавших вредное влияние», провели две сходки. В качестве ответной меры из семинарии были исключены 230 учеников, а при обратном приеме отсеялись 22 человека. Примечательно, что в сентябре 1907 г. Училищный комитет при Синоде обсуждал вопрос о закрытии семинарии на год (!) дабы успокоить брожение среди учащихся (РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 295. Л. 15–15 об).

Отдадим должное руководству Министерства просвещения, которое не ограничилось наказаниями и попыталось выяснить причины волнений. Секретным циркуляром от 31 марта 1905 г. начальствующим в учебных округах

предписывалось представить в министерство характеристики происшедших ученических беспорядков. Показательна преамбула документа, где волнения в учебных заведениях названы «явлением», о сущности и причинах которого, «общих и местных», необходимо иметь «ясное и определенное представление» (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4474. Л. 30).

В архивах сохранилось большое количество присланных в окружные канцелярии в апреле – мае 1905 г. донесений директоров учебных заведений с описанием и перечнем мотивов волнений воспитанников. Сводные материалы были направлены из учебных округов в Петербург, и их содержание показательно в контексте готовности администрации школ защитить «честь мундира» или объективным подходом внести в ситуацию «ясность и определенность». Типичной является датированная 15 июня (!) «Характеристика волнений, происшедших в реальных училищах Московского учебного округа в 1905 г. по 7 марта». Здесь перечислены приведенные директорами «общие» и «местные» причины волнений. К первым — были отнесены политические события января – февраля; резкое осуждение «существующего порядка» прессой; распространение в учебных заведениях нелегальных воззваний; «нервное состояние» общества; влияние студентов. Представляющие для нас особый интерес «местные», т.е. школьные, причины указаны следующие: недовольство «небольшой кучки родителей» положением средней школы и их сочувствие беспорядкам; недовольство учеников «некоторыми учителями». Правда, директора Московского, Нижегородского, Орловского, Скопинского, Тверского, Тульского реальных училищ, указывая формы проявления беспорядков, упоминали о петициях с требованиями учащихся, но без каких-либо комментариев (копии петиций были отосланы в министерство ранее). Таким образом, администрация школ, весьма усердная в передаче деталей событий, дистанцировалась от анализа и выявления глубинных причин волнений и фактически предоставила это сделать министерским чиновникам (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4474. Л. 43–44 об.).

Сложно судить, насколько полученные с мест сведения были проанализированы в министерстве, чтобы стать основой для предупредительных мер или начала школьной реформы. Конструктивным результатом «эпохи Глазова» можно считать лишь составление проекта нового Устава реальных училищ, который предполагалось ввести с 1906–1907 учебного года. Иных преобразований министерство не готовило и потому оказалось бессильным перед массовыми акциями учащейся молодежи, поразившими спустя несколько месяцев средние школы России и вошедшими в историю под названием «школьная смута».

В сентябре – декабре 1905 г. ученические волнения превратились в заметный элемент общественной жизни страны. В стенах учебных заведений устраивались многолюдные собрания и митинги, организовывались длительные забастовки, формировались объединения учащихся — школьные (классные) комитеты и общегородские союзы, наблюдалась радикализация движения вплоть до участия

молодежи в баррикадных боях с правительственными войсками. Широкою известность получили сентябрьские выступления в учебных заведениях Тулы. На сходках гимназистов были выработаны требования изменения школьного режима. Резолюция сходки 23 сентября с перечнем 15 академических требований (в их числе — отмены внешкольного надзора и унижительных наказаний, предоставление права организации кружков, библиотек, товарищеского суда и др.) была подписана 156 учениками и вручена директору с предупреждением объявить забастовку, если через неделю требования не будут удовлетворены (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4523. Л. 24–26, 31–32). События в мужской гимназии повлекли за собой волнения в остальных средних школах Тулы, а начавшаяся 28 сентября забастовка реалистов и гимназистов вынудила окружное начальство закрыть эти учебные заведения до 10 октября (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4523. Л. 26–27 об., 16–18; Д. 4683. Л. 9 об.).

Во время массовых ученических забастовок (октябрь), вызванных Всероссийской политической стачкой, министерство поначалу действовало жестко. Телеграмма Глазова от 15 октября, направленная на места, выглядела как военный приказ: «Необходимо иметь в виду, что старших учеников, действующих сознательно, надо карать, остальных взysкивать, ничего не пропускать» (РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 794. Л. 200). Но спустя три дня (18 октября) Глазов был отправлен в отставку, и пост министра занял И.И. Толстой — его назначение следует рассматривать в контексте преобразовательных последствий Манифеста 17 октября.

Новый министр — видный ученый-археолог — придерживался либерально-реформаторских взглядов. По его мнению, реформы в сфере народного образования «важнее и аграрного, и рабочего законодательства»; образование должно быть общедоступным, а в перспективе стать обязательным для всех [3: с. 250].

Вступив в должность, министр «пришел в ужас» от революционного хаоса, охватившего средние школы. В своих мемуарах И.И. Толстой приводит показательную реакцию премьер-министра С.Ю. Витте (у того «волосы дыбом встали») на информацию о «школьной смуте»: «Я ничего подобного не воображал! — воскликнул он. — Это ужасно, ужаснее всех университетских беспорядков. Бедные дети, несчастная Россия... нужно принять какие-нибудь меры...» [3: с. 89].

Первым реальным шагом по реформированию среднего образования явился доклад И.И. Толстого, представленный Совету Министров 13 ноября 1905 г., о необходимости срочных мер, «которые дали бы возможность упорядочить дело школьной жизни *до введения реформы законодательным путем*» (курсив наш. — *Н.В.*). Принятое по докладу Постановление разрешало педагогическим советам «отступить» от ряда действовавших правил и циркуляров; в конкретной части признавалось необязательным ношение учениками формы вне классов, допускалось образование родительских комитетов и присутствие представителей «общественных учреждений» (предводителя дворянства и городского головы) на заседаниях педсоветов (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 143. Л. 1, 6–7, 11)

[5: с. 276–282]. Но даже на такие мизерные уступки власть шла с трудом — царь утвердил меморию Совета министров в полном виде только 19 ноября после встречи с И.И. Толстым, который убедил Николая II в целесообразности отмены ношения школьной формы.

Основные положения этого документа легли в основу направленного на места циркуляра, означавшего начало действительных перемен в российской средней школе. Здесь уместно указать, что И.И. Толстой как администратор находился в весьма сложном положении. С одной стороны, консерваторы в правительстве и в собственном ведомстве считали его «крайним либералом» и настаивали на жестком подавлении «беспорядков» и очищении школы «от плевел», с другой стороны, поборники «свободной школы» провозглашали: «Дайте побольше свободы, раскрепостите школу, дайте дышать учителям и детям»; в свою очередь, радикально настроенные учащиеся требовали немедленного введения ученического самоуправления, прав на забастовку и т.п. [3: с. 90, 99].

Тем не менее в течение следующих пяти месяцев (до отставки 24 апреля 1906 г.) И.И. Толстой инициировал принятие ряда реформаторских мер в школьной сфере. Перечислим основные. В-первых, с 1906–1907 учебного года вводился новый учебный план для реальных училищ, в котором расширялось преподавание общеобразовательных дисциплин, а в изучении естественных дисциплин полнее реализовывался принцип равномерности распределения часов по классам. Во-вторых, допускалась отмена выпускного экзамена по греческому языку. В-третьих, отменялось (вызывавшее протесты потенциальных абитуриентов) обязательное предоставление выписок из кондуитов при поступлении в высшую школу. В-четвертых, вводились облегчения для сторонних лиц, сдававших экзамены на аттестат зрелости [6: с. 112–113].

С приходом на должность министра просвещения П.М. фон Кауфмана (находился в таковой до 1 января 1908 г.) хотя и усилились преследования «неблагонадежных» учащихся и педагогов, но реформаторский потенциал еще не был исчерпан. Летом 1906 г. состоялось совещание, где обсуждались меры по «восстановлению» нормального течения жизни в средних технических училищах» и постановка учебного процесса в учительских институтах. Регламентации (но не запрещению) подверглись порядок выборов и деятельность родительских комитетов (ГАРФ. Ф. 741. Оп. 11. Д. 72; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 6086. Л. 1–1 об., 95–96 об.) [6: с. 115; 7: с. 15]. В том же ключе действовал и Св. Синод: с некоторыми оговорками допускалось поступление семинаристов в университеты, послабления произошли в дисциплинарном режиме — разрешалось говеть вне семинарии, устраивать литературные чтения и др. [4: с. 236–239].

Мероприятия Министерства просвещения и Синода 1906–1907 гг. касались второстепенных вопросов и не изменяли содержания программ и методов преподавания, а тем более — общего строя школьной жизни. Но они вполне могли стать отправной точкой для последующих реформаторских действий

в образовательной сфере. Однако с 1908 г., в условиях отступления революции, правящие круги посчитали дальнейшие преобразования неуместными, и с назначением А.Н. Шварца министром народного просвещения возобладал консервативный подход к устройству средней школы.

Литература

1. *Беленцов С.И.* Педагогические факторы общественной нестабильности и юношеского радикализма в России во второй половине XIX – начале XX века. Курск: КГУ, 2005. 241 с.
2. *Ватник Н.С.* Протестные акции учащихся средних школ в 1905 г. // Революция 1905–1907 гг.: взгляд через столетие: мат-лы Всероссийской научной конференции (19–20 сентября 2005 г.). М.: МГОУ, 2005. С. 88–92.
3. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. / Сост. Л.И. Толстая. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 334 с.
4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. XII, 304, 268 с.
5. *Казакова С.В.* Вопросы народного образования в Особых журналах Совета Министров 1905–1906 гг. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (малоисследованные проблемы и источники). М.: АПН СССР, 1980. С. 276–282.
6. *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы М.: Учпедгиз, 1947. 248 с.
7. *Кузьмин Н.Н.* Учительские институты в России. Челябинск: Челяб. пед. ин-т, 1975. 41 с.
8. «Об отмене летних каникулярных работ учеников средних учебных заведений». Циркуляр Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 9. С. 64–65.
9. Совещания, проходившие в 1899 году в Московском учебном округе по вопросам о средней школе. Вып. 1. М., 1899. 320 с.
10. *Ушаков А.В.* Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2011. 288 с.
11. *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М.: Мысль, 1976. 236 с.
12. *Ушаков А.В., Образцова О.А.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. М.: РАЕН, 1999. 144 с.

References

1. *Belenczov S.I.* Pedagogicheskie faktory' obshhestvennoj nestabil'nosti i yunoshe-skogo radikalisma v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. Kursk: KGU, 2005. 241 s.
2. *Vatnik N.S.* Protestny'e akcii uchashhixsya srednix shkol v 1905 g. // Revolyuciya 1905–1907 gg.: vzglyad cherez stoletie: mat-ly' Vserossijskoj nauchnoj konferencii (19–20 sentyabrya 2005 g.). M.: MGOU, 2005. S. 88–92.

3. *Vospominaniya ministra narodnogo prosveshheniya grafa I.I. Tolstogo. 31 oktyabrya 1905 g. – 24 aprelya 1906 g.* / Sost. L.I. Tolstaya. M.: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 1997. 334 s.

4. *Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniya za 1905–1907 gg.* SPb., 1910. XII, 304, 268 s.

5. *Kazakova S.V. Voprosy' narodnogo obrazovaniya v Osoby'x zhurnalax Soveta Ministrov 1905–1907 gg.* // *Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya my'sl' Rossii kanuna i nachala imperializma (maloissledovanny'e problemy' i istochniki).* M.: APN SSSR, 1980. S. 276–282.

6. *Konstantinov N.A. Oчерki po istorii srednej shkoly'.* M.: Uchpedgiz, 1947. 248 s.

7. *Kuz'min N.N. Uchitel'skie instituty' v Rossii.* Chelyabinsk: Chelyab. ped. in-t, 1975. 41 s.

8. «Ob otmene letnix kanikulyarny'x работ uchenikov srednix uchebny'x zavedenij». *Cirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshheniya // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1900. № 9. S. 64–65.*

9. *Soveshhaniya, proxodivshie v 1899 godu v Moskovskom uchebnom okruge po voprosam o srednej shkole. Vy'p. 1. M., 1899. 320 s.*

10. *Ushakov A.V. Intelligenciya i rabochie v osvoboditel'nom dvizhenii Rossii. Konec XIX – nachalo XX veka.* M.: Novy'j xronograf, 2011. 288 s.

11. *Ushakov A.V. Revolyucionnoe dvizhenie demokraticheskoj intelligencii v Rossii. 1895–1904.* M.: My'sl', 1976. 236 s.

12. *Ushakov A.V., Obraczova. O.A. Uchashhiesya srednix uchebny'x zavedenij Rossii v obshhestvenno-politicheskom dvizhenii na rubezhe XIX–XX vv.* M.: RAEN, 1999. 144 s.

N.S. Vatnik

«School Question» and the Government Reform in Russia at the Beginning of the XX Century (1900–1907 years)

The article deals with activities of the Ministry of Education to overcome the crisis of secondary school of Russia at the beginning of the XX century. The contents of prepared by staff of the Ministry the reform proposals and their implementation are analyzed on the basis of published documents and archival materials.

It is proved in the article that the palliative measures failed to prevent mass unrest of students in the First Russian Revolution.

Key words: late imperial Russia, secondary school, Ministry of Education; reforms.

Н.М. Селивёрова

Дворянство и Великие реформы в современной американской историографии

Статья посвящена историографическому анализу работ американских историков последних десятилетий, характеризующих состояние высшего сословия Российской империи, его роль в период подготовки Великих реформ. Особое внимание автор уделяет различным трактовкам проблемы сложных взаимоотношений самодержавия, помещичьего дворянства и «просвещенной бюрократии» накануне крестьянской реформы.

Ключевые слова: дворянство; самодержавие; просвещенная бюрократия; освобождение крестьян; Великие реформы.

Выбор темы данной статьи был обусловлен стремлением объединить в отдельном историографическом очерке ключевые исследования в современной американской русистике, посвященные российскому дворянству в период подготовки и проведения реформ 60–70-х годов XIX века, которые, вслед за русской либеральной традицией, получили в американской историографии устойчивую характеристику Великих. Хорошо известно то большое внимание, которое уделяли американские исследователи трех послевоенных поколений этим реформам в контексте долговременных последствий свершившихся преобразований, в числе которых они прежде всего называли революционные потрясения начала XX столетия. Причем исследования Великих реформ в России в 1960–1980-х годах, а в некоторых работах и позже, предпринимались, исходя из парадигмы модернизации, т.е. перехода от традиционного к индустриальному обществу. Ключевыми темами в контексте разработки данной теории стали: изучение адаптационных резервов самодержавия, государственных структур как на высшем, так и на местном уровнях, а также подлинных действующих сил модернизации, к которым американские историки относили прежде всего самого императора, ряд членов императорской фамилии и «просвещенную бюрократию». Данный термин был введен в научный оборот известным американским историком Марком Раевым в его работах 50-х годов прошлого века. Этот термин, в отличие от использовавшегося в отечественной исторической традиции термина «либеральная бюрократия», имел ключевое значение для целого направления исследований в американской русистике последних десятилетий.

В то же время изучение Великих реформ даже в рамках различных исследовательских подходов неизбежно заставляло обращаться к выяснению позиции и роли высшего сословия Российской империи в период их подготовки

и реализации. Оценки этой роли в американской историографии оказались достаточно противоречивыми. Тем не менее кропотливая исследовательская работа виднейших представителей американской русистики последних десятилетий, базирующаяся на фундаментальном изучении источников, не могла не принести плодотворных результатов.

Как писал Эббот Глисон, ракурс взгляда внешнего наблюдателя позволяет увидеть многое из того, на чем по разным причинам не остановится внимание историка, изучающего проблемы истории своего Отечества [3: с. 8]. При этом следует отметить, что характеристики национальных исторических школ, приоритетные для каждой из них подходы и выделяемые предметы исследований, несомненно, зависят от специфических ментальных особенностей, конкретного исторического опыта, сложившихся межкультурных и международных научных контактов. Несмотря на то, что сам институт самодержавия и сословная структура российского общества середины XIX века не имели прямых аналогов в американской истории, исследовательский вклад американской русистики в изучение ключевых проблем истории России является неоспоримым.

Какой же увидели американские исследователи роль высшего сословия российской империи в контексте истории Великих реформ?

Ближе всего к данной проблеме подошли историки «среднего поколения», так называемые «ревизионисты», начинавшие свою научную деятельность в 1960–1970 гг. Кстати сказать, само формирование американской русистики происходило в 60-е годы XX века при заметном влиянии школы выдающегося отечественного историка П.А. Зайончковского. Практически все крупнейшие специалисты этого поколения американских русистов так или иначе были его стажерами. Это, очевидно, оказало определяющее воздействие на выбор ими тематики исследований. Так, американский историк Альфред Рибер считает, что инициатива Петра Андреевича стала решающим фактором в обращении американских исследователей к социальной истории русской бюрократии [5: с. 92]. Заметную роль сыграл П.А. Зайончковский и в формировании у своих стажеров этоса историка-исследователя, беззаветно преданного делу науки, превыше всего ставящего добросовестную и кропотливую работу с источниками [1: с. 829–833].

В 1968 году в свет вышла монография Теренса Эммонса, одного из ведущих американских историков-русистов, которая стала вехой в изучении истории российского дворянства накануне и во время Великих реформ [8]. Хронологические рамки работы охватывают период с 1856 по 1862 г., когда была подготовлена и проведена главная из реформ — освобождение крестьян от крепостной зависимости, и были намечены основные вехи предстоящих земской и судебной реформ.

Автор, следуя английской традиции, для обозначения термина «дворянство» использует словосочетание «landed gentry», что в русском языке более всего соответствует понятию «поместное дворянство». Впрочем, Т. Эммонс еще в предисловии объясняет такой выбор перевода тем, что его исследование преимущественно посвящено владельцам поместий и крепостных крестьян,

участвующих в местных сословных корпоративных организациях [8: с. VIII]. В то же время вследствие подобного подхода за рамками исследования остаются многочисленное служилое и личное дворянство.

Автор прослеживает взаимосвязь общественно-политических взглядов дворянства накануне освобождения крестьян с экономическим и политическим положением этого сословия. Значительное внимание в исследовании уделяется анализу становления дворянского либерализма. Работа Теренса Эммонса базируется на обширных материалах, почерпнутых из архивов двух столиц, а также Твери, где на губернском уровне особенно сильны были позиции дворянского либерализма. Изучив протоколы заседаний «Тверского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян», автор достаточно подробно изложил обстоятельства, предшествовавшие появлению проекта реформы от большинства комитета, возглавляемого А.М. Унковским. Т. Эммонс показывает, что признанные либеральные лидеры Тверского комитета А.М. Унковский и А.А. Головачев не были одиночками в своей среде, а пользовались широкой поддержкой молодого образованного дворянства. Автор настаивает на том, что дворянский либерализм был достаточно распространенным явлением в изучаемый период, причем либералы в той или иной степени были осведомлены о действиях своих единомышленников в других губерниях. Помимо этого, появление различных либеральных проектов реформы в той или иной губернии объясняется не только экономическим положением дворянских депутатов-помещиков, но зависело также от их личных убеждений и взглядов [8: с. 148–149, 204–205].

Отдельная глава монографии Т. Эммонса посвящена взаимоотношениям дворянства и бюрократии в 1858–1861 гг., но речь идет скорее о противостоянии помещного дворянства и правительства в период, непосредственно предшествующий крестьянской реформе. Особенное внимание при этом уделяется содержанию требований депутатов губернских комитетов, приглашенных в Главный комитет как первого, так и второго созывов. Общей как для либералов, так и для консерваторов, стала так называемая «оппозиция бюрократизму» [8: с. 263–264], твердому намерению правительства ограничить участие дворянства в готовящихся преобразованиях и распространить власть и опеку чиновничества на уровень местного крестьянского самоуправления. В то же время со стороны аристократически-олигархических кругов звучали отдельные конституционные требования представительства в высшей правительственной администрации.

В последней главе автор показывает направление трансформации дворянского либерализма в сторону перехода его на позиции конституционализма в пореформенный период.

Т. Эммонс справедливо замечает, что противостояние помещного дворянства и бюрократии не было всеобъемлющим, особенно в предреформенный период. Дворянство во многом составляло социальную основу бюрократии, причем обе эти ипостаси подчас причудливо сочетались в биографиях от-

дельных исторических персонажей, например у таких известных деятелей реформы, как В.А. Черкасский, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев [8: с. 419]. Накануне отмены крепостного права подавляющее большинство образованного общества, включая многих представителей поместного дворянства, сохраняло веру в реформаторские возможности самодержавия, разделяемую и прогрессивными представителями чиновничества.

Эпоха Великих реформ была решающим моментом в истории российского дворянства, заключает автор. В этот короткий промежуток времени провинциальное поместное дворянство и его корпоративные организации играли реальную политическую роль в государстве, которая вскоре была утеряна [8: с. 420]. Достаточно традиционно для американской историографии звучит вывод Т. Эммонса, в котором ответственность за социальный и экономический кризис, следствием которого стали русские революции начала XX века, он возлагает на неудачную реформу отмены крепостного права [8: с. 422–423].

Близкой по тематике, но отличающейся в оценках происходивших событий и процессов, можно назвать обширную монографию другого крупного американского специалиста в области истории Великих реформ в России — Дэниэла Филда [9]. Автор с первых же строк обосновывает использование в своей работе термина «nobility» для обозначения понятия «дворянство». При этом он упоминает о разнородных в экономическом и юридическом отношении социальных категориях, относящихся к российскому дворянству. Его преимущественное внимание обращено к обстоятельствам подготовки крестьянской реформы и отношению поместного дворянства к освобождению крестьян.

Д. Филд предупреждает о существовании в историографии упрощенного представления о противостоянии сторонников и противников готовящихся преобразований в предреформенный период. Он обращает внимание на существовавшие противоречия между дворянством и правительством, дворянством и бюрократией, сановной бюрократией и чиновниками среднего уровня.

Своей работой Дэниэл Филд пытается ответить на следующий вопрос: почему дворянство не сопротивлялось проведению реформ и прежде всего отмене крепостного права? Рассматривая сложившийся к середине XIX века порядок вещей, историк делает вывод об отсутствии у дворянства политической воли, его разобщенности и отсутствии у высшего сословия жизненных сил [9: с. 19–20]. Что касается деятельности провинциальных дворянских комитетов, то их участникам, по мнению автора, часто недоставало ясного понимания своих собственных выгод и интересов [9: с. 231–232]. Депутаты от комитетов, прибывшие в Санкт-Петербург, хотя и были настроены враждебно по отношению к бюрократии, выступали с точки зрения нужд своей губернии и не могли защищать интересы сословия в целом [9: с. 306].

Обращаясь к анализу менталитета дворянства, Д. Филд доказывает, что европейски образованные дворяне отвергали крепостное право, как несомненное зло с позиций общечеловеческой морали.

Кроме того, поскольку дворянство было воспитано в традиционном повиновении по отношению к самодержавию, реальной альтернативы реформам, проводимым правительством, не было. Дворянство, отделенное от крестьянства культурной пропастью, на деле оказалось весьма восприимчивым по отношению к мифу о милостивом царе, общему для этих двух социальных групп [9: с. 360].

Прочно усвоенные привычки беспрекословного повиновения государству в политических вопросах, особенно когда государство выступало в качестве инициативной силы, и всецелого упования на царскую милость в вопросах о наградах и привилегиях, надежно удерживали подавляющее большинство дворян в его власти. Пассивность дворянства в процессе составления законопроекта крестьянской реформы исследователь объясняет тем, что воля императора в этом вопросе не была выражена достаточно ясно. При этом Д. Филд в целом высоко оценивает инициаторскую и проведенную государством крестьянскую реформу.

Одной из наиболее значимых работ в американской русистике последних десятилетий стала монография Брюса Линкольна, посвященная изучению деятельности «просвещенной бюрократии» накануне и в период проведения Великих реформ [11].

Социальный феномен «просвещенной бюрократии» складывался постепенно, и его формированию в николаевскую эпоху посвящена значительная часть работы. В ряду наиболее ярких фигур этой когорты чиновников исследователь называет Н.А. Милютину, А.П. Заблоцкого-Десятовского, С.Н. Зарудного, А.В. Головина, Я.А. Соловьева, К.К. Грота и других. Автор подробно прослеживает, как происходило становление взглядов просвещенных бюрократов в непосредственной связи с их практической административной деятельностью. В обусловленности их идей практикой и заключалось коренное отличие взглядов реформаторов от представлений подавляющего большинства тогдашнего общества.

Так, в конце 1840-х – начале 1850-х годов проблема преобразования российской деревни для просвещенных бюрократов сводилась к вопросам агрокультурных улучшений. В то же время Б. Линкольн достаточно скептически относится к возможностям модернизации помещичьего хозяйства в этот период. Он пишет о консерватизме подавляющего большинства российских землевладельцев, которые, так же как и крестьяне, не желали менять агрокультурные методы, проверенные столетиями [11: с. 108–109]. Автор пишет, что заинтересованность в новых сельскохозяйственных культурах и сельскохозяйственных технологиях начала распространяться среди провинциальных землевладельцев Юга и Запада, но именно просвещенные бюрократы зачастую «пытались внедрить более ответственный взгляд на государственную службу в среде провинциального дворянства, побуждая их участвовать в местных сельскохозяйственных обществах» [11: с. 132]. По мнению исследователя, идея о необходимости сельскохозяйственной модернизации оформляется в среде просвещенных бюрократов, так же как и программа практических действий в этой области, к которой автор относит прежде всего реформу государственной деревни П.Д. Киселева [11: с. 126–127].

Подобная точка зрения указывает на то, что автор недооценивает рационализаторские инициативы в области сельского хозяйства, возникавшие в помещичьей среде, а также масштаб их распространения.

Основными центрами, в рамках которых устанавливались дружественные контакты между людьми сходных взглядов и убеждений, чиновниками и представителями образованного общества становятся петербургские и московские кружки 40–50-х годов XIX века, и прежде всего кружок братьев Н.А. и Д.А. Милютиных. Позже роль таких центров, формирующих среду просвещенной бюрократии, начинает играть Императорское Русское Географическое общество, кружок великой княгини Елены Павловны, и Морское министерство, возглавляемое великим князем Константином Николаевичем.

В этой среде постепенно утверждаются представления о необходимости серьезных реформ, и, в первую очередь, об отмене крепостного права, причины большинства российских проблем в экономической, социальной и политической жизни. Тем не менее Брюс Линкольн утверждает, что накануне Великих реформ у российской просвещенной бюрократии не было объединявшей их политической и социальной философии.

Исследователь подчеркивает, что просвещенные бюрократы сыграли ключевую роль в подготовке законодательной базы для Великих реформ в России. Но, посвятив себя обновлению и преобразованию Российской империи, они оставались преданными слугами своего самодержавного господина [11: с. 167]. Превыше всего просвещенные бюрократы ставили государственные интересы, к которым не относилась безусловная поддержка экономических позиций дворянства как высшего служилого сословия [11: с. 175].

Когда им это было необходимо, они обращались к поддержке образованного общества, но, как правило, использовали только те элементы общественного мнения, которым могли доверять. Дворянству как заинтересованной стороне в предстоящей реформе просвещенные бюрократы имели основания не доверять. Брюс Линкольн не оставил в стороне тех связей, которые существовали между либеральным дворянством, рассматриваемым им в качестве социальной опоры реформ, и просвещенной бюрократией. Однако существовавшее в среде просвещенной бюрократии негативное отношение к участию высшего сословия в подготовке реформ оттолкнуло от них часть дворянства, которая, проявляя чувство политической ответственности, стремилась к преобразованию России.

Наиболее выдающимся представителем этой категории дворянства исследователь называет А.М. Унковского. К 1858 году тот пришел к выводу, что патриархальная власть помещиков над крестьянами должна быть уничтожена, что крепостные крестьяне должны быть освобождены с необходимым для самообеспечения количеством земли и что дворянству следует компенсировать потерю земли и крестьян за счет программы государственного финансирования. В этом его взгляды были близки позиции просвещенных бюрократов.

Но он резко расходился с ними по вопросу о будущей роли дворянства в местном управлении и степени участия бюрократии в определении пути преобразований. А.М. Унковский считал бюрократию слишком коррумпированной и некомпетентной для того, чтобы проводить реформы, и настаивал на том, что именно на дворянство должна быть возложена ответственность за решение местных вопросов после освобождения крестьян и отмены вотчинной власти помещиков над ними. И конечно, эта его точка зрения не встретила поддержки в среде правительственной администрации [11: с. 178].

Инструментом, при помощи которого просвещенная бюрократия смогла воплотить свои идеи о преобразованиях в России в законопроекты будущих реформ, стали специальные комитеты экспертов. В них входили не только наиболее компетентные чиновники из различных ведомств, но также те представители прогрессивного дворянства и умеренной интеллигенции, которые не только обладали необходимыми знаниями, но относились к кругу доверенных лиц просвещенных бюрократов. По такому принципу создавались и работали Редакционные комиссии под председательством Я.И. Ростовцева.

Труды Брюса Линкольна сыграли весьма важную роль в формировании современного подхода к изучению дореформенных десятилетий, не только в американской русистике, но и в отечественной историографии.

В последние десятилетия наметилась тенденция сближения ведущих направлений отечественной и зарубежной историографии российских реформ середины XIX века на основе взаимного отказа от заданных схем и стремления к наиболее полному и всестороннему изучению материала при опоре на методы критической истории. Примером такого плодотворного сотрудничества стали совместные международные научные конференции. Так, в мае 1989 года в Пенсильванском университете (Филадельфия, США) состоялась советско-американская конференция историков, посвященная Великим реформам в России, по итогам которой появился интереснейший сборник статей [2]. В мае 1990 года состоялась международная историческая конференция в Институте Кеннана в Вашингтоне, в марте 1995 года — во Франкфурте-на Майне.

Среди статей названного совместного сборника о Великих реформах отметим работу известного американского историка Альфреда Рибера, в которой он исследует особенности политической жизни и политической культуры правящей элиты российского общества в период подготовки и проведения преобразований 60–70-х гг. XIX в. [6]. Автор, как и его предшественники, отмечает, что дворянские корпоративные организации накануне отмены крепостного права начали играть политическую роль, но он, в отличие от Д. Филда, вовсе не утверждает, что политическая роль дворянства вскоре уходит в прошлое.

Совершенно справедливым представляется утверждение А. Рибера об условном соответствии политических терминов, используемых в России середины XIX в. их западным образцам. Это объясняется тем, что политический

язык, используемый как в то время, так и сегодняшними исследователями, основан на западноевропейском историческом опыте. А потому многие традиционные определения неприемлемы по отношению к российским реалиям, отличающимся особыми политическими институтами и особой социальной структурой. Например, всех дворян, выступающих за защиту принципа частной собственности и с требованием представительного органа власти, с формальной стороны, нужно было бы называть «либералами» [6: с. 50].

Другая статья из этого же сборника американского историка Э. Кимбэлл посвящена анализу становления гражданского общества в России в период Великих реформ. На протяжении последних десятилетий изучение различных аспектов истории российского гражданского общества было созвучно современной политической ситуации и неизменно вызывало интерес, как за рубежом, так и в отечественной историографии. Э. Кимбэлл считает, что именно предреформенные годы становятся новой эпохой в развитии русского гражданского общества, которое структурируется и приобретает черты организации. Автор подчеркивает, что первые гражданские инициативы были связаны с дворянской оппозицией. Так, в 1859 году два авторитетных добровольных общества — Вольное экономическое общество и Императорское Географическое общество — образовали политико-экономические комитеты, которые имели явную политическую направленность [4: с. 263].

Ситуация, сложившаяся в современной американской русистике с начала нового тысячелетия по настоящий момент, позволяет говорить о сохранении интереса к истории девятнадцатого столетия, российского дворянства и Великих реформ. Работы последнего поколения американских историков характеризуют новые методологические установки, подходы, неожиданные прочтения, казалось бы, хорошо понятных и изученных событий и фактов.

Монографию Ребекки Фридман в некотором отношении можно отнести к разряду гендерных исследований [10]. Автор, используя солидную источниковую базу, в том числе многочисленные мемуары, изучает вопрос о взрослении российских юношей, студентов университетов. Она анализирует такие социальные практики, как дуэли, братства, суды чести. Р. Фридман утверждает, что в процессе социализации формировалась множественная идентичность российских студентов, лики которой можно обозначить как: «почтительный студент», «романтичный друг», «законопослушный сын» и т.д. Они должны были учиться, выполняя волю своих родителей, чтобы в будущем превратиться в государственных служащих, и в то же время им было необходимо соответствовать нормам студенческого общежития, не всегда адекватным официальным социальным нормам. В николаевскую эпоху молодые люди приобретали бесценный социальный опыт, каким образом можно работать для государственной системы и при этом получать удовольствие от жизни. Можно сказать, что Р. Фридман, обращаясь к проблеме воспитания просвещенной бюрократии, в своеобразном ключе продолжает тему, начатую Брюсом

Линкольном. Она раскрывает традиционную для российской истории ситуацию, когда в условиях дихотомии общества и государства университетская среда воспитывает поколение внутренне свободных людей.

Крупный американский историк Вальтер Мосс, специалист по российской истории XIX столетия, автор двухтомной истории России, важнейшей вехой в ней считает именно Великие реформы [12]. Его подход к событиям в достаточной степени традиционен, при этом наибольший интерес у исследователя вызывает политическая история, и, конечно, столкновение либерализма и радикализма в десятилетие, отсчитываемое с начала правления Александра II. Раскрывая причины слабости либерализма в России, он говорит об отсутствии у него социальной базы в лице сильного среднего класса, как на Западе. Другой причиной он называет конфликт либералов-государственников и либерального дворянства, поскольку либералы-государственники стремились к реформе монархии, но не хотели ослабить ее власть, а либеральное дворянство требовало более активного участия в решении политических вопросов путем созыва представительного органа власти [12: с. 33].

Наконец, одной из недавних работ, посвященных истории провинциального российского дворянства середины XIX столетия, стало интересное исследование Мэри Кавендер [7]. Ее монография — это попытка ответить на вопрос о причинах устойчивости самодержавного режима в России. С точки зрения автора, загадка силы и жизнестойкости самодержавия кроется в поддержке его со стороны массы провинциального дворянства. Как и предшественники, крупнейшие исследователи российской истории, писавшие свои работы еще в период существования СССР, М. Кавендер останавливает свой выбор на источниках, почерпнутых из тверского архива, в том числе использует неопубликованную дворянскую переписку. Эта работа интересна в том числе и потому, что отражает особенности менталитета провинциального дворянства первой половины XIX века, пытается передать очарование «дворянских гнезд» и объяснить побудительные причины поступков их обитателей. Так, автор убеждает нас в том, что сельскохозяйственные новации в имении зачастую предпринимались не из стремления повысить продуктивность помещичьего хозяйства, но как часть обширной программы действий, реализовав которую владелец имения мог приблизиться к образцу идеального лендлорда. К числу элементов этой программы относились обучение крестьян и попытка облегчить их участь [7: с. 147].

М. Кавендер, анализируя деятельность сословных корпоративных организаций губернского и уездного уровней, подчеркивает, что даже в своих дворянских организациях российское высшее сословие вовсе не шло по пути консолидации в оппозиции государству, но, напротив, утверждало свою ценность в качестве служилого сословия. Провинциальное дворянство автор представляет исключительно как опору существующего политического и социального режима.

Богатая история американской русистики, опыт сотрудничества с российскими учеными, современное многообразие методологических и методических новаций, а также возможности заинтересованного внешнего наблюдате-

ля делают знакомство с подавляющим большинством работ этого направления историографии весьма продуктивным для отечественных историков, поощряя и стимулируя их интерес к будущим исследованиям.

Литература

1. *Большакова О.В.* П.А. Зайончковский и американская русистика 1960–1980-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 828–842.
2. Великие реформы в России, 1856–1874 / Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М.: МГУ, 1992. 336 с.
3. *Глисон Э.* Великие реформы в послевоенной историографии // Великие реформы в России, 1855–1874. М.: МГУ, 1992. С. 8–23.
4. *Кимбэлл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России, 1855–1874. М.: МГУ, 1992. С. 260–282.
5. *Рибер А.Дж.* Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. Т. 3 (121). С. 65–105.
6. *Рибер А.Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России, 1855–1874. М.: МГУ, 1992. С. 44–72.
7. *Cavender M.W.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark: University of Delaware Press, 2007. 251 p.
8. *Emmons T.* The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 386 p.
9. *Field D.* The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia. 1855–1861. Cambridge (Mass): Cambridge University Press, 1976. 472 p.
10. *Friedman R.* Masculinity, Autocracy, and the Russian University, 1804–1863. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 195 p.
11. *Lincoln B.W.* In the vanguard of reform: Russian ‘enlightened bureaucrats’, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.
12. *Moss W.G.* A History of Russia. Vol. 2: Since 1855. London: Anthem Press, 2005. 667 p.

References

1. *Bolshakova O.V.* P.A. Zajonchkovskij i amerikanskaya rusistika 1960–1980-x gg. // Petr Andreevich Zajonchkovskij: sbornik statej i vospominanij k stoletiyu istorika. M.: ROSSPE’N, 2008. S. 828–842.
2. Velikie reformy’ v Rossii, 1856–1874 / L.G. Zaxarova, B. E’klof, Dzh. Bushnell. M.: MGU, 1992. 336 s.
3. *Glison E’.* Velikie reformy’ v poslevoennoj istoriografii // Velikie reformy’ v Rossii, 1856–1874. M.: MGU, 1992. S. 8–23.
4. *Kimbe’ll E’.* Russkoe grazhdanskoe obshhestvo i politicheskij krizis v e’poxu Velikix reform // Velikie reformy’ v Rossii, 1856–1874. M.: MGU, 1992. S. 260–282.
5. *Riber A.Dzh.* Izuchenie istorii Rossii v SSHA // Istoricheskie zapiski. 2000. T. 3 (121). S. 65–105.

6. *Riber A.Dzh.* Gruppy'ye interesy' v bor'be vokrug Velikix reform // Velikie reformy' v Rossii, 1856–1874. M.: MGU, 1992. S. 44–72.
7. *Cavender M.W.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark: University of Delaware Press, 2007. 251 p.
8. *Emmons T.* The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 386 p.
9. *Field D.* The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia. 1855–1861. Cambridge (Mass): Cambridge University Press, 1976. 472 p.
10. *Friedman R.* Masculinity, Autocracy, and the Russian University, 1804–1863. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 195 p.
11. *Lincoln B.W.* In the vanguard of reform: Russian 'enlightened bureaucrats', 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.
12. *Moss W.G.* A History of Russia. Vol. 2: Since 1855 London: Anthem Press, 2005. 667 p.

N.M. Seliverstova

The Nobility and the Great Reforms in Contemporary American Historiography

The article is devoted to the historiographical analysis of the works of American historians of the past decades, characterizing the state of the upper classes of the Russian Empire and its role during the preparation of the Great Reforms. The author pays particular attention to the different interpretations of the problem of complex interrelationships of autocracy and landed nobility and "enlightened bureaucrats" on the eve of the peasant reform.

Key words: nobility; monarchy; enlightened bureaucracy; emancipation of the peasants; the Great Reforms.

А.Л. Махнырёв

800-летие Москвы сквозь призму советского общественного мнения

Статья посвящена проблеме общественного мнения в СССР вокруг крупного юбилея первого послевоенного десятилетия — 800-летия Москвы в 1947 г. Особенное внимание уделяется неофициальному народному отношению к юбилею. Данный вопрос практически не рассматривался в историографии. Автор, основываясь на вводимых впервые в научный оборот архивных и некоторых опубликованных документах и материалах, рассматривает основные черты в отношении к 800-летию Москвы, выделяя общее и особенное в сравнении с официальным видением юбилея.

Ключевые слова: 800-летие Москвы; общественное мнение; юбилей.

Празднование 800-летия Москвы в 1947 году было одним из крупнейших историко-юбилейных мероприятий послевоенного десятилетия. Однако в советской историографии ему посвящены небольшие фрагменты в общих работах по истории Москвы, ее партийной организации. Это связано с иными приоритетами тематики исследований для того времени, отсутствием до 1987 г. ежегодно отмечаемых Дней города. К тому же юбилей эпохи «культ личности» был политически нежелательным при десталинизации (имя Сталина даже не упоминалось рядом с 800-летием Москвы в изданиях 1950–1980-х гг.). В 1990-е гг., особенно при подготовке к 850-летию Москвы, архивы столицы начали публикацию документов о прошлых юбилеях [6; 7]. Однако и современная историография проблем, связанных с юбилеем 1947 г., представлена лишь немногими работами и статьями [4; 5; 11; 12; 13]. Не рассмотренным в контексте проблем взаимоотношений общества и власти, идеологии, истории повседневности остается вопрос об общественном мнении и настроениях вокруг 800-летия Москвы [1; 2; 3; 9; 14].

Однако выявление общественного мнения по источникам советского периода связано с большими трудностями из-за тотального контроля власти над СМИ. Обильные материалы периодической печати, радиопрограммы,

выпуски киножурналов с выступлениями на митингах, собраниях, очерками, стихами, поздравлениями, воспоминаниями, цветной фильм «Слава Москве», рисованный фильм-плакат «Тебе, Москва!» и квинтэссенция всего этого — издание «Славный юбилей» под редакцией секретаря МГК ВКП(б) по идеологии Н.Н. Данилова [8] имели агитационно-пропагандистское назначение и демонстрировали идеологически сконструированный образ общественного мнения, славящего советскую Москву, партию и Сталина.

Источники, позволяющие более объективно услышать «голос народа», — это прежде всего письма людей «во власть» и партийные сводки об откликах трудящихся из архивных фондов ГАРФ, РГАСПИ, ЦАОПИМ.

Письма Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику и Председателю Правительственного Комитета по проведению празднования 800-летия Москвы 1-му секретарю МГК и МК Г.М. Попову приходили со всей страны: из Москвы, Горького, Черкасс, Сталинска, Орехово-Зуево, Днепропетровска, Ярославля, Новосибирска и т.д. Хронологически они относятся к концу августа – началу сентября 1947 г., немногие написаны после праздника, одно в апреле. Большинство из них рукописны, и уже перепечатаны при получении. В письмах иногда содержатся неточности в обращениях, перепутаны должности Н.М. Шверника и Г.М. Попова, много орфографических, грамматических, стилистических ошибок. Это говорит о низком уровне образования большинства авторов, людей разного социального статуса, среди которых: депутат Горьковского горсовета, инженер Минрыбпрома, кассир, подполковник, секретарь Боткинской больницы, инженер Южжубассейна, преподаватель Угличского педучилища, военнослужащий, железнодорожник и другие. В письмах содержатся поздравления («чисто-сердечный привет комитету») из Рязани или Моссовету «от передовиков сельского хозяйства Моздокского района...») (ЦАОПИМ. Ф.4. Оп. 39. Л. 191, 162), но в основном предложения о праздновании юбилея и подарки Москве.

Присутствует, например, «социальное» предложение «отметить труды тех советских людей, которые проработали в Москве не менее 20–25 лет и много сделали для возвеличивания... советской страны: дать... преимущества в жилье, представить за городом земельный участок, а если будет выбита медаль Москвы — наградить...» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45 Л. 2). Примечательно, что при упоминании о возможности «муниципальной прибавки» есть ссылка «как... в других демократических... странах», и сразу оговаривается «демократических (разумеется, на словах)». В сознании советских граждан нередко совмещалось желание повысить уровень жизни по сравнению с капиталистическими странами и в то же время опасение быть обвиненными в «низкопоклонстве перед Западом». В большинстве писем — предложения по увековечиванию юбилейной даты и подарки Москве — собственные стихи и ноты к песне на слова А. Барто «Мы на Пресне живём».

Авторы предложений верят, что будут услышаны властью, нередко просят ответить им, некоторые члены ВКП(б), как Шебалдин, настойчиво дают

целые указы-программы праздника Г.М. Попову о кино, музыке, выставках, фонтанах со скульптурами и т.п. (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 199. Л. 109–111). Составлялись и коллективные послания: так группа москвичей предложила «выпустить... художественно оформленный жетон или значок» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45 Л. 25). Власти страны и города и сами понимали необходимость выпуска юбилейных сувениров, в том числе значков. Американский писатель Дж. Стейнбек, очевидец торжеств, в «Русском дневнике» отмечал, что все носили маленький значок [10: с. 129]. Наградную медаль «В память 800-летия Москвы» учредили 20 сентября 1947 г.

Авторы писем смело обращались к дореволюционным традициям. Так предлагали возродить звание фельдмаршала в честь Кутузова. Образ полководца в ряду «великих предков» и тема подвига 1812 года активно использовались пропагандой в военный период. Шебалдин расширяет «сталинский» пантеон героев прошлого, предлагая площадям имена «собирателей Русского государства» Ивана Калиты, Святослава, Владимира Мономаха (ЦАОПИМ. Ф. 3 Оп. 67. Д. 199. Л. 109). Депутат из Горького считает нужным вернуть на герб Москвы «старинную эмблему — всадника, поражающего змия». Герб 1924 г. с обелиском Свободы, наковальней и т.п. критикуется: «...изображение не полно символизирует историческое значение Москвы как столицы нашего Союза, столицы Руси, города, имеющего славную историю. Нет и обелиска» (снесен в 1941 г. — А.М.) (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45 Л. 27, 32).

Полны историческими мотивами искренние стихи граждан. Кургузов в народной манере подражает Ф.Н. Глинке («Город чудный, город древний»). К 700-летию Москвы в 1847 г.). Советское содержание облечено в старую форму: Опоясана желдорогой // Сверху и под землёй // ИНДУСТРИАЛЬНАЯ // Ах, Москва! Москва! Индустриальная. // Колхозной лентой пашен окружена // И на сбор обильных урожаев // Ты настроена; // А теперь ты пестреешь вся в садах, // И, золотистая, как никогда; // ХЛЕБОРОБНАЯ... Москва также названа «просвещенной» и «патриотической» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 167–169). Не распространена, но и не забывается революционная тематика: так, отмечается, что песня «Мы на Пресне живем», связана «с революционным прошлым... светлым настоящим столицы...» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 29). Это вполне соотносится с пропагандой к юбилею, например, с темами лекций о «Москве в трех революциях», в октябре 1917-го, «в годы Гражданской войны» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 22. Д. 153. Л. 69–71.). Остро ощущается стремление к исторической преемственности в письме о сооружении памятника «Россия» (примечательно, что не «СССР» или «РСФСР») на Манежной площади. Интересна в нем переключка исторических юбилейных дат: «...XXX годовщина Революции; 800-летие Москвы; «400 лет собственно Русскому государству (если считать от 1547 года принятия Иваном IV царского титула)»; в будущем году — 50-летие ВКП(б)...» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 50, 50 об.). Связь 800-летия Москвы с предстоящим большим

юбилеем 30-летием Октября понятно прослеживалась и в самой партийной пропаганде, подчеркивающей мобилизационный характер 800-летия к ноябрьской годовщине. Ряд юбилеев в письме явно свидетельствует о преемственности имперских традиций при советской власти, в том числе и в культуре: «...наша новая культура не только не оторвалась от великого наследия нашей прошлой национальной культуры, но, напротив, опираясь на ее лучшие достижения, продолжила её славные традиции...» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 50). Примечательно, что на памятнике должны быть имена выдающихся дореволюционных деятелей «Лобачевского, Плеханова, Попова, Менделеева, Кутузова, Салтыкова-Щедрина, Айвазовского» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 50 об.). В письме видна реакция «снизу» на такой идеологический поворот, как «выборочная реабилитация героев и исторической системы образов царской России» [14: с. 1] с середины 1930-х гг., усилившийся в годы войны. Не случайна здесь и речь об Иване IV, культ которого как одного из любимых царей поощрял сам Сталин. Другой проект памятника — возле Исторического музея или Кремля, основателю Москвы с датами 1147 и 1947 г. на щите, а также «эмблемой показа Москвы в день ее основания теперь и надписью о мощи страны СССР» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 42). В день юбилея 7 сентября торжественно заложили памятник Ю. Долгорукому на Советской пл. (открыт в 1954 г.). Это говорит о созвучии настроений власти и народа, так как еще наблюдавшаяся со второй половины 1930-х гг. «тяга к имперским величественным формам, ретроспективизму была характерна и для культуры послевоенных лет» [9: с. 90–91].

При этом народная историческая память была зачастую более глубокой и менее политкорректной. Выделяется предложение от преподавателя Угличского педучилища передать по радио патриотический военный марш «Москва» с упоминанием Бога и русских людей, которым Он особо покровительствует: «В ногу ребята, под гром барабана // С грозным паролем: “Москва, Москва, Москва, // Кто против русских, тот против Бога”» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 163). С марксистской точки зрения, это милитаристско-шовинистическая, замешанная на религии риторика. Но здесь виден народный ответ на акцент в пропаганде, искусстве на идеи «руссоцентризма» [14] в войну, да и в период начавшейся «холодной войны». Сам И.В. Сталин произносил в честь Победы тост «За здоровье русского народа!», наиболее выдающейся нации СССР (Правда, 1945, 25 мая).

Религиозным восприятием юбилея проникнуто стихотворение рязанца Амелькина «Подарок Москве», который не по-советски обращается к столице: «Твой я сын, наша мать православная» и верит в победу над «неправедными», в результате которой «Станет ярче светить — Бог вселенной // Справедливости, правды нетленной» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 190, 191). Агитаторов в 1947 г. спрашивали: «Будет ли колокольный звон 7 сентября? Есть ли представитель православной церкви в Правительственном комитете?» (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 199. Л. 12). На такие настроения повлияли послабления в политике

по отношению к РПЦ, еще продолжавшиеся с войны (РПЦ праздновала 800-летие Москвы, в 1948 г. — 500-летие автокефалии). Народная религиозность имела и оппозиционный настрой: начальник бюро пропусков завода не подписал письмо москвичей Сталину, мотивировав: «Я человек верующий и кроме Бога никого не признаю отцом и спасителем» (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 199. Л. 54).

Столкновение народного понимания патриотизма как «русского», и официального, как «советского» было и в Правительственном Комитете. При обсуждении репертуара театров в праздник была реплика: «...“Любовь Яровая” — я не смог бы посмотреть ее когда угодно? А где же тут связь... с историческим праздником? Русь... была и... времен Александра Невского, и период Суворова, и 12-й год... Где все это отражается...?» Г.М. Попов ответил на это предложение так: «...из 800 лет у нас самый главный — это 30-летний период... Историческая тема должна быть, но она не должна превалировать» (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 197. Л. 86). Юбилей давал возможность в кампании воспитания советского патриотизма «сделать переключку с историческими моментами» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 22. Д. 153. Л. 16). Самоценность дореволюционного прошлого была идеологически опасна.

Тема Победы сильно звучит в письмах. Еще при формировании идеи юбилея в письме 20 июля 1944 г. к московским властям архитекторы Д.Н. Чечулин и А.М. Заславский предлагали монументы Победы: триумфальные арки,obelisks [7: с. 43–44]. В стихах Москва «И германскими фашистами осажденная А из пепла, полона и осады // Ты восстала обновленно-неизменная // Не ПОБЕЖДЕННАЯ» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 167).

В письмах много восхищения заслугами Сталина перед страной и Москвой. Столицу призывают назвать «Москва–Сталина» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 26, 37). В стихотворении «Москва» М.А. Доминской звучит ассоциация: «Москва — это Сталин». Инженер с Кузбасса обосновывает переименование Москвы в честь Сталина идеологически устоявшимися оборотами: «В связи с тем, что эта гениальная деятельность невероятное сделала вероятным, т.е. нашу отсталую, аграрную страну... с пережитками феодализма, превратить в передовую индустриальную страну... социалистической формации. В связи с тем, что в ужасное четырехлетие немецкого варварского нашествия Сталин спас нас и нашу страну от вечного порабощения... нашу прекрасную столицу от... уничтожения» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45. Л. 26). Назвавший себя «тульским мужиком», Кургузов по-народному пытается сформулировать сталинские заветы «О чём и памятку... надо не забывать 1. Руководить твёрдой рукой 2. Иметь заботу о порядке дела. 3. Самому работать так, как Он создал новую МОСКВУ» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 167). Для военного П. Амелькина И.В. Сталин — это «самый верный...» «старший сын Москвы» и даже «брат» автора (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 191). Сталин в народных письмах предстает главным спасителем Москвы в 1941 г. Его фигуру Денисов видит на памятни-

ке в честь юбилея: он управляет правой рукой Красной Армией — по разгрому фашистских гадов под Москвой. Идет наша пехота — танки и авиация. Немцы бегут в панике Запад». О себе же, бывшем защитнике Москвы, приниженно говорит — «я как маленький винтик» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 45 Л. 37). (Это отсылка к тосту И.В. Сталина за людей-«винтиков» на приеме в Кремле в честь Парада Победы) (Правда, 1945, 27 июня).

Говоря об отношении людей к Сталину, интересно его сопоставить с официальным источником — Запиской от 4 сентября секретарю по идеологии в ЦК ВКП(б) А.А. Жданову «О ходе обсуждения письма трудящихся города Москвы товарищу Сталину, в связи с 800-летием Москвы».

К юбилею была организована масштабная политико-идеологическая акция — написание и обсуждение «Письма от трудящихся города Москвы великому вождю советского народа товарищу Сталину». На совещании секретарей райкомов Москвы письмо было объявлено «гвоздем нашей подготовки к 800-летию», с целью «чтобы люди понимали и оценивали события, чтобы трудящиеся Москвы, которые обязаны спасением Москвы т. Сталину... чувствовали, когда вся страна отмечает...» [6: с. 248]. Текст письма после утверждения в ЦК ВКП(б) обсуждался на собраниях 2–5 сентября. По Записке от 4 сентября можно проследить атмосферу при обсуждении письма. Так — «на автозаводе... Сталина... слесарь цеха выражал благодарность «вождю и учителю Сталину за его заботу... о всех трудящихся»; на заводе «Фрезер» шлифовальщица признавалась: «Я обязана своим ростом нашему Правительству и его вождю»; а студент МВТУ им. Н.Э. Баумана предлагал наградить Сталина «за его исключительные заслуги в деле реконструкции Москвы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 500. Л. 118–120). Шатилов предлагает вставить в текст письма Сталину обязательства воинов Москвы по «охране завоеванного мира и созидательного труда советского народа, по укреплению боевого могущества нашей социалистической державы» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 201). Однако в «Информациях» для горкома упомянуты (хотя и как единичные) и отказы подписаться, и факты «нездоровых высказываний»: «...написано все хорошо, но на самом деле жить трудно, хлеба вдоволь не видим. Подписываемся под палкой, иначе со свету сживут»; «Живем плохо и подписываться не за что»; «Мы просим хлеба, а нам дают бумагу подписывать». Были и заявления об «особых счётах с советской властью...» (ЦАОПИМ. Ф. 3 Оп. 67. Д. 199. Л. 50, 51, 54). Встречались как недовольство уровнем жизни, так и политические несогласия с властью. Письмо, опубликованное в «Правде» и всех газетах страны, подписали 3 665 859 человек (Правда, 1947, 7 сентября).

В не отредактированных для подачи «наверх» (как в «Информациях») записях Книги посетителей Музея истории и реконструкции Москвы тоже часты упоминания Сталина: «эпопея Сталинских дней», «Ленинско-Сталинская Москва»; Сталин «москвич, зодчий коммунизма» ведет столицу в великое будущее и т.п. (ЦАГМ. Ф. 2411. Оп. 2. Д. 60. Л. 2, 5, 7, 20, 25).

Яркое проявление «культы личности» Сталина, еще более возросшего после войны, было характерно для любого события в общественно-политической жизни страны. С именем вождя ассоциировались победы СССР, теперь супердержавы и ее столицы — одного из мировых центров. При отдельных негативных откликах видно, что «культ личности» был достаточно укоренен в народном сознании, где подчас трансформировался в образ-архетип народного вождя-героя из ряда великих правителей России. Большую роль здесь играли как тотальная пропаганда образа вождя, так и традиционная в русском сознании сакрализация верховной власти.

В стихотворениях подчеркивается всемирное значение юбилея Москвы: Всемирный маяк негасимого света, // Столица России и целого мира, // Чей голос могучий звучит из эфира, // Опора ведущих бой (ЦАОПИМ Ф. 4. Оп. 39. Д. 133. Л. 179). И в записях Книги посетителей Музея Москвы распространено такое отношение (ЦАГМ. Ф. 2411. Оп. 2. Д. 60. Л. 1, 2, 14, 39). Сходно звучат строки знаменитого В. Лебедева-Кумача: Свою мечту в ней труженики видят, // Свою заслугу, родину и мать... Честь и Правда, Совесть и Свобода // Живут в Москве, в её седом Кремле (Крокодил, 1947, № 24, с. 2). Безусловно, Великая Победа над фашизмом, формирование социалистического лагеря в Восточной Европе позволяли говорить о Москве как одной из «столиц мира», которая благодаря «железному занавесу» наделялась в народном сознании чертами воплощенной свободы и социальной справедливости, традиционно ценящейся в России.

Интересный источник — сводки сектора информации для горкома о высказываниях трудящихся при подготовке к юбилею 27 июня, 19, 20 августа («Об откликах на Постановление... об образовании Правительственного Комитета...»), перечень вопросов на беседах 30 августа. Большинство лиц в сводках — рабочие и фабрик, и заводов (им. Владимира Ильича, Калинина и т.п.), но есть и служащие, интеллигенция. Здесь много характерных для времени обязательств о досрочном выполнении и перевыполнении норм к юбилею (шло соцсоревнование к 30-летию Октября): «...к 7 сентября и до конца года дать пряжи сверх плана на 1200... костюмов», выполнить к юбилею две годовые нормы; завод «Пролетарский труд» объявлял о стахановских неделе и месячнике [6: с. 234–236].

В пожеланиях трудящихся в сводках меньшая часть относится к самому празднованию (например, стахановки ГПЗ-1 т. Александровой: «...чтобы... было организовано веселое всенародное гулянье... устроить иллюминацию и фейерверк...») [6: с. 234–236]. В основном они касаются жизни города: «...полуразвалившиеся церкви реставрировать или снести их, чтобы не портили своим видом улицы..., ...снести малые ветхие дома» в центре, учитывать, сколько сохранилось, деревья, ибо их не поливают, не огораживают»; «...очистить Москву “от воров, жуликов и спекулянтов”, “переселить в новые квартиры старых кадровых рабочих, проживающих в подвалах”». Актуальны были пожелания «отменить к празднику карточную систему» «без дальнейшего повышения цен» [6: с. 234–236]. Все

это показывает реальные городские проблемы и неустроенность быта простых людей после войны.

У некоторых граждан возникало и отрицательное отношение к празднику. Например, т. Милонова заявляла: «Работаешь, работаешь, а домой придешь — есть нечего. При таких условиях никакой праздник не радует». Работница литейного цеха т. Щукина добавила: «Хлеба не хватает, крупы тоже, картошка на рынке стоит 20 руб. кг, ни о каком празднике думать не хочется». Работница Петухова: «Посмотришь у нас на некоторые дома и не скажешь, что мы живём в столице, которая существует 800 лет. Наверно, когда строилась Москва, люди здесь жили более благоустроенно, не текло на голову, а мы ведь уже 30 лет при советской власти живем. Пора бы о нас подумать» [б: с. 234–236]. Как видно из откликов, это связано с проведением затратных торжеств в тяжелое и голодное время. И ближе к празднику (20 августа) звучали не только одобрительные отклики. Люди требовали давления на местные власти, например, для ремонта квартиры, грозя обратиться в Правительственный комитет, высказывались и в духе инженера ЦНИИ машиностроения: «Праздновать... сейчас преждевременно. После войны мы никак окрепнуть не можем. Хорошей жизни не видим. Не хватает продуктов питания, обуви, сырья, все дорого. А тут образовали Правительственный Комитет, который затратит большие суммы денег... и это явится большим... расходом на... бюджет» [б: с. 240]. В перечне вопросов, задаваемых на беседах, из 20 вопросов непосредственно с проведением торжеств связано 5; остальные о повседневных проблемах снабжения продуктами (в том числе: «почему... нет водки?»), отмены карточек, состояния жилья, благоустройства, транспорта. [б: с. 245–246]. Желание демократии после войны вызывало недовольные вопросы об отсутствии рабочих в юбилейном Комитете (ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 199. Л. 12).

Итак, информация об откликах трудящихся показывает широкий спектр мнений, добавляет темные краски послевоенной повседневности в восторженный тон официальной прессы. Порой суждения входят уже в пределы ст. 58–10 УК РСФСР об антисоветской пропаганде или агитации. И все же радостный лейтмотив откликов в период подготовки юбилея пробивается через правильные пафосные слова о «политическом международном значении праздника». Настроение большинства звучит в словах бригадира завода «Динамо»: «Празднование... будет радостно встречено не только москвичами, но и всем советским народом» [б: с. 240].

Сводки о настроениях с заводов, учреждений и т.п., школ использовались властью: так секретарям райкомов 18 июня их зачитывал секретарь МГК И.А. Парфёнов для мобилизации чиновников, «чтобы усилить патриотизм советский московским...» (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 22. Д. 153. Л. 29).

Какова же была реакция народа на праздник? Обратимся к «Информации» Г.М. Попова «Об откликах трудящихся столицы на торжества в связи с 800-летним юбилеем Москвы» 8 сентября. Факт сбора такой информации показывает,

что власти было не безразлично впечатление народа. В справке приведены высказывания инженеров и рабочих фабрик «Парижская коммуна», завода им. Ильича, ЗИСа (ныне ЗИЛ. — *А.М.*), типографии «Московский большевик» и т.п. Среди мероприятий, на которых были 7 сентября трудящиеся, названы торжественное заседание в Большом театре, Красная площадь и др. площадки народных гуляний [6: с. 257–258]. Общий тон откликов о празднике положительный («Исключительно восторженные отзывы») [6: с. 257–258]. В высказываниях на народном уровне отражено более эмоциональное впечатление, чем рассуждения о политическом значении юбилея. Например: «В жизни... не испытывал такого счастья... когда... присутствовал на торжественном заседании... Сильное впечатление произвели... доклад т. Попова и Указ... о награждении Москвы орденом Ленина»; «Москва любовно была украшена...»; на Красной площади долго любовался убранством Кремля»; «Организаторам и исполнителям... выступлений... удалось оставить... незабываемые впечатления» и т.д. [6: с. 257–258]. Восхищение праздничной Москвой нередко сливается с гордостью за могущество страны, успехи строительства социализма. Например: «Сердца... ещё больше наполнились радостью и гордостью... Во всём мире нет и не может быть краше столицы...» «Торжества достойны великого события... столицы... мощного Советского Союза». «...Если бы не война, как бы богато мы жили, какие у нас большие возможности! Что значит социалистическое государство, как много сделано и делается для народа»; «...как организован и монолитен... народ, как много в нем любви к Родине, к дорогой Москве» [6: с. 257–258].

«Отдельные замечания о недостатках» касались в основном торговли (так, «было мало ларьков по торговле овощами»; около ЗИСа милиция не перекрыла движение, что мешало гуляньям) [6: с. 257–258]. Они не нарушили общей картины хорошего проведения торжеств. Торговля продуктами была актуальна, так как, вопреки народным ожиданиям, к празднику не отменили карточки. Люди стремились отовариться на празднике с его изобилием свеженнх продуктов. Майор В.А. Дудченко, фронтовик из Солнечногорска, 7 сентября записал в дневнике: «...совершенно безобразно провели время... Люди, понаехавшие со всех концов, думали, что продукты будут продаваться дешевле... Ошиблись миллионы людей! Цены остались такими же, а давка была в десять раз больше...» (Дудченко В.А. Дневник майора // Печатный альманах «Искусство войны» [сайт]. URL: http://www.artofwar.ru/d/dudchenko_w_a/text_0080.shtml). При этом в мемуарах писателя В. Ламма читаем: «На площадях были организованы буфеты, в которых торговали чаем из самовара и всякими вкусностями, причем по сходным ценам и без карточек» (Ламм В. Послевоенная Москва // Проза.ру — национальный сервер современной прозы [сайт]. URL: <http://www.proza.ru/2008/05/20/217>). В этих свидетельствах нет противоречий, так как Ламм писал не о магазинах с карточной торговлей, а о праздничных буфетах. В отличие от Дудченко, уже взрослого человека, он был мальчишкой, и это для него — записанное позднее, яркое впечатление детства.

Восторженные отклики и обязательства содержатся в «Информациях» «О проведенных митингах, посвященных приветствию т. Сталина и Указу Президиума Верховного Совета СССР о награждении г. Москвы орденом Ленина» из районов Москвы, Подмосковья (ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 39. Д. 133 Л. 9. Д. 134. Л. 47–48). Но далеко не все в стране разделяли трудовой энтузиазм: в информации о «О политических настроениях трудящихся Латвийской ССР» 18 октября 1947 г. для ЦК ВКП(б) рабочих на призыв встать к празднику на стахановскую вахту отвечает: «Пусть ставят... тех, у кого желудки полные». Это был ответ на агитацию из-за недовольства уровнем жизни после войны (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 77).

Причины восторженности как лейтмотива в отношении к празднику, с одной стороны, кроются в успешной организации и широко поставленной пропагандой значения юбилея Москвы как гордости народа. Власти удалось подарить людям объединяющий и воодушевляющий праздник после войны. Как справедливо рассуждал о мотивах празднования юбилея В. Солоухин: «Это Сталин напоминал народу, что он великий народ (про 100-летие со дня смерти И.А. Крылова. — *А.М.*). Я уж не говорю о торжествах по случаю 800-летия Москвы» (Солоухин В. Чаша // Завтра [сайт]. — URL: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/97/176/72cha.html>). Но был важен и психологический эффект удивления людей яркому празднику среди серых будней. Дж. Стейнбек писал: «Люди медленно гуляли... останавливаясь на площадях, чтобы послушать музыку... Они смотрели, плелись дальше и опять глазели. Деревенские жители ходили, широко раскрыв глаза. Некоторые из них никогда раньше не бывали в городе, а такого украшенного огнями города никто не видел вообще» [10: с. 130]. В. Ламм вспоминал: «Время после войны было тяжелое, голодное, нехватка буквально всего... Жизнь была нелегкая вплоть до 1950 года, да и позднее...» (Ламм В. Послевоенная Москва // Проза.ру — национальный сервер современной прозы [сайт]. — URL: <http://www.proza.ru/2008/05/20/217>). Праздничная Москва виделась образом будущей изобильной и справедливой жизни после тяжелой войны.

Общественное мнение и настроения вокруг юбилея вплетены в сложную совокупность взглядов на историческое прошлое и настоящее страны и Москвы, отношений к власти, собственным условиям жизни и т.д. Одобрение юбилея было лейтмотивом общественного мнения; его критика была связана в основном с неуместностью затратного празднования в тяжелое послевоенное время. Общественное мнение было во многом созвучно темам и образам национал-патриотической пропаганды, идущей от власти. Однако патриотизм понимался в народе более как «русский», а не «советский»; с более глубокой и смелой обращенностью в дореволюционное прошлое. Образ Сталина надеялся в народном сознании сакральными чертами мифического вождя-героя. Патриотический подъем после Победы был виден в ярком проявлении любви

к столице и Родине. На пробуждение желания личного участия в торжествах, смелость высказываний повлиял «демократический импульс» войны. 800-летие Москвы стало действительно всенародным торжеством, одним из символов возврата к мирной жизни.

Литература

1. *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е гг. М.: Молодая гвардия, 2003. 463 [17] с.
2. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
3. *Зубкова Е.Ю.* Сталин и общественное мнение в СССР 1945–1953 гг. // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 151–171.
4. История Москвы с древнейших времён до наших дней: В 3 тт. Т. 3: XX век. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив»: Московские учебники и картолитография, 2000. 412 с.
5. *Лукьянов А.* Юбилей юбилея. Москва 1947 года // Знание – сила. 1997. № 3. С. 80–87.
6. Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2000. 768 с.
7. «...Мы должны историческую дату рассматривать не в отрыве от наших задач». О подготовке к празднованию 800-летия Москвы. [Публикация документов 1944–1947 гг.] // Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 42–55.
8. Славный юбилей. Специальное издание, посвященное празднованию 800-летия Москвы. М.: Правда, 1947. 36 с.
9. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2-х тт. Т. 2: Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский Государственный ун-т, 1997. 761 с.
10. *Стейнбек Дж.* Русский дневник / Пер. с англ. Е.Р. Рождественской; предисл. Л.А. Жуховицкого. М.: Мысль, 1990. 142 с.
11. *Таранов Е. В.* «Партийный губернатор Москвы» Георгий Попов. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 384 с.
12. *Шаханов А.А.* Князь Юрий Долгорукий и юбилей 1947 года // Московский архив. Вып. I. М., 1996. С. 335–342.
13. *Экитум С. А.* Москва – 1947 // Родина. 1997. № 8. С. 107–112.
14. *Brandenberger D. L.* National Bolshevism Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press, 2002. 415 p.

References

1. *Andreevskij G.V.* Povsednevnyaya zhizn' Moskvu' v stalinskuyu e'poxu. 1930–1940-e gg. M.: Molodaya gvardiya, 2003. 463 [17] s.
2. *Zubkova E.Yu.* Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg. M.: ROSSPE'N, 2000. 229 s.

3. *Zubkova E. Yu.* Stalin i obshhestvennoe mnenie v SSSR 1945–1953 gg. // *Stalinskoe desyatiletie xolodnoj vojny': fakty' i gipotezy'*. M.: Nauka, 1999. S. 151–171.
4. *Istoriya Moskvyy's drevnejshix vremen do nashix dneij: V 3 tt. T. 3: XX vek.* M.: Izd-vo ob"edineniya «Mosgorarxiv»: Moskovskie uchebniki i kartolitografiya, 2000. 412 s.
5. *Luk'yanov A.* Yubilej yubileya. Moskva 1947 goda // *Znanie – sila.* 1997. № 3. S. 80–87.
6. *Moskva poslevoennaya. 1945–1947. Arxivny'e dokumenty' i materialy'.* M.: Izd-vo ob"edineniya «Mosgorarxiv», 2000. 768 s.
7. «...My' dolzhny' istoricheskuyu datu rassmatrivat' ne v otry've ot nashix zadach...» O podgotovke k prazdnovaniju 800-letiya Moskvyy'. [Publikaciya dokumentov 1944–1947 gg.] // *Otechestvenny'e arxivy'*. 1996. № 6. S. 42–55.
8. *Slavny'j yubilej. Special'noe izdanie, posvyashhyonnoe prazdnovaniju 800-letiya Moskvyy'.* M.: Pravda, 1947. 36 s.
9. *Sovetskoe obshhestvo: vznikovenie, razvitiye, istoricheskij final: V 2-x tt. T. 2: Apogej i krax stalinizma / Pod obshh. red. Yu. N. Afanas'eva.* M.: Rossijskij Gosudarstvenny'j un-t, 1997. 761 s.
10. *Stejnbek Dzh.* Russkij dnevnik / Per. s angl. E. R. Rozhdestvenskoj; predisl. L. A. Zhuxovickogo. M.: My'sl', 1990. 142 s.
11. *Taranov E. V.* «Partijny'j gubernator Moskvyy'» Georgij Popov. M.: Izd-vo Glavarxiva Moskvyy', 2004. 384 s.
12. *Shaxanov A. A.* Knyaz' Yuriy Dolgorukij i yubilej 1947 goda // *Moskovskij arxiv. Vy'p I. M.*, 1996. S. 335–342.
13. *E'kshtut S. A.* Moskva – 1947 // *Rodina.* 1997. № 8. S. 107–112.
14. *Brandenberger D. L.* *National Bolshevism Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956.* Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press, 2002. 415 p.

A. L. Mahnyryov

The 800th Anniversary of Moscow Through the Prism of the Soviet Public Opinion

The article is devoted to the problem of public opinion in the Soviet Union about a major anniversary of the first postwar decade — the 800th anniversary of Moscow in 1947. Particular attention is paid to an unofficial, people's attitude to the anniversary. This issue has hardly been considered in historiography.

The author examines the basic features of attitudes towards the 800th anniversary of Moscow, highlighting the general and the particular in comparison with the official vision of the anniversary, on the basis of introduced for the first time in to scientific use archival and some of the published documents and data.

Key-words: the 800th anniversary of Moscow; public opinion; anniversary.

А.А. Войтенко

Агиографический текст как исторический источник

В статье излагаются несколько замечаний методологического характера, посвященные изучению ранних агиографических источников (главным образом монашеских). Автор приходит к выводу, что агиографический текст, являясь сложным и специфическим типом источника, должен изучаться, исходя из современного ему исторического контекста с привлечением максимально большого количества источников в качестве сравнительного материала.

Ключевые слова: агиография; монашество; византийский Египет.

Данная статья представляет собой ряд рассуждений, главным образом методологического характера, о том, насколько серьезно мы можем относиться к позднеантичному (раннесредневековому) агиографическому тексту и в какой степени мы можем ему доверять. Агиографический текст является сколь интересным, столь и трудным для исследователя источником благодаря своей специфике, суть которой можно выразить словами одного современного исследователя: «Речь идет <...> об апологетической историографии, имеющей в качестве конечной цели дидактику, базирующуюся на понятии о добродетели как персональной, так и социальной, как индивидуальной, так и коллективной. Она принадлежит окружающему миру и отражает некую антропологию, концепцию жизни и общества, часто неповторимую; но в концепциях структура становится знаком и предлагает некое основное действующее лицо феноменологии духа в осуществлении им бытия и действия. Дух становится жизнью, действие переводится в текст, интеллигенция демонстрирует семиологическую валентность, предложенную агиографией, народное восприятие усваивает ее и идеализирует до уровня спиритуалистического и магического» [2: с. 75]. Более сжато, но не менее глубоко о сути агиографии высказался В.О. Ключевский, сравнивший житие с иконой [1: с. 5.]. Если портрет стремится передать точные черты человека,

то икона, пользуясь особым изобразительным языком, сосредоточена на том, чтобы раскрыть духовный облик святого. Примерно тот же самый принцип приложим при сравнении агиографического источника с другим нарративным текстом (например, хроникой). В этом как раз и состоит основная проблема привлечения данных агиографии для исторической реконструкции.

Помимо этой специфики агиографического текста сейчас все более и более осознается тот факт, что агиографию трудно, а может быть, даже и невозможно определить в рамках одного литературного жанра. Действительно, какое жанровое единство могут иметь между собой «классические» жития святых, мученичества, сборники чудес, апофтегмы, рассказы об обретении или перенесении мощей? Единственным удовлетворительным определением агиографии на сегодняшний день можно считать тематическое и функциональное ее определение, предложенное некогда Ипполитом Делеэ. Он полагал, что мы имеем дело с собранием письменных памятников, которые имеют отношение к культу святых [14: р. 3]. Однако и это еще не все — статус жития мог придаваться произведениям, изначально имеющим иную жанровую направленность, например, peregrinatio, эллинистическому роману и т.д. Примером первого может служить «Житие преп. Онуфрия» [17: р. 635–637], образцом второго — «Повесть об убийении монахов на Синайской горе» [1: с. 85–86]. Иногда чтобы ввести изначально не житийный текст в рамки агиографии, необходимо было лишь поставить внутри текста ясный литургический «знак» — день памяти святого — и тем самым перенести его в пространство христианского богослужения. Правда, стоит отметить, что эллинистический роман, наряду с судебными процессами над мучениками, античными биографиями и божественными аретологиями рассматривается как один из жанровых «источников» агиографической литературы [13; 15: р. 368]. Но агиография как, наверное, и любой другой серьезный литературный феномен, оказывается подвижной не только с точки зрения жанра. Она представляла собой явление, существовавшее в разном социальном и культурном контексте, и — при всех известных оговорках — изменявшееся во времени. Кстати, особенно хорошо это видно, если взглянуть на ее развитие, находясь в «пространстве» ранних агиографических текстов, впоследствии принятых за классические образцы. И все-таки мы можем говорить о некотором единстве агиографического повествования — если вслед за В. Дерошем предположим, что здесь мы сталкиваемся с особой областью литературы, имеющей свой собственный предмет, или даже шире — с определенным дискурсом, неким типом позиционирования и «манерой выражаться» [15: р. 368].

Интерес к житийной литературе никогда не ослабевал, а в последнее время и значительно усилился. Некоторые примеры изучения восточно-христианской агиографии действительно впечатляют. Так, немецкий ученый Г. Виснер на основании мученичеств сиро-персидского цикла, включенных в сборник Маруты Майферкатского (V в.), реконструировал во всех деталях ход судебного процесса

над христианами [18: р. 157–198]. Те же тексты использовала видный отечественный востоковед Н.В. Пигулевская в качестве источника по реконструкции податной системы и организации ремесленного производства в городах средневекового Ирана. Она же на основании сборников житийных рассказов, таких как «Книга начальников» Фомы Маргского (IX в.), смогла дать полную характеристику системы образования у сирийцев в Средние века [5; 6; см. также 7: с. 4]. «Византийская агиография, — писал известный исследователь византийской культуры А.П. Рудаков, — не раз выручала историка там, где отсутствовали показания других источников. Так, некогда Тафель извлек ценные факты для истории Солуни в VI и VII вв. из собрания чудес вмч. Димитрия Солунского, так, в свое время Хопф дал очерк внутренней истории Пелопоннеса, анализируя жития преп. Луки Элладского и Никона Метаноита, так, В.Г. Васильевский не раз обращался к изучению памятников византийской агиографии и находил интереснейшие подробности, касающиеся внешней и внутренней истории Византии» [9: с. 34]. Очень удачным примером того, как необходимо и полезно использовать агиографические источники для разработки «белых пятен» истории средневековой Эфиопии, является докторская диссертация выдающегося отечественного востоковеда Б.А. Тураева [11].

Но житийная литература оказалась способна и на большее: она в ряде случаев дает иной ракурс событию, уже описанному в истории или хронике, иную точку зрения на него, отличную от «официальной». Ныне агиография по достоинству оценена как уникальный источник для реконструкции менталитета разных социальных слоев, учитывая в том числе и принятую в византийской типологию житий, их деление на «народные» и «аристократические» [9: с. 19]. Однако все эти блестящие успехи иллюстрируют только одну сторону агиографии — извлечение из нее косвенной информации, тогда как использование житий как материала для реконструкции биографий святых или как надежного источника по социальной истории по-прежнему является «камнем преткновения». И дело здесь все в той же символичности, особой тональности этой литературы. Существует достаточно распространенное мнение о том, что строгий житийный канон скорее скрывает подлинные исторические черты святого (или его социального окружения), чем раскрывает их. Поэтому первостепенное значение имеет не основной пласт житийного повествования, а «мелочи»: разные оговорки, намеки, «нестыковки» различных редакций и т.д. Скрупулезная концентрация на подобных деталях, безусловно, способна дать интересные результаты, но в целом такой подход закрывает перед исследователем ряд важных перспектив. Подобная точка зрения, на наш взгляд, исходит из «установки жанра», когда каждое произведение агиографии нужно исследовать с помощью определенных методов, предполагающих, что любое житие есть прежде всего набор литературных клише, составляющих так называемый агиографический канон. Но такая точка зрения грешит нечувствительностью: канон жития — явление не единовременное, он, как предполагается, складывался на протяжении столетий и полностью оформился, вероятно, лишь

к VI в. [8: с. 232]. Следовательно, произведения, стоящие у истоков монашеской агиографии, еще не несут в себе всех его условностей. Они, безусловно, еще очень подвижны с точки зрения жанровых рамок. Так, например, обнаруживая в «Житии св. Феодосия Печерского» слова о том, что святой «хожаша по вся дни в церковь... к детям играющим не приближашася... и гнушашася играм их», исследователь вправе усомниться в подлинности данного факта. Он сразу вспоминает про то, что написано у св. Афанасия о детстве преп. Антония [12: с. 57]. Но это правило не действует применительно к «Житию» самого св. Антония, ибо оно не имело никакого агиографического «прототипа», разве что можно предположительно говорить о неких общих параллелях в позднеантичной литературе, хотя именно это указание св. Афанасия на неграмотность св. Антония принадлежит ныне к разряду наиболее спорных.

И таких примеров немало. Значит, применительно к ранним памятникам агиографии эта методика может привести к обратным результатам: целиком концентрируясь на «мелочах», исследователь рискует заработать известную «близорукость», трактуя мелкие ссоры как эхо серьезных социальных конфликтов, превращая случайности в закономерности и видя литературные клише там, где описываются реальные события. В то же время, отмечая многие пассажи жития как идеализацию, он рискует оставить вне поля своего анализа целые пласты текста, что для востоковеда или медиевиста непозволительная роскошь. Можно вспомнить мысль В.О. Ключевского о том, что наибольшей достоверностью обладают жития, созданные современниками святого: в этом случае агиографу не требовалось заполнять «лакуны» в его биографии житийными «шаблонами» [4: с. 366, 437–438]. Большая часть известной нам монашеской агиографии IV–V вв. попадает под это определение: эти произведения, как правило, не слишком сильно отстоят от времени кончины их героев.

Но даже и в таких случаях задача исследователя агиографических текстов все равно остается чрезвычайно сложной — он должен ухитриться проплыть между Сциллой и Харибдой: между «наивностью» буквального доверия к каждому слову житийного повествования и соблазном гиперкритики, когда почти любой эпизод агиографического рассказа, который ему по тем или иным причинам покажется подозрительным, он будет склонен отнести на счет «топосов» и клише. Если в первом случае исследователь целиком окажется в плену у сакральной «реальности» агиографического пространства, то в последнем, как это часто бывает, он вместе с водой рискует выплеснуть и ребенка.

И здесь мы, пожалуй, подходим к самому главному, ибо для исследователя агиографии нет более важной задачи, чем разобраться с проблемой агиографического «топоса». Само употребление этого термина спорно, ибо вызывает ассоциации с Античностью, где оно значило совсем иное. Там под «топосами» понимали некие «пустые ячейки», предназначенные для того, чтобы их заполнили биографическими данными героя: рождение, родина и т.д., тогда как исследова-

тели агиографии понимают «топос» как определенный готовый сюжет, который «всегда под рукой» у агиописателя и циркулирует от одного текста к другому, почти независимо от конкретных данных о персонаже [15: р. 731–732]. Принято считать, что если средневековый автор при создании агиографического текста сталкивался с «лакунами» в биографии своего героя, он заполнял ее этими, уже готовыми сюжетами. Отсутствие сведений компенсировалось рассказами о том, как «должно было быть на самом деле». И никакого дискомфорта при этом средневековый автор не испытывал. Трудно спорить с наличием таких «топосов», как литературного факта. Однако, на наш взгляд, исследователю надо быть крайне осторожным в интерпретации тех мест агиографического рассказа, которые кажутся ему сомнительными и могут быть отнесены к такого рода клише.

Для наглядности приведем два примера. В агиографии нередко встречается сюжет, когда разбойники, видя, что монах пришел издалека, врываются в его келью, желая найти у него деньги или драгоценности, но не обнаруживают ничего [16: р. 19, п. 7]. Такого рода рассказ содержится в главе об авве Феоне известного раннего агиографического памятника «Истории египетских монахов» (*Historia Monachorum*, сар. 6): в затвор к этому монаху пытались проникнуть ночью грабители, ожидая найти у аввы много золота. Неоднократно повторяющийся в агиографии сюжет — казалось бы, надежный критерий для отнесения этого сюжета к категории литературных «топосов». Однако не все обстоит так просто, как кажется на первый взгляд. Точно такой же случай произошел в реальности с известным русским иеросхимонахом Антонием (Булатовичем), правда, для последнего это закончилось трагически. После своих эфиопских экспедиций и жизни на Афоне иеросхимонах Антоний поселился в слободе Луциковка Харьковской губернии, где в ночь с 5 на 6 декабря 1919 г. он был убит грабителями, которые ворвались в его дом в поисках наживы. Представим себе такую ситуацию: произойди эти события не в XX веке, а, например, в XIII веке, и иеросхимонах Антоний был бы прославлен как святой и было бы составлено его житие — что ответил бы «методологически подкованный» исследователь, изучая данный текст и не имея других надежных источников его биографии? Вопрос, понятное дело, риторический. Но в данном случае, как нам представляется, мы имеем дело с тем, что можно было бы назвать «топосами» сознания, то есть характерными стереотипами мышления (раз поселился здесь пришлый, то, может, и сбережения у него имеются? и т.п.), которые являются частью исторической реальности. Однозначное отнесение такого рода сюжетов к разряду литературных «топосов» было бы ошибкой.

Уже давно замечено, что «Жития восточных святых» (ЖВС) Иоанна Эфесского (VI в.) имеет ряд сюжетных параллелей с более ранними агиографическими текстами, сходными с ним по жанру: «Историей египетских монахов», «Лавсаиком» Палладия и «Историей боголюбцев» блж. Феодорита. Например, рассказ о размножении пяти хлебов в монастыре Иоанна Амидского (ЖВС) сходен с рассказом о монастыре св. Аполлона из «Истории египетских монахов», явление дья-

вола под видом Христа монаху Валенту («Лавсаик») по описанию совпадает с явлением беса под видом Богородицы Иакову Амидскому (ЖВС), монах Пафнутий («Лавсаик») изъясняет св. Писание, не умея читать, то же самое делает и Иоанн Зукнинский (ЖВС). Исследователь, вполне овладевший навыками «топосологии», ничтоже сумняшеся отнес бы такие параллели к литературным заимствованиям. Однако вот что пишет по этому поводу известный русский исследователь наследия Иоанна Эфесского А.П. Дьяконов: «Все эти совпадения объясняются не литературным заимствованием, а тем, что повторялась сама жизнь, поскольку подвижники И(аонна) Э(фесского) подражали своим предшественникам, жили аналогичными нравственными идеалами и обладали аналогичным мистическим восприятием... Таким образом, влияние указанных литературных образцов могло отразиться лишь на формальной стороне сочинения: на выборе самого типа произведения, на постановке задачи и вообще на литературной манере» [3: с. 386–387]. Как видим, ситуация оказывается сложнее, чем уровень простых литературных заимствований: распространение агиографических текстов могло в свою очередь формировать определенные стереотипы мышления и поведения, которые являлись уже историческими фактами и фиксировались позднейшими авторами. Еще раз подчеркнем — с нашей точки зрения, именно выявление в агиографической литературе сюжетных параллелей и критическая работа с ними являются самыми сложными задачами. Далеко не всегда можно с точностью определить, является тот или иной сюжет литературным «топосом» или он имеет отношение к исторической реальности. И здесь инструментарий исследователя должен быть скорее сходен со скальпелем хирурга, чем с топором дровосека: прежде чем говорить о каких-то сюжетных параллелях как о «топосах», исследователь должен скрупулезно изучить весь исторический контекст, сопоставить данные разных — не только агиографических — источников, и только потом выносить свое суждение. Как нам кажется, такая работа проводится далеко не всегда.

Помимо проблемы агиографического «топоса» есть целый ряд других, более конкретных проблем. Коснемся некоторых из них. Первая связана с чудесами. Сам феномен чуда, вероятно, должен быть целиком выведен за рамки исследования, поскольку, выражаясь современным языком, он не подлежит верификации: исследователь-гуманитарий, да и представитель естественных наук, не сможет чисто научными методами констатировать либо наличие, либо отсутствие чудес. И. Троицкий, на наш взгляд, справедливо отмечал, что само чудо стоит вне исторического поля зрения [10: с. 309]. Но это не должно ограничивать историка культуры или литературы при изучении типологии чудес: любой исследователь, работавший со средневековыми литературными источниками, хорошо знает, какое значительное место занимают в них рассказы о сверхъестественном. Чудо является неотъемлемым фактом средневековой ментальности, характерным признаком эпохи. Тем удивительнее факт того, сколь мало исследований посвящено исследованию типов чудес, их функциям в тексте и тому подобному. И этот упрек можно отнести

не только к отечественным исследованиям советского периода, где сами разговоры на подобные темы казались несерьезными, но и к западной историографии. В этом смысле агиографические памятники смогут оказать заинтересованному исследователю громадную услугу. Если, предположим, один агиографический текст изобилует чудесами, а другой весьма на них скуп — этот факт сам по себе уже требует объяснения. Несомненно важное значение для социальной истории имеют обстоятельства, в которых происходит чудо: они могут содержать существенные для историка подробности или указывать на интересные перспективы. Например, в агиографических источниках есть примеры того, что чудо является разрешением какого-то социального конфликта. В данном случае важно не чудо само по себе, а именно указание на этот социальный конфликт. Далее, сопоставляя эти сведения с другими источниками, современными данному агиографическому рассказу, и выяснив степень его релевантности, исследователь может работать с этими сведениями как с любыми другими, без оглядки на то, что они получены из такого «специфического» источника, как агиографический текст. О ценности посмертных чудес, которые могут содержать сведения о реальной жизни того или иного монастыря после кончины святого, указывал еще В.О. Ключевский, а Б.А. Тураев в разработке эфиопской агиографии успешно пользовался этой рекомендацией.

Второй проблемой является предполагаемое проникновение в агиографию всевозможных фольклорных, апокрифических и легендарных элементов. Определенную методологическую помощь в этом вопросе может оказать очерк Г.П. Федотова, где методика поиска и определения возможных фольклорных сюжетов продемонстрирована на примере русских житий [12: с. 221–232]. Предполагается, что включение в агиографический текст сюжетов, заимствованных из устной традиции, мотивировалось чисто литературными причинами. Например, по мнению, Т.В. Поповой, фольклорные мотивы в «Лавсаике» присутствуют благодаря установке его автора на развлекательное чтение [8: с. 230]. О том, что в Средние века агиографический текст, помимо всего прочего, выполнял ту роль, которую сейчас играет беллетристика — никто не спорит, просто надо отдавать себе отчет в том, что это все же был средневековый текст. Поэтому, как нам представляется, включение подобных сюжетов могло определяться и дидактическими целями. В этом смысле чрезвычайно любопытны две версии рассказа о «месте Ианния и Иамврия», известные из греческого текста «Истории египетских монахов» (*Hist. Mon. cap. 21*) и «Лавсаика» (*Hist. Laus. cap. 18*). В «Истории египетских монахов» речь идет об «оазисе Иоанна и Иамврия», где подвизаются два брата, которых посещает преп. Макарий Египетский, а в «Лавсаике» — о «гробнице Иоанна и Иамврия», куда пришел преп. Макарий Александрийский. Оба текста пересказывают часть апокрифической традиции, известной нам как из сохранившихся фрагментов апокрифа «Книги Ианния и Иамврия», так и из упоминаний о ней у античных и христианских авторов. Мало сомнений в том, что эта апокрифическая традиция — письменно или устно — была известна в среде египетского

монашества IV века. Ясно видно, что автор этого рассказа Палладий и анонимный автор «Истории египетских монахов» включили в свои сборники известный апокрифический сюжет, который они заставляют играть по другим правилам: во-первых, он соединяется с рассказом о путешествии аввы Макария по пустыне, во-вторых, несет в себе предостережение о том, что стремление добраться до этого пустынного оазиса и там остаться небезопасно с духовной точки зрения. Совершенно очевидно, что автор этого рассказа, адресуя монахам свое «послание», преследовал отнюдь не развлекательные цели. Для того чтобы понять, что в нем зашифровано, нужно хорошо себе представлять настроения в монашеской среде в период его создания (предположительно последняя четверть IV в.), круг тех текстов и идей, которые на тот момент в ней циркулировали. Тогда, возможно, мы хотя бы частично сможем расшифровать тот смысл повествования, который присутствует в нем «между строк». А если мы сломя голову примемся сопоставлять этот сюжет со сходными текстами другого времени и из других регионов — наш анализ в лучшем случае будет интересен культурологам. Историку он не скажет ничего.

Что же касается социальной истории, то и здесь историк найдет для себя немало вполне достоверной информации: например, можно предполагать, что эпизод о двух братьях, подвизавшихся в «оазисе Ианния и Иамврия», — это литературная фикция, но нельзя отбрасывать самого типа их аскезы, поскольку она вряд ли могла быть просто придумана автором. То же можно сказать и о сомнительном с точки зрения современных исследователей рассказе «Лавсаика» об авве Серапионе (Hist. Laus. cap. 27). Там речь идет о странствующем монахе, который специально продавал себя в рабство язычникам, чтобы постепенно обратить их в христианство. Даже в том случае, если этот рассказ легендарен, нельзя отбрасывать его указание о типе аскезы Серапиона — здесь мы имеем достаточно редкий пример монаха-странника, к которому относятся позитивно. И сведения, приводимые в этом рассказе о распространении манихейства в Греции — вряд ли могут быть результатом авторского вымысла. То есть даже в таких сомнительных случаях, как включение в агиографический текст каких-то апокрифических или легендарных сюжетов, он все равно является неким «вектором», указывающим на возможные реальные обстоятельства.

Еще одна проблема состоит в исследовании количественных данных, приводимых агиографическими источниками: с точки зрения многих современных исследователей сведения о возрасте подвижников, времени их пребывания в пустыне, а также данные относительно количества монахов в известных монастырях являются очень условными и часто завышенными. Проблема здесь может скрываться в том, что агиографические тексты IV–V вв. во многом еще ориентируются на античную литературную традицию, которой были свойственны определенные правила — в том числе именно там нередко можно встретить округленные или даже сильно завышенные цифры — например, при описании сражений. Как

в этом случае должен поступать исследователь? Так же как и при анализе других текстов: не отбрасывать с ходу эти цифры, а критически их перепроверять, привлекая сведения других источников. Одной из наиболее удачных методик, на наш взгляд, является проверка количества численности монахов с учетом географических условий. Так, в свое время были высказаны сомнения относительно численности монахов вокруг Антиной в Египте, которые приводит Палладий в «Лавсаике», именно потому, что ландшафт местности не допускает проживания там такого их количества [20: р. 286]. Однако это, увы, не панацея. Есть свидетельства, которые проверить таким образом вряд ли удастся. Тогда исследователю потребуется осмыслять этот материал, исходя из общего исторического контекста, известного по другим источникам. Например, по данным археологии или документальным свидетельствам.

Кстати говоря, соотнесение ряда ранних агиографических текстов с правилами античной литературы является интересным методическим ходом. Мы имеем в виду предположение о том, что христианские авторы, создавая свои произведения, могли во многом (но вряд ли во всем!) ориентироваться на правила античной литературы. Такой взгляд открывает новые перспективы некоторым старым дискуссиям. Так, например, споры о том, насколько исторично «Житие св. Антония Великого», написанное св. Афанасием (IV в.), ведутся уже давно. Иногда Афанасия прямо обвиняют в сознательном искажении образа Антония. Круг задач, которые преследовал Афанасий, создавая «Житие» и благодаря которым он мог исказить исторические факты, варьируется в историографии столь широко — от богословской идеи обожения до конкретных церковно-политических задач, которые преследовал святитель — что, если мы будем учитывать все высказанные гипотезы, то автор «Жития» предстанет перед нами непревзойденным «гением пропаганды», который ведет информационную войну, продумывая расстановку каждой своей запятой, в чем конечно же можно сильно усомниться. Однако не так давно была высказана еще одна интересная идея: «Житие св. Антония» следует рассматривать в рамках античного «биоса» и тогда все недоумения могут быть разрешены. Дело в том, что античные биографы имели представление об исторической достоверности весьма отличное от нашего: они создавали последовательный и правдоподобный образ своего героя, который в деталях мог уклоняться от реальных фактов. Свобода в презентации биографического материала, хотя и ограниченного заботой о правдоподобию, допускалась правилами жанра [19: р. 341]. Однако это, безусловно, лишь одна сторона медали.

На наш взгляд, ранние агиографические памятники существуют в пространстве между классической античной литературой и средневековыми житийными текстами со всей присущей им спецификой. Они сами по себе создают новую нарративную реальность, на которую во многом только еще будут ориентироваться средневековые авторы. Они еще очень «подвижны» с точки зрения литературных канонов и не являют собой чего-то закончен-

ного с точки зрения литературного дискурса: и именно благодаря этому исследователь может отыскать много достоверной информации, если, конечно, он сумеет понять, какие цели преследовали авторы этих произведений, когда они их создавали. Если же еще раз вспомнить сравнение В.О. Ключевского жития с иконой — и вспомнить, что происходило с христианским искусством, современным описываемым нами агиографическим памятникам, то и здесь мы наблюдаем сходные явления: многие ранние христианские изображения (по крайней мере до VI в.) еще очень тесно связаны с реалистическими традициями живописи эллинизма, хотя в них постепенно вызревают особенности «иератического» языка византийской иконописи.

Таким образом, нам представляется, что исследование агиографического текста как исторического источника — это не конвейерное производство, а штучная работа. Литературная компаративистика и критическая «топосоология» дадут, скорее, негативный результат. Источник закроет для исследователя свой исторический потенциал. Но если исследователь осознает, что здесь важны не вертикальные, а горизонтальные связи, и агиографический источник будет помещен в современный ему исторический контекст, сопоставлен с современными ему сведениями, почерпнутыми из других наук — например, археологии, папирологии и проч., то исследователь вправе надеяться на положительный результат. И если при этом данные агиографии будут расходиться с тем, что нам известно по другим источникам, это поставит перед исследователем новые вопросы, а в случае совпадения придаст сведениям агиографии иное качество.

Литература

1. Житие святого Порфирия, епископа Газийского, Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его / Перевод, составление, статья Д.Е. Афиногенова. М.: Индрик, 2002. 143 с.
2. *Грегуар Р.* Литературные и богословские модели в западной агиографии // Монастырская культура: Восток – Запад. СПб.: Приложение к альманаху «Канун», 1999. С. 75–85.
3. *Дьяконов А.П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1908. 417 с.
4. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. 512 с.
5. *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л.: АН СССР, 1956. 368 с.
6. *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, 1979. 272 с.
7. *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. 760 с.
8. *Попова Т.В.* Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 218–266.
9. *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой историографии. СПб.: Алетейя, 1997. 295 с.

10. *Троицкий И.* Обзорение источников начальной истории египетского монашества. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1906. 400 с.
11. *Тураев Б.А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. 453 с.
12. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
13. *Browning R.* Tradition and Originality in Literary Criticism and Scholarship // Originality in Byzantine Literature, Art, and Music: A Collection of Essays / Ed. by A.R. Littlewood. Oxford: Oxbow Books, 1995. P. 17–28.
14. *Delehaye H.* L'ancienne hagiographie byzantine. Les sources, les premiers modèles, la formation des genres. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1991. 75 p. + XXXVII.
15. *Déroche V.* La forme de l'informe: la Vie de Théodore de Sykéôn et la Vie de Syméon Stylite le Jeune // Les Vies des saints à Byzance. Genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique, Paris, 6–7–8 juin 2002. Paris: Centre d'études byzantines, néo-hellenistique et sud-est européennes, École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2004. P. 367–385.
16. *The Lives of the Desert Fathers: The Historia Monachorum in Aegypto* / Transl. by N. Russel, Introd. by B. Ward. London – Oxford – Kalamazoo (Michigan): Cistercian Publications, 1981. 181 p.
17. *Voytenko A.* Paradise Regained or Paradise Lost: The Coptic (Sahidic) Life of St. Onnophrius and Egyptian Monasticism at the End of the Fourth Century // Actes du huitième congrès international d'études coptes: Paris, 8 juin – 3 juillet 2004. Leuven Paris – Dudley, MA: Peeters, 2007. Vol. 2. P. 635–644.
18. *Wiessner G.* Untersuchungen zur syrischen Literaturgeschichte I: zur Märtyrerüberlieferung aus der Christenverfolgung Shapurs II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. 289 p.
19. *Wipszycka E.* La conversion de saint Antoine. Remarque sur les chapitres 2 et 3 du prologue de la Vita Antonii d'Athanase // Divitiae Aegypti. Koptologische und verwandte Studien zu Ehren von Martin Krause. Wiesbaden: Reichert, 1995. P. 337–348.
20. *Wipszycka E.* Le nombre des moines dans les communautés monastiques d'Égypte // Journal of Jouristic Papyrology. 2005. Vol. XXXV. Warsaw: Warsaw University, The Raphael Taubenschlag Foundation. P. 265–309.

References

1. Zhitie svyatogo Porfiriya, episkopa Gazijskogo, Nila monashestvuyushhego povest' ob ubienii monaxov na gore Sinajskoj i o plenenii Feodula, sy'na ego / Pervod, sostavlenie, stat'ya D.E. Afinogenova. M.: Indrik, 2002. 143 s.
2. *Greguar R.* Literaturny'e i bogoslovskie modeli v zapadnoj agiografii // Monasty'rskaya kul'tura: Vostok – Zapad. SPb.: Prilozhenie k al'manaxu «Kanun», 1999. S. 75–85.
3. *D'yakonov A.P.* Ioann Efesskiy i ego cerkovno-istoricheskie trudy'. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1908. 417 s.
4. *Klyuchevskij V.O.* Drevnerusskie zhitiya svyaty'x kak istoricheskij istochnik. M.: Nauka, 1989. 512 s.
5. *Pigulevskaya N.V.* Goroda Irana v rannem srednevekov'e. M.; L.: AN SSSR, 1956. 368 s.
6. *Pigulevskaya N.V.* Kul'tura sirijcev v srednie veka. M.: Nauka, 1979. 272 s.
7. *Pigulevskaya N.V.* Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody'. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2000. 760 s.

8. *Popova T.V.* Antichnaya biografiya i vizantijskaya agiografiya // *Antichnost' i Vizantiya* / *Otv. red. L.A. Frejberg.* M.: Nauka, 1975. S. 218–266.
9. *Rudakov A.P.* Ocherki vizantijskoj kul'tury' po danny'm grecheskoj istoriografii. SPb.: Aleteja, 1997. 295 s.
10. *Troiczkiy I.* Obozrenie istochnikov nachal'noj istorii egipetskogo monashestva. Sergiev Posad: Tipografiya Sv.-Tr. Sergievoj Lavry', 1906. 400 c.
11. *Turaev B.A.* Issledovaniya v oblasti agiologicheskix istochnikov istorii E'fipii. SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1902. 453 s.
12. *Fedotov G.P.* Svyaty'e Drevnej Rusi. M.: Moskovskij rabochij, 1990. 269 s.
13. *Browning R.* Tradition and Originality in Literary Criticism and Scholarship // *Originality in Byzantine Literature, Art, and Music: A Collection of Essays* / Ed. by A.R. Littlewood. Oxford: Oxbow Books, 1995. P. 17–28.
14. *Delehaye H.* L'ancienne hagiographie byzantine. Les sources, les premiers modèles, la formation des genres. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1991. 75 p. + XXXVII.
15. *Déroche V.* La forme de l'informe: la Vie de Théodore de Sykéôn et la Vie de Syméon Stylite le Jeune // *Les Vies des saints à Byzance. Genre littéraire ou biographie historique?* Actes du IIe colloque international philologique, Paris, 6–7–8 juin 2002. Paris: Centre d'études byzantines, néo-hellenistique et sud-est européennes, École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2004. P. 367–385.
16. *The Lives of the Desert Fathers: The Historia Monachorum in Aegypto* / Transl. by N. Russel, *Introd. by B. Ward.* London – Oxford – Kalamazoo (Michigan): Cistercian Publications, 1981. 181 p.
17. *Voytenko A.* Paradise Regained or Paradise Lost: The Coptic (Sahidic) Life of St. Onnophrius and Egyptian Monasticism at the End of the Fourth Century // *Actes du huitième congrès international d'études coptes: Paris, 8 juin – 3 juillet 2004.* Leuven Paris – Dudley, MA: Peeters, 2007. Vol. 2. P. 635–644.
18. *Wiessner G.* Untersuchungen zur syrischen Literaturgeschichte I: zur Märtyrerüberlieferung aus der Christenverfolgung Shapurs II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. 289 p.
19. *Wipszycka E.* La conversion de saint Antoine. Remarque sur les chapitres 2 et 3 du prologue de la Vita Antonii d'Athanase // *Divitiae Aegypti. Koptologische und verwandte Studien zu Ehren von Martin Krause.* Wiesbaden: Reichert, 1995. P. 337–348.
20. *Wipszycka E.* Le nombre des moines dans les communautés monastiques d'Égypte // *Journal of Jouristic Papyrology.* 2005. Vol. XXXV. Warsaw: Warsaw University, The Raphael Taubenschlag Foundation. P. 265–309.

A.A. Voytenko

Hagiographical Text as a Historical Source

The article presents several methodological remarks devoted to the study of early hagiographical sources (mostly, monastic ones). The author concludes that a hagiographic text, being a complex and specific type of source, should be studied in historical context of its period, where the largest possible number of other simultaneous sources should be considered as a comparative material.

Key-words: Hagiography; Monasticism; Byzantine Egypt.

А.А. Черепнёва

Экономическое положение Ирландии в первой половине XIX века

Статья посвящена экономическому положению Ирландии в первой половине XIX века. Автор подробно раскрывает характер взаимоотношений Ирландии и Англии в указанный период. Показаны те неудовлетворительные результаты, которые стали итогом политики Англии и Ирландии в первой половине XIX века.

Ключевые слова: Ирландия; «ирландский вопрос»; уния 1801 г.; голод в Ирландии.

Прошло уже более десяти лет с начала третьего тысячелетия, однако до сих пор мы сталкиваемся с такими проблемами, как крайние проявления национализма этнического, религиозного и кланового характера. Показательно, что с угрозами, порождаемыми трениями на национальной почве, столкнулись многие страны. Не избежала этого и Ирландия при всем том, что сегодня она — равноправный и уважаемый член мирового сообщества, внесший существенный вклад в формирование идеалов и культурных ценностей, составляющих основу европейской цивилизации. Поэтому представляется, что анализ пройденного ирландским народом пути важен для понимания многих современных процессов.

Особенность положения Ирландии в первой половине — середине XIX в. была в том, что страна, официально не считавшаяся колонией Великобритании, на деле подвергалась жесточайшей колониальной эксплуатации. Дж.Ст. Милль, известный английский мыслитель и экономист, указывал, что метрополия не имела никакого юридического и морального права эксплуатировать ирландский народ. Он также писал, что нация, которая подобным образом обращается с другим народом, не может рассчитывать на его любовь. Милль оценивал британскую политику в Ирландии как грабительскую и писал, что «за исключением полного обезлюдивания или прямого порабощения жителей, почти все было сделано для того, чтобы ирландцы проклинали завоевателей» [10: с. 2].

Древнее название Ирландии — Эриу. В переводе это значит «самая прекрасная женщина в мире». Как и других красивых женщин, Ирландию страстно желали, за нее боролись. Ею восхищались, презирали, подражали ей, добивались и яростно на нее нападали. Поэт Эдмунд Спенсер писал: «Это одна из самых прекрасных стран, что рождены под небесами. Множество рек, богатых разнообразной рыбой, пронизывают ее насквозь. А сколько здесь очаровательных островов и прекрасных озер, они словно маленькие внутренние моря!» [6: с. 124].

Ирландия всегда была желанной добычей: она славилась своими сочными лугами, плодородной землей, удобными гаванями, трудолюбивым населением. Ирландия для Англии – одна из ближайших колоний или «окраин», которые предоставляли обширные экономические возможности стране-завоевательнице. Англия постоянно расширяла свое присутствие на острове; захват земель и выселение коренного населения сопровождалось насильственным насаждением там английских порядков и традиций, чуждых ирландцам.

К концу XVIII в. собственниками основного и лучшего земельного массива в Ирландии были англичане — лендлорды, церковники, среднепоместные дворяне — джентри.

Начало XIX в. ознаменовалось для большинства ирландцев печальным событием. С 1 января 1801 г. в силу вступил акт об Унии. С этого времени Ирландия юридически стала составной частью Соединенного королевства. Ее парламент был ликвидирован. Этот документ стал наиболее мощным средством давления на ирландскую экономику. Самым тяжелым последствием Унии была отмена покровительственных пошлин и поощрительных мер для развития ирландской промышленности и торговли, принятых дублинским парламентом. Ирландии отводилась роль аграрного придатка Англии, которая подавляла ее своим экономическим могуществом. Ирландия снабжала английское хозяйство дешевым продовольствием, сырьем и дешевой рабочей силой, а также капиталовложениями, которые взимались с ирландского народа в форме ренты и десятины [8: с. 536].

Начавшаяся в это время в Англии промышленная революция не затронула Ирландии. Даже в сохранившемся льняном производстве благодаря дешевизне рабочих рук, а также в силу общей экономической отсталости вплоть до первых десятилетий XIX в. господствовал ручной труд; преобладающей формой здесь была рассеянная мануфактура [2: с. 130]. Единственным источником существования для подавляющего большинства ирландского населения оставалась обработка земли. По данным 1841 г., 70 % мужчин в возрасте свыше 16 лет занимались сельским хозяйством. В основном это были арендаторы, обрабатывающие мелкие и мельчайшие участки; почти половина из них арендовала участки менее 1 акра, а 20 % — от 1 до 5 акров. При этом арендная плата в 2–3 раза превышала плату в Англии [2: с. 186]. Между арендатором и владельцем, как правило, стояло несколько посредников, и каждый из них обогащался за счет крестьян. Не было никаких законов, охранявших в самой минимальной степени права арендатора и ограничивавших произвол лендлорда. Над ирландским крестьянином как дамочков меч постоянно висела угроза изгнания с его же земли [2: с. 187].

В 20-х гг. XIX в. стала проявляться тенденция к укрупнению земельных владений, к слиянию мелких участков в более крупные, пригодные для пастбищного хозяйства. Эта тенденция отражала изменения в экономике самой метрополии, в потребностях британского рынка. Слишком мелкий арендатор становился невыгодным для помещика. При понижении цены на хлеб приложение труда к маленькому

участку не давало достаточно продукта, чтобы оплатить труд пахаря и дать ренту помещику. Вопрос о том, как удалить земледельца, решался просто: изгнать. Это соответствовало социальным условиям того времени и тогдашним воззрениям. Изгнания становятся в Ирландии обычным делом. Создается особая общественная организация, предназначенная для выполнения этой функции. Происходило это так: «процесс-сервер» — судебный чин, который оповещал арендаторов о решении лорда их выселить. Если они немедленно не исполняли это приказание, являлся «драйвер» — чиновник вроде судебного пристава, который должен был привести в исполнение приказание, заявленное процесс-сервером. Если арендаторы, что происходило почти постоянно, не исполняли его требования, он призывал к себе на помощь так называемых «клубаров», в точном переводе — ломовщиков. Это были люди, вооруженные ломом. Общая численность их в Ирландии в 1850-х гг. равна была 12 000 человек. Их задача заключалась только в том, чтобы выселять арендаторов и разрушать при этом их жилища. Только в течение 10 лет с 1841-го по 1851 г. ими было разрушено 269 253 дома [1: с. 207–208].

Английское правящее общество руководствовалось принципом священной неприкосновенности частной собственности, а потому и не считало возможным как-либо ограничить власть лендлордов над их арендаторами в Ирландии [1: с. 217]. Еще менее церемонились англичане в борьбе против ирландской промышленности и торговли. Как только было замечено, что «Зеленый остров» начинает конкурировать с Англией, они тотчас же принимали меры. Сперва Ирландии было запрещено вывозить для продажи мясо, сыр и масло. Тогда ирландцы стали разводить овец и вывозить овечью шерсть на иностранные рынки. Англия увидела в этом опасность для своей шерстяной промышленности и запретила Ирландии вывозить шерсть куда-либо, кроме Англии. Затем последовал запрет на вывоз сукна, полотна и других товаров [4: с. 4].

Все эти меры разоряли промышленность Ирландии. Страна оказалась вынужденной все товары покупать у англичан по завышенным ценам. И в то же время ей пришлось снабжать Англию по дешевым ценам своим сырьем (шерстью и хлебом).

Молодая ирландская промышленность не могла выдержать конкуренции своего «партнера». Ирландский революционер Томас Мигер в 1847 г. подвел печальный итог британского господства. «Дублинская х/б промышленность, — писал он, — в которой было занято 14 тысяч рабочих, уничтожена, 3400 шелкоткацких станков уничтожено; производство саржи, в котором был занят 1491 рабочий, уничтожено; фланелевое производство Рэтдрема, производство одеял в Килкенни, камлотовый промысел в Бэндоне, шерстяные мануфактуры Уотерфорда, ратиновые и баковые мануфактуры Кэрри-он-Сюр уничтожены. Есть только одна отрасль промышленности, которую пощадил Акт об Унии. Это процветающая, привилегированная отрасль — ирландское похоронное дело» [2: с. 186].

Часть населения Ирландии вследствие этих событий была вынуждена эмигрировать в Англию и Америку. В этих странах ирландские эмигранты поглощались быстро растущей в те годы промышленностью. «Английская промышленность, — писал Ф. Энгельс в 1845 г., — не могла бы развиваться так быстро, если бы Англия не нашла в многочисленном и бедном населении Ирландии резерва, готового к ее услугам» [6: с. 325].

В 1830–1840-х гг. масса ирландского населения устремила на строительство железных дорог в Англии и Ирландии. Тогда и родилась поговорка: «Под каждой шпалой в Англии похоронен ирландец» [2: с. 188].

Экономические притеснения сопровождались полицейскими гонениями. В Ирландии англичане держали большое войско и многочисленную полицию. Они распоряжались в стране через своих губернаторов и чиновников, арестовывали и ссылали недовольных, препятствовали всякому общественному делу и начинанию.

Страшным итогом первой половины XIX столетия стал голод, поразивший Ирландию в 1845–1849 гг. Голод был вызван неурожаем картофеля, который случался в Ирландии и раньше, однако не носил столь масштабного характера, как в 40-е гг. XIX в. Повсеместное падение урожая картофеля было вызвано *Phytophthora infestans* (эпидемическим заболеванием корнеплодов) [12: с. 94]. Болезнь картофеля, подобная той, что появилась в Ирландии, была впервые обнаружена в Северной Германии в 1830 г. Она вспыхнула на восточном побережье США и Канады осенью 1842 г., а в 1845 г. перекинулась в Ирландию. Но голод такого масштаба разразился в одной лишь Ирландии вследствие того, что только в Ирландии крестьянское население всецело зависело от урожая картофеля и только в Ирландии правительство метрополии допустило, что болезнь картофеля привела к столь катастрофической убыли населения [9: с. 29]. Дело в том, что зерно, выращиваемое ирландским крестьянином, предназначалось исключительно для продажи, чтобы затем заплатить ренту лендлорду. Если крестьянин не находил денег, то лендлорд мог его выселить с арендуемого участка, а это означало для него неминуемую смерть [11: с. 22]. Многие отчаявшиеся ирландцы считали, что «болезнь» на картофель ниспослана свыше, а голод наслали английские лендлорды [3: с. 59–72].

Ирландская экономика голодных лет соединила в себе несовместимые тенденции. В то время когда тысячи людей умирали от голода, экспорт из Ирландии в Британию не прекращался: «В течение всех голодных лет Ирландия производила продукты питания, шерсть, лен в таком количестве, что могла накормить и одеть не 9 млн. человек, а 18. Корабль, вышедший из английского порта с грузом зерна в голодающую Ирландию, по дороге встречался с 6-ю такими же, плывущими в британские порты, только теперь уже с зерном из Ирландии», — писал Дж. Митчел [7: с. 75]. «Великий голод» оставил ненависть к Англии, которая живет в сердцах ирландцев и поныне, как в самой стране, так и в Америке.

Таким образом, особенность социально-экономического положения Ирландии в первой половине XIX в. заключалась в ее полуколониальной зависимости от Англии. Акт об Унии, вступивший в силу с 1 января 1801 г., стал наиболее мощным средством давления на ирландскую экономику, фактически превращал Ирландию в аграрный придаток Англии, ориентированный на зерновое хозяйство. Для развития других отраслей экономики были созданы непреодолимые препятствия. Ирландия снабжала английское хозяйство дешевым продовольствием, сырьем и дешевой рабочей силой, а также капиталовложениями, которые «выколачивались» из ирландского народа в форме ренты и десятины.

Литература

1. *Афанасьев Г.Е.* История Ирландии. М.: ЛКИ, 2006. 320 с.
2. История Ирландии / Отв. ред. Л.И. Гольман. М.: Мысль, 1980. 390 с.
3. *Ерофеев Н.А.* «Великий Голод» 1846–1848 гг. в Ирландии // Новая и новейшая история. 1974. № 1. С. 59–72.
4. *Керженцев П.М.* Ирландия (исторический очерк). 3-е изд., дополн. М.: Красная новь, 1923. 60 с.
5. *Керженцев П.М.* Ирландия в борьбе за независимость. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. 246 с.
6. *Невилл П.* Ирландия. История страны. М.: Эксмо, 2009. 351 с.
7. *Gallagher T.* Paddy's lament Ireland 1846–1847. Prelude to hatred. New York: Mariner Books, 1982. 372 p.
8. *Kelly P.* British and Irish politics in 1785 // English historical review. July 1975. Vol. XC. № 356. P. 536–563.
9. *Kinealy Ch.* Beyond revisionism: reassessing the Great Irish Famine // History Ireland. Winter 1995. Vol. 3. № 4. P. 28–35.
10. *Mill J.St.* Chapters and speeches on the Irish land question. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1870. 136 p.
11. *Speed P.F.* The potato famine and the Irish emigrants. London: Longman, 1976. 96 p.
12. *Woodham-Smith C.* The Great Hunger. Ireland 1845–1849. New York: Harper & Row, 1962. 528 p.

References

1. *Afanas'ev G.E.* Istoriya Irlandii. M.: LKI, 2006. 320 s.
2. Istoriya Irlandii / Отв. red. L.I. Gol'man. M.: My'sl', 1980. 390 s.
3. *Erofeev N.A.* «Velikij Golod» 1846–1848 gg. v Irlandii // Novaya i novejšhaya istoriya. 1974. № 1. S. 59–72.
4. *Kerzhencev P.M.* Irlandiya (istoricheskij ocherk). 3-e izd., dopoln. M.: Krasnaya nov', 1923. 60 s.
5. *Kerzhencev P.M.* Irlandiya v bor'be za nezavisimost'. M.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izd-vo, 1936. 246 s.
6. *Nevill P.* Irlandiya. Istoriya strany'. M.: E'ksmo, 2009. 351 s.

7. *Gallagher T.* Paddy's lament Ireland 1846–1847. Prelude to hatred. New York: Mariner Books, 1982. 372 p.
8. *Kelly P.* British and Irish politics in 1785 // English historical review. July 1975. Vol. XC. № 356. P. 536–563.
9. *Kinealy Ch.* Beyond revisionism: reassessing the Great Irish Famine // History Ireland. Winter 1995. Vol. 3. № 4. P. 28–35.
10. *Mill J.St.* Chapters and speeches on the Irish land question. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1870. 136 p.
11. *Speed P.F.* The potato famine and the Irish emigrants. London: Longman, 1976. 96 p.
12. *Woodham-Smith C.* The Great Hunger. Ireland 1845–1849. New York: Harper & Row, 1962. 528 p.

A.A. Cherepneva

The Economic State of Ireland in the First Half of the XIX Century

The article is devoted to the economic state of Ireland in the first half of the XIX century. The author reveals in detail the relationship of Ireland and England in that period. The unsatisfactory results, which were the outcome of policy of England and Ireland in the first half of the XIX century are shown.

Key words: Ireland; «Irish question»; Union of in 1801; the Great Famine.

Н.В. Татаркина

Национальная идентичность и межнациональные противоречия в немецких войсках

Работа посвящена взаимоотношениям между немцами и иностранцами, воевавшими в немецкой армии. Статья основана на протоколах допросов военнопленных и писем убитых солдат и офицеров. Эти документы были составлены и изъяты в ходе Синявинской наступательной операции (лето – осень 1942 г.) под Ленинградом.

Ключевые слова: Национальная идентичность; межнациональные противоречия; Битва за Ленинград.

Проблема изучения межнациональных отношений в противоборствующих армиях Великой Отечественной войны является малоизученной страницей истории Второй мировой войны. Наряду с боевыми и не боевыми потерями, вопросами вооружения и обеспечения войск, взаимоотношениями между людьми на передовой в текущую картину боевых действий вмешивался вопрос расовой чистоты и идеологического обоснования для участия в войне против Советского Союза.

Нацистская идея расовой чистоты находила свое воплощение на полях сражений, что наиболее ярко отражено на примере взаимоотношений между народами, воевавшими на стороне Германии, и этническими немцами. Наряду с суровыми условиями на передовой добавлялись и межнациональные противоречия, которые, по сути, в условиях боевых действий никак не решались. Именно поэтому представители других национальностей, как правило, были для этнических немцев объектом для насмешек и унижений.

Могли ли возникнуть подобного рода противоречия в Красной Армии? Безусловно, были сложности, связанные, например, с языковым барьером или образом жизни. Но в целом, в Красной Армии такой проблемы изначально не могло быть, поскольку Советский Союз — государство многонациональное, насчитывавшее представителей более двухсот наций. Вопрос о превосходстве одной нации над другой для Советского государства был даже в теоретической постановке невозможен. К тому же перед советскими войсками была одна-единая цель для всего народа — война с немецкими захватчиками, война с фашистской Германией. В рядах же немецкой армии представители разных национальностей, разных государств участвовали в одной войне, но с разными

ми задачами, не всегда совпадавшими с задачами Гитлера и всего немецкого командования в целом.

В исследовании вопрос о национальной идентичности в немецкой армии рассматривается на материалах Синявинской наступательной операции, которая проводилась летом – осенью 1942 г. в ходе Битвы за Ленинград. Основа исследования — это опросы военнопленных, а также письма, изъятые у плененных или убитых солдат и офицеров немецкой армии в ходе Синявинской операции. По этим документам удалось выявить не только национальный состав частей, принимавших участие в Синявинской операции, но также и те межнациональные противоречия, которые сформировались в войсках.

В середине 1942 года в немецких частях обострился национальный вопрос. Это было связано с тем, что с 1942 года число иностранцев, воевавших на стороне немецкой армии, значительно увеличивалось. Потери на советско-германском фронте были несоизмеримы с потерями в предыдущих военных кампаниях в Европе. Немецкое командование мало заботил вопрос о расовой чистоте «пушечного мяса», которое собиралось со всей Европы для пополнения немецкой армии. «Пополнилась рота только за счет возвратившихся из госпиталей» (ЦАМО. Ф. 459. Оп. 4634. Д. 249. Л. 211). «Специального пополнения роты не получали. Пополнялись и продолжают пополняться за счет возвращающихся еженедельно из лазаретов и отпусков 6–7 человек» (ЦАМО. Ф. 459. Оп. 4634. Д. 249. Л. 220). Разумеется, представители такого пополнения жаждали скорейшего окончания войны, а не рвались в бой.

По отношению к иностранным солдатам, входившим в состав немецких войск, советская разведка высказывалась достаточно однозначно: «Особо надо отметить, что на участке нашей армии сосредоточены батальоны, укомплектованные из ублюдков самых разнообразных национальностей — тут и голландцы, и норвежцы, и поляки, и латыши, и эстонцы. Тот факт, что фашистское командование вынуждено в большом количестве использовать такие части, ясно говорит о том, что у фашистов уже не хватает войск, не хватает резервов, и оно вынуждено собирать отовсюду всякий сброд, изменников, негодяев всех наций, чтобы продолжать войну на восточном фронте» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 10. Л. 235 об.).

Рассмотрим, какие же трудности возникали в рекрутских частях СС и чем это было обусловлено в каждом случае.

Основу Латышского батальона составляли сами латыши, но командирами были немцы (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 126). По заявлению части военнопленных «в немецкую армию... был мобилизован /не добровольно вступил/» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 205). Несмотря на формальное равенство, «немецкие солдаты держатся слишком гордо, даже заносчиво и в разговоры с латвийскими солдатами не вступают. Немцы выказывают свое превосходство и недоверие к ним» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 206).

Немцы даже в плену не скрывали своего отношения к латышам. Так, оберлейтенант специальной звукоулавливающей части на вопрос о возможном

наступлении ответил: «...сейчас наступления не будет, иначе не латыши бы здесь находились, латыши для наступления «недостаточно квалифицированы», вежливо резюмировал он. «Если бы предполагалось наступление, сюда были бы переброшены сильные ударные части и резервы» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 215).

В целом получалось, что латыши воевали без охоты: «Латышские солдаты вообще настроены против войны, но под силой немецкого давления показывают, что они воюют искренне, как и немцы, против Красной армии. У латышей большое желание уйти с фронта домой. Последнее время участились случаи саморанения, отдельные солдаты простреливают себе руки, ноги — 18 июля в б-не было 5 случаев. Врач обнаружил у одного солдата саморанение, которого взяли под следствие. За саморанение в б-не командование преследует и отдает всех виновных в проявлении нежелания служить под суд» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 234). Хотя, скорее всего, в случае удачного наступления немецких армий настроение латышей могло бы быть диаметрально противоположным.

Иное положение было у финской армии. Эта, по сути, самостоятельная боевая часть под давлением своего правительства была вынуждена воевать на стороне фашистской Германии. «Финский добровольческий батальон. Еще до начала войны с Советским Союзом немцы провели негласную вербовку финнов в В-СС. Вербовочная кампания дала немцам 1200 добровольцев. В течение мая – июня 1941 года добровольцы партиями прибывали из Финляндии в Германию» [1: с. 467].

Разочарование финнов в войне и немцах проявилось еще в 1941 году и к лету 1942 года лишь обострилось. Финны не могли терпеть немцев ни в тылу, ни на передовой: «...часто между немецкими и финскими солдатами происходят драки, и солдаты прямо говорят: “Как бы этих немцев выгнать из Финляндии”» (ЦАМО. Ф. 23А, Оп. 10859, Д. 107. Л. 51); «...каждый из нас чувствовал, что присутствие немцев ставит нас в подчиненное положение, что какая-то тяжесть лежит на наших плечах. Все знают, что в тылу немцы развращают наших девушек и женщин. Это является повседневной темой наших разговоров... С финнами немцы не общаются, за исключением случаев, когда это необходимо по службе. Они держатся изолированно» (ЦАМО. Ф. 23А. Оп. 10859, Д. 107. Л. 86 об.). Острота противоречий нашла отражение даже в военном фольклоре. Об этом свидетельствует популярная среди финнов песня:

ФРОНТ ВНУТРИ СТРАНЫ¹

Закончился день, и ночь наступает,
Орудия на минутку замолкли,
Молодые солдаты получили на время покой,
Их мысли мчатся домой.
Там в кустарниках немцы в любовь играют.

¹ Песня финских солдат из захваченных тетрадей убитых. 20.7.1942 г., южн. Бол., Харвази.

От альпийских Сапогов остаются только следы.
Там наши «доблестные» женщины отдыхают
На руках саксманов¹.

Финские солдаты ощущали двойное давление в этой войне — с одной стороны, от своего правительства, которое заставляло их служить в подчинении немецкой армии, с другой — непосредственно от немцев, которые, не стесняясь, выражали свое превосходство и силу по отношению к финнам. К тому же подобное отношение со стороны немцев финны испытывали и на передовой, и на родине.

Основу Норвежского легиона составляла молодежь, которая искала лучшей жизни: «По возрасту большинству солдат легиона — 22 года... Больше всего в батальоне солдат из крестьян. Рабочих, рыбаков очень немного. Студентов, сыновей богатых тоже немного. Есть среди легионеров сыновья крупных квислинговцев, которые послали своих детей в легион, чтобы выслужиться перед немцами. Таких немного. У значительной части легионеров нет никакой профессии — они не успели ее получить, так как нигде не работали. Основное, что привлекло этих людей в легион, — это даже не жалованье. Они считают, что немцы будут победителями в этой войне и тогда те, кто воевал за немцев — получают самые лучшие места в Норвегии. Так обещали легионерам, и они верят этому» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 82).

Однако служба оказалась намного серьезней, чем они предполагали: «Легионеры считают, что они обмануты, так как были завербованы для полицейской службы внутри страны, а были направлены на передовые позиции» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 373). В результате норвежцы столкнулись с большими потерями, к которым они не были готовы: «Сюда в Россию прибыло около 800 норвежцев, сейчас их осталось не более 450–500, остальные убиты, ранены или больны. Убитых около 100 человек... Пополнение норвежский батальон получал только один раз в количестве 30 человек» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 85, 86).

Такое положение дел не внушало норвежцам оптимизма. Наоборот, большинство жаждало завершить свою службу и вернуться домой. Для этого они были готовы к любым ухищрениям: «Солдаты очень хотят поскорее уйти с фронта. Например, офицеры запрещают пить сырую воду, так как много заболеваний дизентерией, но многие пьют сырую воду, чтобы заболеть и таким путем попасть на родину» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 89). «Отмечено несколько случаев саморанений и дисциплинарных проступков /сон на постах, различные опоздания, слабая бдительность на постах/» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 373).

«Отношения между немцами и норвежцами не враждебные, но и сердечными их тоже назвать нельзя. Драк, столкновений, ругани между норвежцами

¹ Саксман — немец (оскорбительная форма). В письме солдату Косонен девушка пишет: «Песня о немцах, которая у Вас на фронте, по-видимому, популярна, пожалуй, соответствует действительности».

и немцами не было» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 88). Однако «немцы относятся презрительно к норвежцам и называют легион норвежским цирком» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 373). Подобные высказывания не могли служить опорой во взаимоотношениях немецких и норвежских солдат.

Также отдельную боевую часть представлял собой Голландский добровольческий легион «СС». Официально считалось, что голландский легион был полностью добровольческий, однако показания военнопленного заставляли по-иному взглянуть на этот факт: «В мае 1941 г. я уехал в Германию г. Гонновер, где работал помощником шофера на вино-водочном заводе “Генриха Арибрехта”». . . На указанном мною заводе работало до 30 голландцев. 30 августа хозяин завода сказал, что кто хочет, тот может ехать домой и никто им не препятствует, по этому случаю я с товарищами пошел в пивную и напился допьяна. Вскоре в пивную зашел хозяин завода и сказал мне: “Дайте документы для оформления к поездке на родину”, я отдал паспорт и пошел с хозяином в здание, которое занимала полиция, где я расписался на поданном мне бланке и ушел на квартиру. Через дня три на квартиру явился полицейский и предложил мне отправиться на комиссию, я сказал: “Зачем мне идти на комиссию? Я завтра уезжаю на родину”, тогда полицейский еще объявил, что я подписал бланк, где изъявляю свое желание поступить в добровольческий Голландский легион. Не желая вступать в легион, через дня два после прохождения комиссии я сбежал в Голландию на родину, оставив у хозяина все документы. В январе 1942 года на квартиру ко мне явился голландский полицейский, который мне сказал: “Вы дали подписку о желании служить в добровольческом легионе и сбежали. Вам остается выбрать одно: или идти в легион или Вы будете расстреляны”. По предложению родителей я решил идти служить в легион» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 284, 285).

Помимо этого, «Состав легиона комплектовался из уголовных элементов, присужденных к различным срокам тюремного заключения. Были случаи, когда уголовных преступников досрочно освобождали из тюрьмы и зачисляли в легион. Другая часть легиона комплектовалась из безработных, отказывавшихся ехать в Германию» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 287).

Как и в большинстве случаев с иностранными войсками, «90 % младшего и офицерского состава в легионе составляют немцы» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 287). Отношение к голландцам со стороны немцев было презрительное: «Немцы называют их цыганской бандой. Питаются голландские солдаты хуже немецких. Среди голландских солдат можно слышать разговоры о том, что их немцы посылают на более опасные позиции и считают, что никто из легионеров на родину уже не вернется» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 288). «Тяжелые условия службы, суровая требовательность и мелочная придирчивость офицеров плохо отражается на настроении солдат. К этому следует добавить мрачные письма из дома, в которых сообщается о тяжелом продовольственном положении в Голландии, доходящем до голо-

да. Все это весьма ослабляет политико-моральное состояние солдат» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 332. Л. 235).

В результате к середине 1942 года у голландцев, несмотря на то, что «дисциплина хорошая» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 287), желания воевать не было: «...они знают, что воюют не за свои интересы, а за немцев. Из разговоров с солдатами Норвежского легиона знает, что настроения у них такие же, как и у голландцев, т.е. против войны» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 288).

Подобно другим солдатам, которые свою грусть изливали в письмах, стихах и сказках, голландцы сочиняли анекдоты: «Гитлер и Геринг обдумывают план нападения на Англию. Как это сделать. Они вспомнили, что Моисей провел евреев через море. Решили спросить еврея, как Моисей это сделал. Еврей пришел. На вопрос Гитлера он ответил: это очень просто. Моисей ударил жезлом по воде, и море расступилось. Гитлер спрашивает: а где этот жезл? Еврей говорит: это тайна. Я сообщу ее вам за дорогую цену. Еврею дали денег. Тогда он говорит: это очень просто. Жезл находится в Англии, в Британском музее. Пойдите и достаньте» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 294, 294 об.). Итак, даже в наиболее дисциплинированной иностранной части немецких войск отношение к войне и германскому правительству было отрицательным.

О положении дел в испанских частях свидетельствуют протоколы допросов, причем 8 из 10 — это протоколы перебежчиков, а не военнопленных. Это конечно же сразу свидетельствует об остром нежелании испанцев воевать на стороне немцев. Тем более что испанцы так определяли основной мотив вступления в 250-ю дивизию: «С целью перехода на сторону русских» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 294, 294 об.). «Перебежчик, поступая добровольцем с целью перехода на сторону русских, предупредил об этом отца, который с ним согласился» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 106).

В основном, записываясь в добровольную часть, испанцы бежали от своих внутренних проблем, которые они не в состоянии были решить на родине: «Пополнение дивизия имеет из добровольно вступающих испанцев, желающих в большинстве своем найти более легкую жизнь в армии и избежать тяжелого режима жизни в Испании» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 30). Но, как оказалось, многие прогадали, так как «...думали, что воевать в России легче, а оказалось трудно и опасно» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 31). К неудобствам боевым добавились неудобства житейские: «В бане не были с момента вступления в армию» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 31), «В баню ходят редко, но так как ходят не все вместе, а каждый в отдельности, то вшивость не переводится как у рядовых, так и у офицеров. За последнее время очень много больных в роте простудными и желудочными заболеваниями» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 199). Неудивительно, что «Отношение солдат к войне отрицательное. Веру в победу Германии все потеряли. Перейти на сторону русских желающих много, но сделать это боятся. За сол-

датами установлена слежка и, кроме того, боятся наших минных полей и расстрела» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 435).

В отличие от норвежцев и голландцев, «Дисциплина у солдат плохая. Держится только на подзатыльниках сержантов и офицеров, нарушения дисциплины очень частые, за оружием смотрят плохо» (ЦАМО. Ф. 42А. Оп. 9249. Д. 26. Л. 435). «В дивизии имеются частые нарушения дисциплины, пререкания с млад. офицерами, невыполнения приказаний, сон на посту. Солдаты очень недовольны большим количеством работ по обороне и плохим питанием. Моральное состояние, по мнению перебежчика, плохое, неустойчивое» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 54).

Чтобы боевой дух испанцев не был окончательно подорван, немецкое командование скрывало от них истинное положение дел на всем советско-германском фронте: «О текущем моменте солдатам известно лишь из наших радиопередач. Командование же дивизии и офицеры скрывают истинное положение и говорят, что солдатам переходить нечего, так как Москва, взята, Сталинград на грани падения, а Ленинград тоже будет взят. Взаимоотношения с офицерами очень плохие. Часто можно видеть избитых солдат за малые проступки» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 77).

Помимо этого за дисциплиной и моральным духом испанских солдат следили и их соотечественники, убежденные в победе Германии: «Всем испанским солдатам надоела война за чужие интересы. На родине в Испании очень тяжелая жизнь и население недовольно режимом, созданным Франко. Среди солдат имеется все же достаточное количество фалангистов, с помощью которых офицеры палочным режимом держат дисциплину на должном уровне, но все же политико-моральное состояние дивизии плохое» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 333. Л. 199). Однако «Переходу на сторону Красной Армии мешает сильная слежка за солдатами со стороны офицеров и фалангистов, и, чуть что заметят, расстреливают» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 332. Л. 187).

Отрицательно на настроении солдат сказывались и взаимоотношения с офицерами: «Офицеры бьют солдат. Устраивают за ними слежку. Как за преступниками. Недавно был расстрелян один из солдат за попытку перейти на сторону Красной Армии» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 332. Л. 141). «Отношения с офицерами плохие, у офицеров очень большое о себе мнение, и они относятся к солдатам очень плохо. Среди солдат наблюдаются случаи невыполнения приказаний и отказа выполнять их» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 332. Л. 221).

Но в наиболее тяжелом положении по сравнению с другими иностранными представителями в немецких войсках оказались поляки. Во-первых, большинство из них совершенно не желали воевать, но их к этому умело вынуждали. Вот как проводилось комплектование немецких частей поляками: «Начиная с февраля месяца 1942 г. немецкие власти в Польше стали призывать в германскую армию бывших солдат польских армий, находящихся в лагерях военнопленных с 1939 г.,

также призвали и гражданских лиц, бывших в трудовых лагерях. Порядок призыва происходит следующим порядком: Перед зачислением в армию военнопленный вызывался в полицию, где его начинали убеждать, что он является немцем и германским подданным (что было с перебежчиком РОТТ) и если военнопленный отстаивал свою польскую национальность, то его отправляли обратно в лагерь, предварительно предупредив, что его упорство может повлечь плохие для него последствия. Если же военнопленный соглашался с доводами полиции, то ему выдавали удостоверение о его подданстве Германии и с груди снимался опознавательный знак буква «П» и он отправлялся в лагерь около города Штетин, откуда через 7–10 дней повесткой вызывался в полицию и направлялся в один из запасных батальонов, стоявших в г. Штетин... Военнопленных и гражданских лиц, находящихся в лагерях, вызывают в полицию до тех пор, пока они не согласятся принять германское подданство, или просто без их согласия вручают им удостоверение о том, что он является германским подданным. Одновременно с вызовами в полицию, лицам, не соглашающимся принять немецкое подданство, в лагерях создаются нетерпимые условия с целью воздействовать на них в сторону вынужденного соглашения принять германское подданство. Полиция устраивает так, что лица, отказавшиеся пойти служить в германскую армию и направленные в концлагеря, передают записки товарищам в лагерь, откуда они были взяты, о том, что условия жизни в концлагерях ужасные и лица, сидящие в лагерях, обречены на медленное умирание от голода или побоев стражи. Эти драконовские мероприятия сделаны для того, чтобы повлиять на упрямых поляков, и нужно отметить, что немцы достигают своей цели. Таким порядком немецкие фашисты пополняют свою армию за счет военнопленных оккупированных ими стран. Перебежчику известно, что с февраля месяца 1942 г. из лагерей взято в германскую армию около 3000 человек военнопленных и гражданских лиц» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 1012. Л. 275, 276).

Во-вторых, жизнь поляков осложняли взаимоотношения с немцами: «Поляки питают сильную злобу против немцев за издевательства и насилия. Польское население после работы не имеет права выходить из своих домов, за исключением понедельника, вторника и пятницы, когда они могут выходить только до 20.00, и то в определенные районы. Польский язык в школах, большинство которых закрыто, — запрещен; в существующих школах немецкий язык. Говорить по-польски на улицах запрещено. Проповеди в костелах на польском языке тоже запрещены. Многие костелы закрыты, а ксендзы брошены в концентрационные лагеря. Немцы забрали землю и все недвижимое и движимое имущество у многих польских крестьян, угнав их неизвестно куда в Германию. То же случилось и с семьей перебежчика Франца РОТТА. У поляков немцы забирают все ценное. На улицах раздевают польских женщин, одетых в меховые пальто. Полякам в магазинах ничего не продают. О поляках писали, что они нечто вроде евреев и подлежат уничтожению. Летом 1941 г. Гитлер в своем выступлении по радио и

в печати сказал, что поляки — враги немцев: «Польша нет, не должно быть и поляков» (ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 1012. Л. 277).

Поляки, в отличие от других иностранцев, воевали не отдельным соединением, а в составе немецких частей. Отношение к немцам у большинства из них было враждебное: «Польские солдаты настроены против немцев, так как они заняли Польшу, ограбили ее и ввели смертную казнь для поляков» (ЦАМО. Ф. 318. Оп. 4636. Д. 90. Л. 320). Именно поэтому «Немецкие солдаты к Польским относятся очень осторожно, боятся, чтобы поляки не сговорились между собой о переходе к русским, а также не побили немецких солдат. По этим причинам всех польских солдат стараются разместить в разных частях и за каждым поляком ведут наблюдение» (ЦАМО. Ф. 318. Оп. 4636. Д. 90. Л. 320). «Поляки только рядовые... за поляками ведется особое наблюдение, так как немцы всегда подозревают их в измене и в желании сбежать с поля боя, а также в стремлении перейти на нашу сторону» (ЦАМО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 72. Л. 183).

Но, несмотря на все предосторожности, часть поляков все же добивалась своего: «ВОПРОС: Что вы слышали о переходе группы поляков на сторону русских 10–14 июля с.г.?

— Многие солдаты, а также унтер-офицеры говорили, что между 10 и 14 июля с.г. большая группа поляков и несколько немецких унтер-офицеров из 489 ПП перешли в плен к русским. Какое количество поляков перешло в плен, я не знаю. После этого всех поляков, за исключением незначительного количества, разоружили, погрузили в вагоны и отправили в неизвестном направлении. В настоящее время в каждой роте имеется в среднем от 2 до 4 поляков» (ЦАМО. Ф. 318. Оп. 4636. Д. 90. Л. 358).

Недовольство существующим положением выливалось у поляков в увеличение количества самострелов, дезертирства, нарушений дисциплины.

Таким образом, можно утверждать, что не было, да и не могло быть единения между представителями разных национальностей в составе немецкой армии. Главная причина этому — разные интересы, за которые они воевали. Немецкое командование смогло объединить иностранцев под одним знаменем, но не смогло оправдать их надежды, выполнить все обещания Германского правительства. Ведь многие верили в молниеносную победу Германии в 1941 году, но когда война затянулась и иностранные части оказались вовлеченными в позиционную войну, возникло много вопросов, на которые немцы ответить не могли. И эта ситуация также повлияла на обострение отношений между немцами и представителями других наций и государств, воевавших на стороне Германии.

Одни, как испанцы, уходили от своих внутренних проблем; другие, как финны, были вынуждены воевать под давлением своего правительства, которое в свою очередь питалось обещаниями немецкого руководства; норвежцы искали легкой работы, а получили передовую на Восточном фронте; а у таких, как поляки, выбора, по сути, не было вообще — в этой войне они потеряли

все — и свою родину, и свою свободу. Но никто из них не смог каким-либо образом улучшить свое положение, находясь в немецких частях.

Немцы понимали необходимость рекрутирования дополнительных сил в свои войска, но бросали иностранные части на самые опасные участки фронта, при этом всячески унижая их. Таким образом, немцы сами обостряли и без того сложные взаимоотношения между представителями разных национальностей. Даже рядовые немцы относились к иностранцам свысока, недоверчиво, и поэтому помимо передовой, где жизнь подвергалась опасности каждую минуту, последние постоянно испытывали на себе «расовое превосходство» «чистопородных арийцев».

Литература

1. Семенов К.К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте // Крестовый поход на Россию / Ред.-сост. М. Чернов. М.: Яуза, 2005. С. 461–477.

References

1. *Semenov K.K. Inostranny'e dobrovol'cheskie legiony' i korpusa SS na Vostochnom fronte // Krestovy'j pohod na Rossiyu / Red.-sost. M. Chernov. M.: Yauza, 2005. S. 461–477.*

N.V. Tatarkina

National Identity and Ethic Conflict in the German Army

The work is devoted to the relationship between Germans and foreigners who fought in the German army. The article is based on the interrogation records of prisoners of war and letters of killed soldiers and officers. These documents were drawn up and confiscated in the course of Sinyavino offensive (Summer-Autumn of 1942) near Leningrad.

Key-words: national identity; ethic conflict; the Battle for Leningrad.

Ф.А. Михайловский

Изучение истории Древнего Востока в 5 классе

Статья посвящена научно-методическим проблемам преподавания истории Древнего Востока в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: методика преподавания истории, учебники.

Цель настоящей публикации — характеристика одной из основных методических особенностей учебника по истории Древнего мира для 5-го класса, написанного автором и входящего в перечень учебных изданий, рекомендованных Министерством образования РФ для преподавания в школе [5]. Особенностью учебника, о которой идет речь, является предложенная последовательность изучения учебного материала по истории Древнего Востока. Многочисленные отклики и рецензии за достаточно длительный период существования учебника (2000–2012 гг.), а также дискуссии на научно-методических конференциях и семинарах свидетельствуют, что именно построение раздела «Древний Восток», отличное от принятого в других учебниках, чаще всего вызывает вопросы, а порой встречает непонимание.

В качестве примера можно взять отзыв об учебнике в статье А. Боева «Подобрать ключи к мировой истории. Обзор учебников всеобщей истории для основной школы»: «...с методической точки зрения этот учебник выстроен довольно странно. Сначала в главе «Цивилизация речных долин» изучается сразу несколько стран: по параграфу отведено на Египет, Индию и Китай, Междуречье, Вавилон. В следующей главе опять изучается Египет, и далее автор опять возвращается к Индии и Китаю. Разобраться в этом варианте «цивилизаций» пятикласснику будет непросто...» (lib.1september.ru/2004/07/14.htm (дата обращения: 14.04.2012 г.)).

Приходится констатировать, что даже оглавление учебника А. Боев прочитал невнимательно и не полностью, искажив структуру главы 3 и ее название (цивилизации, а не «цивилизация») и пропустив главу 5 «Западная Азия в век железа».

В целом обзор учебников, выполненный А. Боевым, производит странное впечатление. Об одних учебниках он отзывается кратко и крайне комплиментарно, на другие обрушивается с критикой. Но во всех случаях судит о них весьма поверхностно. С научной базой статьи тоже не все в порядке. А. Боев критикует «цивилизационный подход» к истории, заодно и формационный. Последнему он приписывает «представление о том, что все общества в обязательном порядке должны проходить все выделенные стадии, игнорирование роли культуры в историческом процессе». Как раз ни того, ни другого ни у К. Маркса, ни у последующих теоретиков марксизма конечно же нет.

А. Боев положительно отзывается о более подробном освещении вопросов культурного развития древних обществ и истории религий на страницах современных учебников. В то же время он указывает, что «авторы пособий, избавившись от официозного «безбожия», нередко впадают в иную крайность, подавая религиозоведческий материал вне связи с научной исторической традицией». В моем учебнике его возмущает, что «Иисус представлен вполне реальным историческим персонажем», а также утверждение, что «большинство ученых считают рассказы об Иисусе Христе в основе достоверными». Последнее, по мнению критика, «на самом деле не имеет ничего общего с действительной научной традицией».

Трудно понять, что читал А. Боев по истории раннего христианства, но состояние историографии по этому вопросу он явно не знает. Историчность Иисуса Христа была признана еще в советский период [3: кн. 3, с. 167]. Любопытно, что и в учебниках, которые А. Боев хвалит, Иисус — тоже реальный исторический персонаж [1: с. 256; 7: с. 302].

Недочеты современных учебников А. Боев усматривает в следовании «цивилизационному подходу», но — что особенно занятно — не потому, что об этом подходе заявлял кто-либо из авторов учебников, а потому что «и сегодня большинство издательских каталогов с аннотациями на учебники по истории заявляют о сравнительно-историческом методе и «цивилизационном» подходе как о последнем, «единственно верном» слове современной исторической науки». Вот и надо было критиковать авторов каталогов и аннотаций.

В критике пресловутого «цивилизационного подхода» (его равно объявляли и «теорией»), который, конечно, был спущен «сверху» в качестве замены марксистской концепции, А. Боев прав. Вот что писал выдающийся отечественный ученый, востоковед И.М. Дьяконов в своей последней книге: «В течение XX в. в среде историков было довольно широко распространено полное отрицание общих закономерностей в развитии человечества; задачей историка объявлялось выявление только частных факторов или же выдвигались теории, подобные предложенной А. Тойнби; идея его может быть сведена к утверждению о последовательном возникновении и гибели причинно почти не связанных между собою цивилизаций. Такой подход представляется неплодотворным, и в настоящее время он отошел в прошлое» [2: с. 6].

Однако в защиту авторов современных учебников истории Древнего мира нужно сказать, что ни в каком школьном учебнике так называемого «цивилизационного подхода» просто нет (если не считать таковым употребление самого термина «цивилизация»). Увы, современные учебники, практически, совсем лишены какого-либо концептуального содержания.

Вот учебник Ф.П. Коровкина [4], по которому десятилетия учились школьники СССР, был концептуальным. Но марксистская теория исторического процесса устарела, а другой единой теории современная наука не предложила. Вместо этого существует множество теорий и подходов, и не дело авторов школьных учебников навязывать какую-либо из них. Остается просто рассказывать о древних обществах, их политическом и культурном развитии.

Наличие «цивилизационного подхода» в современных учебниках можно было бы усмотреть именно в той последовательности изучения истории Древнего Востока, которой следуют авторы.

Существующие учебники имеют в основе монографический (или страноведческий) принцип изложения истории Древнего Востока. Вначале изучается история Египта, затем история государств Западной Азии (Шумера, Вавилона, Финикии, Палестины, Ассирии, Персидской державы), наконец, — история Индии и Китая. В итоге можно подумать, что история Древнего Востока (совсем по А. Тойнби в формулировке И.М. Дьяконова) «сведена к утверждению о последовательном возникновении и гибели причинно почти не связанных между собою цивилизаций».

Однако такая последовательность изучения истории Древнего Востока сложилась еще в советский период — например, в учебнике Ф.П. Коровкина [4]. Для обоснования и иллюстрации марксистской концепции исторического развития на страницах школьного учебника было важно показать, что история Древнего мира (как Востока, так и античного мира) — это история рабовладельческой общественно-экономической формации. На многочисленных примерах различных государств Древнего Востока учащиеся убеждались, что повсюду государственная организация возникала по одним и тем же причинам и служила аппаратом насилия одного класса над другими, что повсюду имела место эксплуатация трудящегося населения, шла классовая борьба, а религия освящала существовавший несправедливый общественный строй и противостояла научному знанию. Как видим, страноведческий порядок изложения не противоречил исторической концепции, настаивавшей на единстве всемирно-исторического процесса, и не мешал ее внедрению в сознание школьников.

Указанная последовательность в изучении истории Древнего Востока в современных учебниках все же не вызвана «цивилизационным подходом», а просто унаследована от советской школы. Однако при этом вне поля изучения остается общая картина развития древневосточного мира. История Древнего Востока предстает как коллекция монографий по истории отдельных

стран. Между тем учащимся важно представить общий ход развития древневосточных цивилизаций, который остается без объяснения.

Казалось бы, можно изучать историю Древнего Востока как единого целого, в хронологической последовательности (синхронистический принцип). Но такие учебники существуют только для вузов [3; 6]. Для школьников были бы неприемлемы частые переходы от истории одной страны к истории других стран. Учащиеся 5-го класса еще не имеют отчетливых представлений об историческом процессе, к тому же история Древнего мира содержит большей частью незнакомый для них материал. Тем более неприемлемым было бы перемешивать историю народов Древнего Востока и историю греков и римлян, которые должны изучаться отдельно, как части курса.

И все же без объяснений исторического процесса, без выявления определенных закономерностей обойтись нельзя. Вот основные концептуальные составляющие учебника, написанного автором этих строк.

«Цивилизационный» подход к историческому процессу, который реализуется в учебнике (думается и во всех других современных учебниках), состоит всего лишь в отказе от жесткого детерминизма, то есть представления об определяющем значении какой-либо одной из сторон жизни общества, и акцентирует тесную взаимосвязь экономической, политической и духовной сфер. Многозначное понятие «цивилизация» при изучении истории Древнего Востока дается в значении «стадия общественного развития» (следующая за варварством). Понимание термина «цивилизация» как совокупности хозяйственных, политических, идеологических, особенностей определенного общества (или обществ) дается в учебнике только на примере античной (полисной) цивилизации. Изучение всей истории Древнего мира показывает, что первые цивилизации зародились не в регионах с наиболее благоприятными для развития земледелия природными условиями (где земледелие и возникло), а в долинах рек. Именно здесь требовалось появление новой организующей силы — государства. Государственность везде начинается с малых форм (номы в Египте, города-государства Шумера, античные полисы), а заканчивается в рамках истории Древнего мира процесс цивилизационного (в том числе государственного) развития повсюду образованием великих держав, сверхгосударств древности (Персидского царства, державы Маурьев, Циньской империи, державы Александра и эллинистических держав, Римской империи). Также и в отношении истории религиозного развития человечества — от повсеместного языческого многобожия к более высокому уровню религиозного сознания (яхвизм в Западной Азии, буддизм в Индии, конфуцианство в Китае, христианство в Римской империи).

В целях усиления преемственности в изложении материала, акцентирования концептуальных положений и внутренних логических связей в учебнике предлагается сочетание страноведческого принципа изложения истории Древнего Востока с синхронистическим. Материал изложен в четырех главах учебника:

1. «Цивилизации речных долин»; 2. «Древний Египет»; 3. «Западная Азия в век железа»; 4. «Великие державы Древнего Востока».

В первой главе «Цивилизации речных долин» изучается только возникновение древнейших на земле цивилизаций Египта, Междуречья, Индии и Китая. Эти темы логически продолжают изучение возникновения цивилизации на Земле, начатое уроками по истории первобытного общества. При этом учащиеся сразу получают представление обо всем ареале распространения древневосточных цивилизаций, усваивая понятие «Древний Восток». Предлагаемая последовательность изучения материала также позволяет сравнивать историческое развитие древних обществ уже на этой ранней стадии их развития.

Следующая глава учебника целиком посвящена Древнему Египту, историческое развитие которого имело достаточно изолированный характер. Глава является примером традиционного, развернутого, монографического описания истории одной страны. Материал главы сгруппирован по параграфам таким образом, чтобы в поле изучения находилось именно историческое развитие Египта в хронологической последовательности. Фактически в § 11 представлен период Древнего царства, в § 12 — период Среднего царства, в § 13 — период Нового царства, хотя названия периодов египетской истории не употребляются. § 14 посвящен изучению культуры Древнего Египта. Он является заключительным по истории Египта, на нем впервые вводится понятие «культура» (при изучении первобытного мира вводятся только понятия «искусство» и «религия»).

Представление о всемирно-историческом значении начала обработки железа, революционизировавшего мир, учащиеся получают на материале стран Западной Азии, а также истории Индии и Китая, в параграфах заключительной главы, которая в целом посвящена образованию великих держав (Маурьев, Циньской империи и Персидского царства). Здесь показано, что открытие железа привело к расширению ареала древних цивилизаций (финикийцы расширили пределы цивилизованного мира), могущественные государства возникли там, где в эпоху бронзы для этого не было условий (Израильское царство). Приближалась новая эпоха империй — и первой ласточкой стала Ассирийская военная держава.

В параграфах, посвященных Индии и Китаю, говорится не только о державе Маурьев и Циньской империи, но вообще о развитии этих стран в железном веке. Благодаря этому без ущерба для хронологии оказывается возможным завершить всю историю Древнего Востока Персидскими завоеваниями. Последнее очень важно, поскольку к истории Древней Греции логичнее всего переходить именно после изучения истории персов. Представляется, что при традиционном порядке изучения истории Древнего Востока учебники вовсе теряют слитность (материал одного параграфа должен перетекать в следующий) и логичность изложения (от Древнего Китая приходится переходить к истории Древней Греции).

В предложенном построении курса имеется, таким образом, еще одна логическая установка. Две первые главы раздела «Древний Восток» посвящены эпохе бронзы (III–II тыс. до н.э.), а две оставшиеся — эпохе железа (I тыс. до н.э.). Тем самым показан процесс распространения древних цивилизаций и более четко выделены новые культурные достижения древних народов, обусловленные наступлением железного века. Вместе с тем учащиеся получают представление как об общих тенденциях, так и о специфике исторического развития отдельных стран и регионов, а также прочно закрепляют понятие «Древний Восток».

Литература

1. *Вигасин А.А., Годер Г.И., Свенцицкая И.С.* История Древнего мира: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений. 14-е изд. М.: Просвещение, 2007. 287 с.
2. *Дьяконов И.М.* Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2007. 384 с.
3. История Древнего мира: В 3-х кн. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероной, И.С. Свенцицкой. 3-е изд., испр. и дополн. М.: Наука, 1989. Кн. 1: Ранняя древность / Отв. ред. И.М. Дьяконов. 470 с.; Кн. 2: Расцвет древних обществ / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. 572 с.; Кн. 3: Упадок древних обществ / Отв. ред. В.Д. Неронова. 407 с.
4. *Коровкин Ф.П.* История Древнего мира. 6-е изд. М.: Просвещение, 1967. 239 с.
5. *Михайловский Ф.А.* Всеобщая история. История Древнего мира: учеб. для 5 класса общеобразоват. учреждений / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. 13-е изд. М.: ТИД Русское слово – РС, 2011. 304 с.
6. *Немировский А.И.* История Древнего мира: Античность: учеб. для высш. учеб. зав.: В 2-х ч. М.: ВЛАДОС, 2000. Ч. 1. 448 с.; Ч. 2. 480 с.
7. *Уколова В.И., Маринович Л.П.* История Древнего мира: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение – Московские учебники, 2001. 335 с.

References

1. *Vigasin A.A., Goder G.I., Svenciczkaya I.S.* Istoriya Drevnego mira: ucheb. dlya 5 kl. obshheobrazovat. uchrezhdenij. 14-e izd. M.: Prosveshhenie, 2007. 287 s.
2. *D'yakonov I.M.* Puti istorii: Ot drevnejshego cheloveka do nashix dneij. 2-e izd., ispr. M.: KomKniga, 2007. 384 s.
3. Istoriya Drevnego mira: V 3-x kn. / Pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoj, I.S. Svenciczkoj. 3-e izd., ispr. i dopoln. M.: Nauka, 1989. Kn. 1: Rannaya drevnost' / Otv. red. I.M. D'yakonov. 470 s.; Kn. 2: Raszvet drevnix obshhestv / Otv. red. I.S. Svenciczkaya. 572 s.; Kn. 3: Upadok drevnix obshhestv / Otv. red. V.D. Neronova. 407 s.
4. *Korovkin F.P.* Istoriya Drevnego mira. 6-e izd. M.: Prosveshhenie, 1967. 239 s.
5. *Mixajlovskij F.A.* Vseobshhaya istoriya. Istoriya Drevnego mira: ucheb. dlya 5 klassa obshheobrazovat. uchrezhdenij / Pod red. G.M. Bongard-Levina. 13-e izd. M.: TID Russkoe slovo – RS, 2011. 304 s.
6. *Nemirovskij A.I.* Istoriya Drevnego mira: Antichnost': ucheb. dlya vy'ssh. ucheb. zavedenij: V 2-x ch. M.: VLADOS, 2000. Ch. 1. 448 s.; Ch. 2. 480 s.

7. *Ukolova V.I., Marinovich L.P.* Istoriya Drevnego mira: ucheb dlya 5 kl. obshheobrazovatel. uchrezhdenij / Pod red. A.O. Chubar'yana. M.: Prosveshhenie – Moskovskie uchebniki, 2001. 335 s.

F.A. Mikhailovsky

The Study of History of the Ancient East in the 5th Grade

The article is devoted to the scientific and methodological problems of teaching the History of the Ancient Orient in secondary school.

Key words: methods of teaching; History; textbooks.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

**Рецензия на монографию: Лунева Ю.В.
Босфор и Дарданеллы. Тайные
провокации накануне Первой мировой
войны (1907–1914). М.: Квадрига;
Объединенная редакция МВД России,
2010. 256 с.**

Монография кандидата исторических наук Ю.В. Луневой посвящена рассмотрению круга вопросов, связанных с внешней политикой стран Тройственного союза, Антанты и некоторых восточных держав (в частности Турции) касательно проблемы Черноморских проливов: Босфора и Дарданелл.

Исследование характеризуется неординарным подходом к рассмотрению проблемы дипломатической истории европейских стран и России в конце XIX – начале XX века. Автор, опираясь на богатую источниковую базу, включающую многие неопубликованные и не задействованные в отечественных исследованиях архивные материалы, раскрывает сущность проблемы Проливов как одного из двигателей в системе становления военно-политических союзов европейских государств в начале XX в. Исследование имеет все основания рассматриваться как плодотворный результат длительной, серьезной работы автора в области дипломатической истории.

Научный вклад Ю.В. Луневой состоит в том, что автор не просто рассмотрела на фоне проблемы Черноморских проливов судьбу Османской империи в начале XX в., но исследовала малоизученный процесс предпринимавшихся с 1907-го по 1914 г. попыток европейских держав изменить статус Проливов в свою пользу. Взяв за основу ключевые проблемы предвоенной политической истории, автор анализирует сущность и содержание частного вопроса — открытия Проливов Великой Портой в пользу конкретных европейских держав. Такой подход позволил грамотно осветить поставленную проблему: идея Проливов не «затерялась»

среди фактов и событий дипломатической истории начала XX в. Напротив, автор логично включила данную идею в среду общеевропейских событий (с позиции «восточного вопроса») с целью выразить политическую значимость всех противоречий между европейскими державами в отношении власти над Проливами. В итоге разностороннее видение главной проблемы дает возможность читателю составить цельное представление о политической значимости «вопроса о Проливах» в предвоенный период.

Характеризуя содержание монографии, необходимо заметить, что Ю.В. Лунева выделяет как основной в отношении Черноморских проливов узел противоречий между Великобританией и Россией. Отдельные пассажи исследования посвящены изучению германской позиции в отношении установления влияния в Турции, а также вопросам взаимоотношений стран — членов Антанты и Тройственного союза касательно турецкого вопроса. Однако в качестве ключевой проблемы автор закономерно избрала исследование взаимоотношений между политически мощной Великобританией и дипломатически слабым российским правительством. На наш взгляд, Британская империя намеренно представлена автором как некое авторитетное лицо, ибо с ее интересами действительно были вынуждены считаться страны, претендующие на турецкие территории. Правильно избранный путь решения основной проблемы исследования позволил Ю.В. Луневой в итоге акцентировать внимание на мысли о том, как бывшие политические соперники смогли стать союзниками. Иначе — как возник такой мощный блок, как Антанта. Заслуживает одобрения попытка доказательства через турецкий вопрос того факта, что реального союза между Великобританией, Францией и Россией не было и быть не могло.

Положительный момент исследования заключается в том, что Ю.В. Лунева на фоне рассмотрения серии локальных конфликтов 1908–1913 г. раскрывает с позиции Антанты сомнительную роль в данном союзе Великобритании. Ее дипломатическую линию перед Первой мировой войной она закономерно характеризует как провокационную. Прикрываясь авторитетом политических традиций и союзническим долгом по отношению к членам «Сердечного соглашения», Англия пыталась ослабить и Россию, и Францию в угоду собственным интересам. При этом политическая карта была разыграна прежде всего в отношении России, представлявшей, по мнению британцев, определенную угрозу для Империи. Интересна, но недостаточно развита в данном исследовании мысль о том, что в локальных конфликтах британское правительство усматривало возможность разрушить русские планы, направленные на захват Проливов и Константинополя.

Подробно рассматривая вопрос дипломатических отношений по вопросу о Проливах с позиции различных европейских держав, Ю.В. Лунева, однако, достаточно кратко рассмотрела турецкую позицию в вопросе об открытии Босфора и Дарданелл в пользу конкретных государств. А ведь мнение Турции как одной из наиболее заинтересованных держав в проблеме Проливов (и более того —

потенциальной жертвы «дипломатических игр» европейских политиков), было бы целесообразно рассмотреть подробнее, ибо характер решений по данному вопросу напрямую влиял на стратегическое положение страны и ее политическую безопасность. Пожелание автору — для создания многополюсного видения поставленной в исследовании проблемы проанализировать противоречия внутри Османской империи с целью отражения тех усилий, с которыми турки пытались решать вопрос о Черноморских проливах. При этом полезным оказалось бы изучение не только позиции турецких политиков, но и общественного мнения по данному вопросу (как турецкого, так и европейских стран), что придало бы работе более заверченный характер.

В целом, поставленные Ю.В. Луновой исследовательские задачи раскрыты полностью. В силу новых подходов к изучению прошлого, задействовании ранее не используемых источников, монография полезна не только специалистам по российской и зарубежной политической истории начала XX в., но рекомендуется как ценная научная работа студентам, аспирантам и всем, интересующимся проблемами истории.

С.В. Чукедов

В Диссертационном совете МГПУ

Диссертационный совет Д 850.007.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 07.00.02 — отечественная история (исторические науки); 07.00.03 — всеобщая история (новая и новейшая история) (исторические науки) работает на базе ГБОУ ВПО МГПУ с 1999 года. Председатель совета — доктор исторических наук, профессор В.В. Рябов; Заместитель председателя — доктор исторических наук, профессор Ю.Д. Акашев; Ученый секретарь — кандидат исторических наук, профессор В.А. Корнилов.

В 2009 году совет был переаккредитован приказом ВАК РФ от 08.09.2009 г. № 1925-1073. Срок полномочий совета продлен приказом Рособрнадзора на период действия Номенклатуры специальностей научных работников.

2012 год принес ряд изменений в работу диссертационного совета. С 10 февраля 2012 г. вступило в силу новое «Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»¹. В соответствии с новым положением к 16 марта из 3300 диссертационных советов, утвержденных приказами Рособрнадзора в 2009–2011 гг., был составлен новый список из 1412 диссертационных советов, соответствующих новому положению, диссертационный совет Д 850.007.01 вошел в сокращенный список. С февраля 2012 года на всех заседаниях совета производится видеосъемка. Кроме того, соискатели обязаны предоставлять документ о проверке своей диссертационной работы в системе «АНТИПЛАГИАТ».

В прошедшем году состоялись защиты шести кандидатских диссертаций по специальности «отечественная история», пять из которых исследовали различные исторические социально-культурные процессы Москвы и Московской губернии второй половины XIX – начала XX века.

¹ В «Российской газете» № 5702 от 10.02.2012 г. опубликован Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. № 2817 (зарегистрирован Минюстом России 31 января 2012 г., регистрационный № 23080) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // URL: <http://www.rg.ru/2012/02/10/nauka-dok.html>.

В диссертации **Л.А. Барановой «Положение фабрично-заводских рабочих Москвы в конце XIX – начале XX века»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор А.В. Ушаков) ставится задача комплексного исследования экономического, социального положения и культурно-образовательного уровня фабрично-заводских рабочих накануне Первой российской революции. Исследование данной темы позволяет показать на примере московского пролетариата общие тенденции, характерные для развития рабочего класса России рубежа XIX и XX вв., а также выявить специфические особенности, характеризующие положение московских рабочих. Исследование расширяет представления о процессе формирования рабочего класса, а также позволяет характеризовать процесс урбанизации, происходивший в Российской империи на рубеже XIX и XX вв. Автор рассмотрела правовое и экономическое положение московских фабрично-заводских рабочих накануне Первой российской революции (их заработную плату, продолжительность рабочего дня, производственно-технические и санитарно-гигиенические условия труда, жилищные условия, статистику профессиональной заболеваемости и травматизма, медицинское обслуживание и страхование, условия и возможность получения образования, особенности воскресного и праздничного отдыха). Несмотря на традиционный интерес историков к теме рабочего движения, автору удалось привлечь в работе большое количество новых источников. Значительный массив документов по теме исследования извлечен из Государственного архива Российской Федерации и фондов: «Государственное издательство “История фабрик и заводов”», «Московского Губернского Жандармского Управления», «Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при Московском градоначальнике», «Управления Московского Генерал-губернатора», «Канцелярии Московского губернатора», «Канцелярии Московского градоначальника», в фондах Товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель», Товарищества Московского металлического завода, Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, Товарищества «Г. Симоно и К^о», Товарищества Саввинской мануфактуры «Викулы Морозова сыновей, Ивана Полякова и К^о».

В диссертации **А.В. Боярчук «Культурно-бытовые традиции крестьян во второй половине XIX в. (по материалам Московской губернии)»**, подготовленной под научным руководством доктора исторических наук, профессора Ю.Д. Акашева, исследуются новые явления в культурно-бытовой повседневности крестьян Московской губернии, возникшие под влиянием реформ второй половины XIX в., а также архаичные черты народной культуры и причины их живучести в крестьянской среде. Цель диссертации — проследить эволюцию культурно-бытовых традиций крестьян и влияние на них новой социально-экономической ситуации во второй половине XIX в. в России на примере Московской губернии. А.В. Боярчук обращается к широкой исто-

рико-этнографической базе как Центрального исторического архива Москвы, так и областных краеведческих музеев: Историко-художественного музея г. Егорьевска, Историко-краеведческого музея г. Можайска, Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» (г. Истра), Музея-заповедника «Дмитровский кремль» в г. Дмитров.

Диссертация **А.А. Назукиной «Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX века»**, подготовленная под научным руководством доктора исторических наук, профессора А.В. Ушакова, была особо отмечена диссертационным советом. В данной диссертации впервые был собран, систематизирован и введен в научный оборот широкий круг источников, на основании которых дан всесторонний анализ производства, торговли, потребления и борьбы с потреблением водки и спирта в годы казенной винной монополии 1894–1914 гг. в Московской губернии. В диссертации проанализированы содержание и особенности акцизной системы в Российской империи и причины введения монопольной питейной системы в 1894 г.; выявлены изменения в организации производства и винной торговли, связанные с введением монопольной системы на материалах Московской губернии; определены направления, формы социального контроля и борьбы с пьянством государственных и общественных институтов в период действия акцизной системы; рассмотрен процесс эволюции деятельности государственных институтов и обществ трезвости в Московской губернии в годы винной монополии, а также проанализированы результаты деятельности государственных и общественных организаций по борьбе с пьянством и алкоголизмом в годы казенной винной монополии. В приложениях дана информация об организационной структуре в питейной торговле в масштабах уезда, структуре предприятий по форме их отношения к трактирному промыслу, перечень московских трактиров и краткая их история, документация об источниках доходов московских обществ трезвости, организационная структура казенной винной монополии, информация о «медицинских винах».

Диссертация **А.А. Сологян «Российские Императорские театры Петербурга и Москвы в 80–90-е гг. XIX века»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Г.Г. Касаров) посвящена изучению культурных процессов в пореформенной России, анализу состояния театральной деятельности, динамике ее развития, процессу возникновения и становления частных театров. Автор приходит к выводу о том, что реформа 1882 г. улучшила положение артистов, режиссеров, драматургов, обслуживающего персонала; переходный период от реакции 80-х годов к общедемократическому подъему 90-х годов XIX века характеризовался изменением репертуара и сценического искусства артистов драматических театров Москвы и Санкт-Петербурга; состоявшийся в марте 1897 года в Москве первый съезд театральных деятелей сыграл существенную роль в жизни российских драматических театров, где был принят ряд принципиальных резолюций о положении артистов российских театров, о вознаграждении за их труд, о под-

готовке молодых кадров для театров. Съезд способствовал дальнейшему совершенствованию театральной России. Именно в эти годы развернулась борьба за будущее театрального искусства, которая стала содержанием театрального процесса 80–90-х годов XIX века.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что оно является одной из первых работ, в которой на основе документов и материалов наиболее полно проанализирована деятельность драматических театров в условиях театральных реформ 1880–1890-х гг., изучен и обобщен опыт работы Императорских драматических театров России в 1880–1890-е гг.

В диссертации **И.А. Гвоздева «История московской рекламы во второй половине XIX – начале XX века»** (научный руководитель — кандидат исторических наук, профессор В.А. Корнилов) рассматривается процесс бурного развития рекламной деятельности как специфического явления российской действительности во второй половине XIX – начале XX века. Автор исследует рекламу в двух ее основных видах (наружной и печатной, а также в форме выставок) от либеральных реформ Александра II до 1917 года. В диссертации исследованы закономерности и условия развития рекламы в Москве во второй половине XIX – начале XX века; систематизированы виды и формы коммерческой рекламы в Москве в изучаемый период; выявлена динамика рекламных объявлений на страницах московских газет, а также особенности их оформления, местоположения на газетных полосах, направленности, целевой аудитории; дана оценка динамики доходов, которые приносила реклама издателям; показана информативная роль рекламы и ее художественный уровень.

Диссертация **В.М. Шалашной «Механизм принятия государственных решений в Российской империи в эпоху преобразований Александра II (на примере военных реформ 1860–1870-х гг.)»** выполнена на общеуниверситетской кафедре Института гуманитарных наук (научный руководитель — кандидат исторических наук, профессор В.В. Кириллов). Автор исследует законотворческую деятельность правительственных учреждений в период реформирования политической системы. В работе проанализированы положения учредительных документов, определяющих организационно-правовые основы статуса и законотворческой деятельности Государственного совета, Комитета министров, Совета министров, Правительствующего Сената в 1860–1870-е гг.; исследована процедура рассмотрения законопроектов в высших правительственных учреждениях; рассмотрены возможности и методы влияния высших государственных учреждений, отдельных сановников на процесс принятия законопроектов. В.М. Шалашная систематизирует исторические события и выявляет целостный механизм принятия государственных решений на примере военных реформ 1860–1870-х гг.

Т.В. Чупрова

ЮБИЛЕЙ

Е.И. Хаванов

Последний из могикан (к 90-летию профессора К.К. Ширины)

Статья посвящена юбилею профессора кафедры всеобщей истории МГПУ К.К. Ширины. Автор рассказывает о жизни и научных трудах, созданных К.К. Шириной.

Ключевые слова: Ширина Кирилл Кириллович.

Кириллу Кирилловичу Ширина 24 декабря исполнилось 90. За его плечами — долгая жизнь, а за ней судьба поколения с его главным подвигом, совершенным на заре молодости.

Жизнь, казалось, загодя готовила к нему. Еще в школе на Оренбургщине он услышал о фашизме, о приходе к власти в Германии гитлеровской партии. В том же году, вместе с однокашниками, следил, как разворачивалось дело Георгия Димитрова. Димитров победил, это восхищало. Однако подлинное лицо фашизма, которое открылось в ходе суда, заставляло содрогнуться. «Фашизм, — писал в своих статьях М. Горький, — это мобилизация и организация капиталом нездоровых физически и морально отслоений буржуазного общества, мобилизация юных потомков алкоголиков и сифилитиков, мобилизация истерических детей, пострадавших от впечатлений войны 1914–1918 гг., детей мелкой буржуазии, “мстителей” за поражения и победы, которые оказались для буржуазии не менее разрушительными, чем поражения...»

С годами эта физиономия фашизма вырисовывалась все более четко. Заметнее становилось и особое пристрастие его к молодежи. Она была ему нужна как воздух. Без нее, без опоры на молодое поколение он не мог рассчитывать на реализацию своих планов.

А это было как раз то же самое поколение, к которому принадлежал юноша с Оренбургщины, летом 1939 г. поступивший в педагогический институт. Но только на другом краю планеты.

Учиться пришлось, увы, лишь два месяца. Защита Родины, служба в Красной армии были важнее. Хотя уже состоялся пакт Молотова – Риббентропа, а вскоре подписан и договор о дружбе и границе между Москвой и Берлином, это мало кого успокаивало. Молодые люди учились читать между строк официальных сообщений и понимали: надо учить немецкий язык. И, наконец, непосредственное соприкосновение с фашизмом на линии фронта, на земле, а затем и в небе. Где-то в невидимых для рядового бойца штабах решались сложные уравнения со многими неизвестными, эфир переполняли закодированные приказы и команды, установки полкам, батальонам и отдельным ротам, а здесь, на линии окопов, встречаясь лицом к лицу, — рядовые солдаты и сержанты, преимущественно молодые, выполняли непосредственные задачи войны. Различие — только лишь в форме и соответственно в названиях стран, которые они представляли: фашистская Германия и СССР. И этим все определялось и объяснялось.

Однажды в самом начале войны, во время отступления, Кирилл оказался один на один с немецким ровесником — фашистским воздушным асом. Положение было явно неравным: тот — за рулем и пулеметом в истребителе, а этот — совершенно открытый, на невысокой железнодорожной насыпи, да к тому же с грузом — катушкой связиста. Не совсем ясно, чем привлекла эта одиночная, да к тому же беззащитная цель вошедшего в раж охотника, но он, долго не думая, решил «срезать» попавшего под руку русского. Пулеметная очередь, однако, прошла мимо. Увидев, что русский поднялся, пошел дальше, немец повторяет атаку. Но пока самолет разворачивался, Кирилл успел перебежать на другую сторону насыпи и как-то укрыться. Пулеметная очередь снова не достигла цели.

Что двигало фашистским асом? Окропленная национал-социалистским бредом ненависть к советскому, русскому, славянскому? Высокомерие пробуждающегося сверхчеловека к недочеловеку? Да, прямой диалог русского, советского юноши с фашизмом начинался в таких формах.

Позднее средством диалога оказался и сам немецкий язык. Кирилл становится оператором так называемой говорящей установки: оборудованная тремя громкоговорителями полуторка должна была «вещать» на расположение войск противника. Затем он — полноправный хозяин малой окопной (были и такие) звукоустановки. Случалось самому под покровом ночи тянуть провода, на ничейной земле, метрах в 150–200 от передовой ставить рупор и... читать текст. Понятно, что благодарности со стороны слушателей ожидать не приходилось, почти всегда попадал под обстрел.

Потом для этой же цели стала использоваться специальная эскадрилья «курузников». Конечно, и в небе над вражеской территорией их никто не ждал. Так что наряду с громкоговорителями экипаж должен был брать с собой гранаты или зажигательные бомбы, а то и реактивные снаряды («малые катюши»). Были и настоящие воздушные бои. Случалось и видеть немецких пилотов в лицо.

Таковы были формы общения с ровесниками оттуда, с той стороны. Реже приходилось общаться — как переводчику — с немецкими военнопленными. Кое-что уже успевшие понять, но еще сохранявшие снобизм и самоуверенность в глазах — в самом начале войны, они к ее исходу отправлялись в советский плен с потухшими лицами, на которых ясно прочитывалось только одно: «Гитлер капут».

Гитлеровская Германия разгромлена. Война закончилась. Главные военные преступники осуждены. Но фашизм еще не уничтожен. Под серым пеплом тлели его угли. Он тлел в душах миллионов. Вспоминались строки из Гёте:

Еще плодоносить способно чрево,
Которое вынашивало гада.

Предстояли годы сложной и кропотливой работы под названием денацификация. В советской зоне оккупации она проводилась под руководством и при активнейшем участии Советской военной администрации (СВАГ). С осени 1945-го молодой антифашист с Оренбургщины здесь, в Берлине, в Бюро информации СВАГ — референт, начальник отдела. В марте 1948 г. денацификация на Востоке Германии была завершена, а в октябре 1949 г. провозглашено создание антифашистского государства — ГДР.

Кажется, продвижение к основным жизненным целям проходило, как теперь выражаются космонавты, в штатном режиме. И даже лучше: имея воинское звание старшины, молодой человек занимал должность старшего офицера. Коллеги предсказывали блестящий карьерный рост. Однако офицерская служба его не очень-то интересовала. Он хотел понять... явление фашизма и способы борьбы с ним. И здесь ему — он все более ощущал это — не хватало исторического образования. И вместо рапорта о направлении в военное учебное заведение он подает заявление о приеме на исторический факультет Московского государственного университета.

Он уже успел закончить несколько курсов МГУ, пока его не отпустили из армии. В волжском городе Куйбышеве работал в молодежной газете. Преподавал всеобщую историю. И вот долгожданный прорыв: рекомендованный на учебу в Академию общественных наук, он вплотную берется за науку и готовит диссертацию «Коммунистический Интернационал и Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашизма в 1933–1935 гг.». Тема — из сложнейших. Предстояло не только раскрыть природу фашизма, но и выявить, показать просчеты и ошибки германских коммунистов, Коминтерна, позволившие Гитлеру прийти к власти в этой стране. Признать и взять на себя перед всем миром ту или иную часть вины за все, что натворил фашизм, за Вторую мировую войну? Что ждет

автора таких разоблачений? И кто ради них позволит использовать свои, доселе закрытые архивы? А если без архивов, то какая же это наука? Поэтому никто особо не рвался к данной теме. К.К. Шириня был первым. Прежде всего он исходил из того, что правда — и о других, и о себе в особенности — нужна, в первую очередь, самим себе. Нельзя же идти вперед, развиваться, не разобравшись досконально, что было содеяно, совершено раньше. Даже если речь идет о просчетах, афишировать которые перед лицом классового врага вроде бы и не стоит, о них надо знать самим, хотя бы для того, чтобы не повторять их. Так родилась компромиссная идея, в необходимости которой удалось убедить и самое высокое начальство: исследование выполнить, но без широкой огласки, в закрытом режиме. Пусть прочтут те, кому уж совсем нельзя не знать, а дальше посмотрим по обстановке. Расчет оправдался. Диссертация получилась убедительной, защита — хотя о ней и не объявлялось — прошла успешно. Автор приобрел репутацию глубокого и принципиального аналитика. Что касается обстановки, то и она постепенно стала складываться в пользу его исследования. Критический самоанализ действительно никому еще не вредил. Так в 1965 году появилась книга «Поворот в политике Коминтерна», написанная в соавторстве с Б.М. Лейбзоном. Она была переведена и издана в Японии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Италии. Ну а работа следующего этапа — докторская диссертация «Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939)» — в 1981 г. защищалась совершенно открыто, и скорее как монография, чем диссертация. Историк вооружил оппонентов фашизма не только своим анализом этого порождения эпохи, но и опытом борьбы с ним. И тем не менее фашизм еще — увы! — жив. У него появляются сторонники, и не только в каких-то неведомых углах планеты, но и у нас в России. Одни защищают фашизм, потому что он им близок. Другие просто не воспринимают его всерьез. Не где-то, а в самих «Известиях» популярный артист (М. Ефремов) шутит в адрес своего коллеги и самого себя: «Он — фашиствующий интеллигент, а я либеральный фашист. Поэтому мы с ним договорились: если он придет к власти, то меня не тронут, а если я — мы впишем его в списки неприкасаемых» (Известия, 2011, 17 августа). А руководитель предвыборного штаба «Справедливой России» О. Михеев, приехав в Волгоград, явился на свадьбу однопартийца в форме фашистского адмирала Канариса (Известия, 2011, 18 августа). Наконец, в дружественной с Россией Южной Осетии один из ведущих чиновников администрации, «очень крепкий администратор, искушенный в аппаратной борьбе» получил прозвище Борман (Известия, 2011, 2 сентября).

Такие вот шутки на Руси. Так что рано антифашистам сворачивать свои знамена.

У могикиана-90 много учеников. Это — читатели его книг, статей, слушатели его выступлений в десятках стран — от Италии и Финляндии до Японии, его собеседники — молодые люди в освобожденных от фашизма Германии, Австрии, Болгарии, школьники и студенты в Москве. Самая свежая поросль его учени-

ков — в нашем университете. Одни из них уже получили дипломы учителей истории и сейчас сами обрели учеников. Другие сидят в аудиториях, внимательно вслушиваясь в слова последнего из могокан, постигая науку антифашизма.

Ныне немногие из его поколения остаются в строю. Все меньше остается и тех, кто прошел его школу, плечом к плечу идя с ним. И теперь их багаж, знания о нем — это тоже исторический источник. Источник самый надежный и самый доступный, поскольку Кирилл Кириллович с нами.

В науке, как и в жизни вообще, все непросто. Каждый шаг на пути постижения истины встречает много самых неожиданных сложностей. Ведь на пути нового всегда стоит старое, которое имеет своих сторонников, подчас влиятельных и сильных. С чисто научной точки зрения, с позиций жизни, чем новее идея, чем более она соответствует назревшей (или назревающей) ситуации, тем она нужнее, важнее для общества. Но если ее противники, заинтересованные в сохранении старого, достаточно сильны, чтобы дискредитировать идею, они воспользуются этим. Так что совсем не зря у наших классиков можно встретить суждение, что даже математические формулы встречают решительные опровержения, если они задевают чьи-то интересы. Но чаще все-таки они появляются у тех, кто исследует политические проблемы. Историк в подтверждение приведет какой-нибудь хрестоматийный пример вроде перелета в Англию в мае 1941-го Р. Гесса. Английская сторона тогда не пошла на грязную сделку с эмиссаром Гитлера, его интернировали. Но какие-то переговоры с ним кто-то все же вел. О чем? Рыльце у англичан оказалось в пуху. В 1946 году Гесса приговорили к пожизненному заключению, а спустя 40 с лишним лет несостоявшийся герой ушел в иной мир, будучи найденным в тюремной камере с петлей на шее (по одной из версий — дело английских спецслужб). Ну, а все, что связано с его перелетом и встречей в Англии, до сих пор недоступно. В соответствии с законом.

И так повсеместно. Существуют свехусердные старатели, порой не слишком грамотные, в лице так называемых хранителей фондов. Возьмут и вычеркнут ту или иную фамилию или цифру из тетради исследователя. А то и вырежут целую страницу. Исследователю приходится быть не только аналитиком, но и тактиком, дипломатом в общении с работниками архивных инстанций и в своей стране, и за рубежом. Самой разработкой острых проблем, спорных вопросов истории хлопоты исследователей не ограничиваются. Чаще выходит наоборот: только после выхода книги, публикации статьи все и начинается. Приходится куда-то идти на «ковер», оправдываться, дополнительно доказывать свою правоту. Но зато каждый выход в большую прессу оказывался настоящим прорывом. Если те или иные вопросы вызвали сомнения в общественном сознании и кривотолки, то всякая серьезная публикация оказывалась вкладом в достижение компромисса.

Таков был главный вектор в деятельности историка-антифашиста К.К. Ширини, определивший его жизненный и творческий путь. После кафедры истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительно-

го движения Академии общественных наук, где завершилось его становление как исследователя, он возглавлял созданный в Институте марксизма-ленинизма сектор истории Коминтерна. Вот уже 20 лет как этих структур — ни института, ни сектора — не существует. Однако свою роль в продвижении исторической мысли они выполнили. И в частности — шириневский сектор. Об этом свидетельствует представленный здесь перечень публикаций. Он неполон, в нем лишь работы самого Кирилла Кирилловича. Главная из них — «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». Краткий условно: 600 страниц — это целый том. Краткий — по сравнению со всей литературой, которая вышла и в институте, и в том интеллектуальном пространстве, которое сложилось вокруг него. Это книги практически по всем организациям и движениям, составлявшим базу антифашистской, антивоенной, демократической борьбы, массовым объединениям, продукция всех научных центров, с которыми московские коллеги были связаны. Данный том символичен и своей географической широтой. Помимо русского, он издан еще и на 18 иностранных языках. А если судить в общем, по всем изданиям, то это целая библиотека.

После падения советской власти в нашей стране, на волнах антисоветизма и антикоммунизма, предпринимались попытки пересмотра истории. Они коснулись и роли Коминтерна в сплочении антифашистских сил, приведшем не только к созданию фронтов национального единства в поработанных Германией странах, но и возникновению победоносной антигитлеровской коалиции. В это непростое время, на восьмом и девятом десятках лет последний из могижан возвращается на свой пост, продолжает усиленно работать в архиве. За 15 лет, к своему 85-летию, он подготовил и на собственные средства (то бишь на пенсию) издал фундаментальную монографию «Коминтерн в 1933 году». Книга помогла распутать узлы на одном из самых сложных этапов в истории антифашистской борьбы. Это был еще один подвиг историка. И это не все. С конца 90-х гг. Кирилл Кириллович — профессор кафедры истории мировых цивилизаций (всеобщей истории) Московского городского педагогического университета, работает со студентами и аспирантами. Ни одно научное мероприятие не проходит без его участия. А его научные работы по-прежнему остаются образцом теоретической глубины, научной честности и принципиальности. Последний из могижан остается в строю.

Ye.I. Khavanov

**Last of the Mohicans
(on the 90th Anniversary of Professor K.K. Shirinya)**

The article is devoted to the anniversary of professor of general history department of MCTTU K.K. Shirinya. The author tells about the life and scientific works created by K.K. Shirinya.

Key words: Shirinya Kirill Kirillovich

Основные работы профессора К.К. Ширини

1. Поворот в политике Коминтерна. – М.: Мысль, 1965. – 374 с.; 2-е изд., дополн. – М.: Мысль, 1975. – 424 с. (В соавторстве с Б.М. Лейбзоном; книга издана также в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Японии, Италии.)
2. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. – М.: Политическая литература, 1969. – 600 с. (Автор глав 4 и 5; книга вышла на 19 языках.)
3. В.И. Ленин и Коммунистический Интернационал. Документальный сборник. – М.: Политическая литература, 1970. – 564 с. (Ответственный редактор и автор вводной части.)
4. Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения. – М.: Политиздат, 1972. – 560 с. (Автор двух глав; книга издана также в Болгарии.)
5. История Второй мировой войны. 1939–1945: В 12-ти тт. – Т. 1. – М.: Военное изд-во Минобороны СССР, 1973. – Гл. 9. – С. 305–334; Т. 2. – М.: Военное издательство Минобороны СССР, 1974. – Гл. 6. – С. 222–270. (Автор глав об антивоенном движении.)
6. Новейшая история. 1918–1939 гг. / Под ред. И.С. Галкина. – М.: МГУ, 1974. – С. 28–46; 555–595. (Автор глав 3 и 28.)
7. Третий конгресс Коминтерна. – М.: Политиздат, 1975. – С. 10–94. (Автор главы 1.)
8. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: сборник документов. – М.: Политиздат, 1975. – 528 с. (Ответственный редактор-составитель и автор предисловия.)
9. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Наука, 1977. – 376 с. (Автор разделов по проблемам Коминтерна.)
10. История фашизма в Западной Европе. – М.: Наука, 1978. – С. 385–436). (Автор главы 9.)
11. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939). – М.: Политиздат, 1979. – 408 с. (Книга издана также на датском языке.)
12. Четвертый конгресс Коминтерна. – М.: Политиздат, 1980. – С. 8–87. (Ответственный редактор и автор главы 1.)

13. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. – Т. 4. – М.: Мысль, 1980. – 736 с.; Т. 5. – М.: Мысль, 1981. – 752 с. (Автор разделов, посвященных стратегии и тактике Коминтерна.)
14. Первый конгресс Коминтерна. – М.: Политиздат, 1986. – С. 9–87; 143–200. (Ответственный редактор и автор глав 1 и 3.)
15. Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Документы: В 3-х тт. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1986. – 638 с.; Т. 2. – М.: Политиздат, 1988. – Кн. 1. – 528 с.; Кн. 2. – 382 с. (Ответственный редактор и один из авторов предисловий; книги изданы в Болгарии и ГДР.)
16. Организационная структура Коминтерна 1919–1943. – М.: Политиздат, 1997. – 288 с. (В соавторстве с Г.М. Адибековым и Э.Н. Шахназаровой.)
17. Коминтерн против фашизма. Документы. – М.: Наука, 1999. – 508 с. (Подготовка текста и один из авторов предисловия.)
18. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. – М.: РОССПЭН, 2001. – 792 с. (Подготовка текста и один из авторов вводной статьи.)
19. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с. (Ответственный редактор и один из авторов предисловия.)
20. Коминтерн в 1933 году. – М.: Экслибрис-пресс, 2006. – 520 с.
21. ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918 – 1941. Документы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 816 с. (Ответственный редактор и один из авторов предисловия.)
22. Ноябрьская революция в Германии. Взгляд через 90 лет. – М.: МГПУ, 2009. – С. 20–46. (Автор главы.)

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2012, № 1 (9)

Васёхина Наталия Владимировна — кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории МГПУ (wasehina@mail.ru).

Ватник Нисон Семенович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОСГИ) (vanis@list.ru).

Войтенко Антон Анатольевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (voytenko@yandex.ru).

Махнырёв Антон Леонидович — аспирант Общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (mahnyrev_anton@mail.ru).

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Рябов Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, ректор МГПУ (Ryabov@MGPU.ru).

Селивёрстова Наталья Матвеевна — кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории МГПУ (nseliverstova@mail.ru).

Серов Олег Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории МГПУ (gelo.olser@mail.com).

Татаркина Надежда Владимировна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (nvasina@yandex.ru).

Фирсова Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент Общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (olgafirsov@yandex.ru).

Хаванов Евгений Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ (Khavanov@MGPU.ru).

Черепнёва Анастасия Алексеевна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (achee@mail.ru).

Чукедов Сергей Викторович — магистрант кафедры всеобщей истории МГПУ (east472007@yandex.ru).

Чупрова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, технический секретарь Диссертационного совета МГПУ (Chuprova@MGPU.ru).

**Authors / МСТТУ Vestnik,
Series «Historical studies», 2012, № 1 (9)**

Vasekhina Natalia Vladimirovna — PhD in History, doctoral candidate of History of Russia department, МСТТУ (wasehina@mail.ru).

Vatnik Nison Semyonovich — PhD in History, docent of History department of MGOSGI (vanis@list.ru).

Voytenko Anton Anatolievich — PhD of History, research fellow of the Institute of World History of Russian Academy of Sciences (voytenko@yandex.ru).

Mahnyryov Anton Leonidovich — Post-graduate of all-university History department, МСТТУ (mahnyrev_anton@mail.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor of World History department, МСТТУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Ryabov Viktor Vasilievich — Doctor of History, full professor, rector of МСТТУ (ryabov@mgpu.ru).

Seliverstova Natalja Matveevna — PhD in History, doctoral candidate of History of Russia department, МСТТУ (seliverstova@mgpu.ru).

Serov Oleg Vycheslavovich — PhD in History, docent of History of Russia department, МСТТУ (gelo.olser@mail.com).

Tatarkina Nadezhda Vladimirovna — Post-graduate, History of Russia department, МСТТУ (nvasina@yandex.ru).

Firsova Olga Gennadjevna — PhD in History, docent of all-university History department, МСТТУ (olgafirsov@yandex.ru).

Havanov Evgenii Ivanovich — Doctor of History, full professor, head of World History department, МСТТУ (khavanov@mgpu.ru).

Cherepneva Anastasiya Alekseevna — Post-graduate of World History department, МСТТУ (achee@mail.ru).

Chukedov Sergei Viktorovich — Magister of World History department, МСТТУ (east472007@yandex.ru).

Chuprova Tatiana Vladimirovna — PhD in History, technical secretary of Dissertation council of МСТТУ (Chuprova@mgpu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета ГБОУ ВПО МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Статья объемом не менее 0,5 а.л. и не более 1 а.л. (40 тыс. знаков) должна быть напечатана на бумаге формата А4.; поля страницы: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 15 мм; в тексте, таблицах, формулах и иллюстрациях следует применять шрифты: Times New Roman, Arial, Courier New, кегль — 14, межстрочный интервал 15 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набирают: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом.

2. К статье должна быть приложена ее электронная версия на следующих носителях: CD-R; CD-RW; DVD-R; DVD-RW; USB flash в форматах Microsoft Word, RTF. Весь текст рукописи должен быть сохранен в одном файле.

3. Перед названием статьи (не более 7 слов) указываются инициалы и фамилия автора (авторов). После названия статьи должна следовать краткая аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении. Ключевые слова и словосочетания (не более 5) разделяются точкой с запятой.

4. В конце каждой статьи следует список литературы на русском и на английском языках. Литература дается в алфавитном порядке. Ссылки на нее оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [10: с. 81], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, приведенного в конце статьи, а вторая — номер страницы источника; кроме этого может указываться том, параграф, книга. Например: [5: Т. II, с. 60], [5: § 5, с. 60], [5: кн. 5, с. 60].

5. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать. Выделения в тексте делаются светлым курсивом, жирным курсивом и жирным шрифтом. Подчеркивания исключаются!

6. **Библиографические ссылки на электронные ресурсы** нужно делать внутритекстовые в круглых скобках. Например: (Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.orhto-rus.ru/>), (URL: <http://www.bashedu.ru/encicle.htm>).

7. **Библиографические ссылки на архивные документы** следует делать внутритекстовые ((НБА РКП.Ф.1.0п.19 Ед.хр.8); (БГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ. Разрядные вязки. Вязка 1.4.1) № 10. Л. 1-64)).

Иностранные издания в списке литературы идут после русских изданий и следуют тем же правилам оформления.

8. **Примечания.** Примечания даются в конце страницы, нумерация ограничивается пределами страницы.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. К статье прилагается информация об авторе (авторах) (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы) на русском и английском языках, контактный телефон и электронный адрес.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (8), 2011

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Л.Ю. Ильина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 16.05.2012 г. Формат 70 × 108 1 / 16.
Бумага офсетная.

Объем: 8,25 усл. печ. л. Тираж: 1000 экз.